ИВАН ДЫНИН

ГЕНЕРАЛ ПОЛБИН

ИВАН ДЫНИН

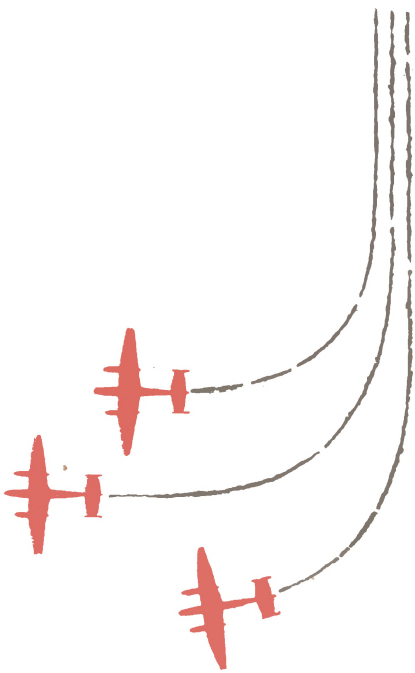
ГЕНЕРАЛ ПОЛБИН

Дважды Герой Советского Союза генерал Полбин, командир гвардейского бомбардировочного корпуса, был очень храбрым, я бы даже сказал — безумно храбрым человеком. Причем эта храбрость сочеталась у него с высокими командирскими и организаторскими качествами. Всю войну он продолжал летать на выполнение боевых задач, особенно когда это были задачи крупные, ответственные или особо опасные...»

Маршал
Советского Союза
И. С. КОНЕВ

ИВАН ДЫНИН

ГЕНЕРАЛ ПОЛБИН



Саратов
Приволжское книжное
издательство
1981

63.3(2)722.78
Д89

Дынин И.
Д89 Генерал Полбин.— Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1981.— 185 с.

Член СЖ СССР полковник И. М. Дынин рассказывает в книге о жизни прославленного летчика, дважды Героя Советского Союза генерал-майора авиации Ивана Семеновича Полбина.

11302
13-81

66.3(2)722.78

© Приволжское книжное издательство, 1981 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если судить мерой мирного времени, то генерала И. С. Полбина я знал не так уж долго, чуть больше года. Но это были дни и месяцы Великой Отечественной войны. А на войне порой достаточно одного боя, одной воздушной схватки, чтобы познать человека, оценить его душевные качества, увидеть многие стороны характера. Вот почему я могу с уверенностью сказать, что дважды Героя Советского Союза генерал-майора авиации Ивана Семеновича Полбина знал хорошо.

Гвардейский бомбардировочный авиационный корпус под командованием И. С. Полбина принимал участие в битве под Курском, в боях за Харьков, во Львовско-Сандомирской и Висло-Одерской операциях. Мне, возглавлявшему в то время воздушную армию, приходилось ставить генералу И. С. Полбину трудные и опасные боевые задачи. И должен сказать, что авиаторы корпуса всегда с успехом и с малыми потерями выполняли их. Огромная заслуга в этом принадлежала командиру корпуса.

Иван Семенович Полбин был опытным воздушным бойцом. Еще на Халхин-Голе он водил в бой эскадрилью, в первые дни Великой Отечественной полк под его командованием защищал Москву. За подвиг, совершенный им под Сталинградом, удостоен звания Героя Советского Союза. В 1945 году посмертно удостоен этого звания вторично.

Любовь к Родине, кристальная партийная честность, пытливый от природы ум позволили Ивану Семеновичу Полбину встать вровень с выдающимися летчиками нашего времени.

И. С. Полбин был теоретиком. Помню, с каким интересом читались его статьи, публикуемые в газетах и на страницах «Вестника воздушного флота». В них он поднимал и разрабатывал проблемы, волнующие не только бомбардировщиков, но и авиаторов других родов войск. В конце войны вышла из печати небольшая по объему, но емкая по мысли книга, написанная генералом Полбиным. В ней он изложил основы пикирующего удара, обобщил опыт подготовки снайперских экипажей и подразделений, разработал методику бомбометания по точечным целям, обосновал необходимость применения «вертушки».

Его теория рождалась из собственной практики. Много раз водил он группы пикировщиков для бомбометания по танковым колоннам, мостам и переправам, железнодорожным станциям и узлам, демонстрируя при этом большое мужество и командирское мастерство. Личный пример всегда был для него самым действенным методическим приемом.

Хорошо известны и незаурядные организаторские способности И. С. Полбина. Особое внимание уделял он летной подготовке экипажей, поддерживая в частях и подразделениях высокий уровень боевой выучки. Несмотря на свой опыт и положение, он всегда тщательно готовился к каждому вылету, требуя того же от подчинен-

ных. Приходилось только удивляться, как хорошо Полбин знал возможности и деловые качества подчиненных ему командиров дивизий, полков и даже эскадрилий. Он безошибочно определял, кому надо поручить задание, кто выполнит его успешно. Он любил и ценил своих соколов, а летчики верили ему и твердо шли за ним в бой.

158 боевых вылетов совершил Полбин. И каждый из них был образцом мужества и героизма.

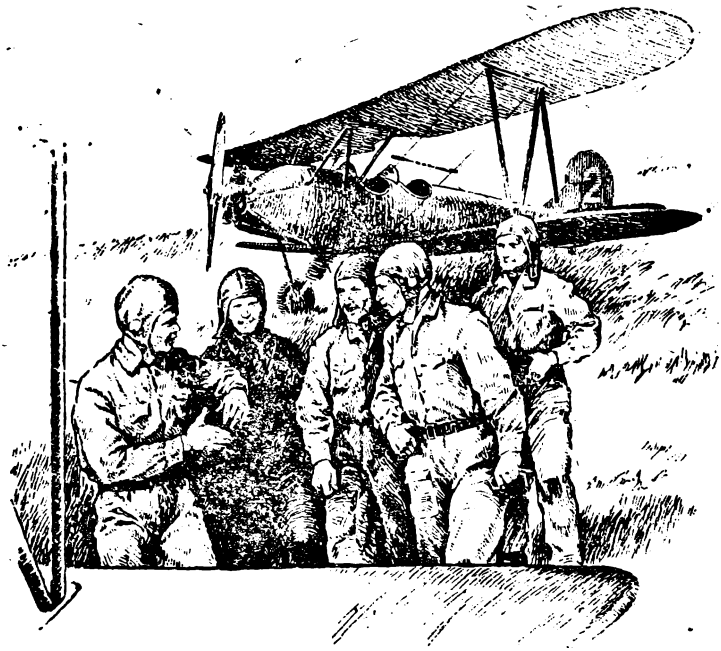
В конце войны в боях за Бреслау генерал-майор авиации И. С. Полбин погиб смертью храбрых. Он мог отдать приказ другим, но... Вряд ли стоит сейчас рассуждать, надо ли было ему лететь самому. Война есть война. Обстановка сложилась трудная. И решение командира возглавить группу бомбардировщиков говорит о том, что он поступил как патриот. Он не мог поступить иначе.

В книге Ивана Дынина «Генерал Полбин» на большом жизненном материале рисуется образ летчика и командира, достойный подражания. Мы видим Полбина батраком на помещичьей усадьбе и комсомольским активистом, курсантом и летчиком-инструктором, командиром полка, а затем — соединения.

Перед читателем одна за другой проходят картины воздушных боев, полетов на бомбометание. В этих эпизодах раскрывается характер И. С. Полбина, вырисовывается его творческое отношение к делу, его мужество, готовность пойти на риск.

Удачно впрессованы в ткань произведения личные письма И. С. Полбина, адресованные жене и детям. В них виден внутренний мир героя, его вера в правое дело, в нашу победу, его любовь к семье, мечты о будущем. В каждой строке писем чувствуется и твердый характер Ивана Семеновича, и его нежное сердце. Думается, что читатели с интересом прочтут эту книгу.

Герой Советского Союза
маршал авиации **С. А. Красовский**



Глава первая
ИСТОКИ

Мать и отец

Надзиратели и стражники переполненной симбирской тюрьмы привыкли ко всему. Но даже их заставил содрогнуться крик, раздавшийся на рассвете в феврале 1905 года в одной из общих камер. Так непривычно для тюремных стен смешались в этом пронзительном женском крике и боль, и отчаяние, и мольба о помощи.

...Утро было морозным, поэтому Ксения удивилась, когда увидела на краю села большую толпу людей. Отгораживаясь от ветра кто воротником, кто варежкой, они слушали приезжего, может рабочего, а может железнодорожника, одетого в темный короткий пиджак и не в валенки, как ходят зимой в деревне, а в добротные сапоги. Держа в руках помятую бумажку, но лишь изредка заглядывая в нее, он скорее не читал, а говорил по памя-

ти то, что было написано в ней. «Настал предел терпению. Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук... — Ветер выхватывал слова вместе с морозным паром прямо из уст выступающего, и они ложились в толпу резко, как удар кнута.— У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу».

— Правильно, правильно говорит человек,— закричала Ксения, боясь, что люди могут усомниться в сказанном.

Все с любопытством повернулись к ней. И она, не ожидавшая, что окажется у всех на виду, почувствовала робость. Наверное, в другой раз она скрылась бы за спины стоящих односельчан. А сейчас не могла. Слишком задели за живое слова, которые она услышала от выступавшего, какая-то неведомая внутренняя сила, о которой она и сама-то не подозревала, заставила ее подняться на плоский камень.

— Вот мою жизнь возьмите,— Ксения говорила громко и надрывно, будто причитала во время похорон.— Муж больной, какой из него работник. Я с утра и до вечера у помещика спины не разгибаю. А есть нам нечего. И одеть на себя нечего. И дети малые помирают. В прошлом году сына похоронила, а теперь еще одного жду. Но вы посмотрите на меня. Кожа да кости. Какая же я кормилица ему буду. И можно ли так жить дальше? Правильно человек хороший сказал: уж лучше живой в могилу, чем так мучиться.

Договорить она не успела. Толпа вдруг качнулась, заволновалась, чей-то испуганный голос выкрикнул: «Стражники!» Люди разбегались, и только Ксения осталась стоять посреди вытоптанного пятачка. Ноги ее не слушались, а в голове билась, как птица, попавшая в клетку, тревожная мысль: «Лучше уж в могилу, чем так жить...»

Пронзительный детский плач заставил Ксению очнуться. Она сделала попытку подняться, но сил не хватало.

— Лежите, лежите,— успокоил ее мужской голос, и она увидела склонившееся к ней бородатое лицо. «Это же арестованный... Молодой мужчина, я его видела... Позор какой...» — Ксения вся сжалась, но сознание больше не уносило ее в прошлое, боль словно потеряла власть над ней.

— Сын,— сказал бородатый, и Ксении почудилось, что он улыбается,— нашего полку прибыло, еще один соратник по борьбе.

— Очень это плохо,— подал голос доктор, все время стоявший у стены,— роды в тюрьме, в общей камере, никаких условий.

— А вы идите начальству своему скажите все это,— басил бородач,— или бумагу составьте самому государю. Так, мол, и так: надо создать для рожениц специальную тюрьму.

Раздался скрип двери, вошел охранник:

— Кричать в камере не положено.

Бородач рассмеялся раскатисто и гулко, передавая ребенка Ксении:

— Держите, мать, и пусть ваш сын кричит громче. Чтобы весь Симбирск слышал о его рождении.

Позже, когда за Ксенией приехал муж, когда она, уже закутанная в шаль, обернулась к бородатому узнику, чтобы поблагодарить его, он спросил:

— Как назовете сына, мамаша?

— Иваном, как же еще,— ответила Ксения, хотя никогда не думала, какое имя дать сыну.

— А фамилия-то как?

— Полбин.

— Иван Полбин,— как эхо повторил бородатый.— А ведь звучит. Ей-богу, звучит. Иван Полбин. Год рождения тысяча девятьсот пятый. Место рождения — тюрьма. Сын бунтарки.

Поклонившись низко, как принято в деревне, Ксения вышла, прижимая к груди младенца.

...В семье Полбиных считают, что рождение Ивана подействовало на отца лучше всякого лекарства. Он поднялся с постели...

За долгие годы чахотка высушила Семена Полбина. Лишь изредка, в погожие летние дни, он вставал с постели, неуверенно тыкал тонкие, непослушные ноги в огромные подшитые валенки, надевал латаное-перелатаное пальто и треух, чтобы пройтись за околицу села. Ваня любил эти прогулки. Отец шел медленно, с трудом переставляя ноги, часто останавливался, когда его начинал бить кашель. Зато в редкие минуты облегчения он спешил высказать сыну все, что накопилось у него в душе за недолгую, но трудную жизнь. То рассказывал о службе в армии, то вспоминал, как работал на железной дороге,

ворочал шпалы, возил на тачке песок и камень, но так и не сумел выйти из нужды.

— Они, мироеды, умеют кровь сосать,— говорил отец,— для них человек хуже скотины. Лошадь он и накормит и напоит. А до тебя ему и дела нет: чем ты питаешься, чем живешь, где ночуешь.

Особенно люто Семен Полбин ненавидел местного помещика Живодерова. Не было ни одной прогулки, ни одного разговора, где он не вспомнил бы этого хитрого и злого хозяйчика.

— Ты вот, сынок, возьми нашу фамилию. Полбины. Полбой исстари называют пшеницу. Видно, наши предки испокон веков возделывали землю, пахали, сеяли, жали. Ведь как тогда фамилии и имена давали? Не по книжкам, как в церкви у нас, а по делам. Сеешь пшеницу, значит, Полбиным будешь. А хозяину, зверю нашему, и имя зверское дали. Живодер он, самый настоящий.

Батрачество

Восьмой год шел Полбину, когда умер отец. Иван нанялся батраком к помещику Живодерову. Летом пас коней, зимой чистил денники, разносил сено. А через год, когда он заметно подрос, Живодеров стал посылать его на работу вместе со взрослыми. Работать Иван любил, особенно в поле, когда косари идут друг за другом, помахивая крюками, оставляя за собой ровные валки спелой ржи или пшеницы.

Однажды во время уборки произошел случай, оставивший на всю жизнь след в душе Ивана Полбина. С рассвета работали ходко, а к обеду перед глазами уже плыли желтые круги. Руки, ставшие бесчувственными, механически захватывали рожь, и серп также механически подрезал ее под корень. Помещик страшно ругался, если работники оставляли высокую стерню.

Уморившись, Иван с трудом добрел до ближайшей копны и прилег отдохнуть.

— Это что за барин развалился?

Прямо перед собой Полбин увидел красное от злости лицо Василия Живодерова. С испугу схватил серп за лезвие, но в тот же миг дико закричал от нестерпимой боли. Хозяин в ярости дернул серп к себе. Так и остался с той поры на левой руке у Ивана рубец.

На краю села стояла в то время помещичья мельница. Целыми днями то медленно, то быстро, в зависимости от ветра, вращала она огромными деревянными крыльями. Одна за другой подъезжали к ее дверям подводы. И мужики, покряхтывая, вносили в широкие двери тяжелые мешки.

— Вот житуха,— восхитился как-то мальчишка, живущий по соседству с Полбиными.— Имей мельницу, и ничего делать не надо. Ветер дует, а денежки текут в карман Живодерова.

Решетчатое крыло со скрипом медленно опускалось к земле. Ветер был слабый. И Полбиным овладела какая-то неудержимая дерзость. Чуть подпрыгнув, он ухватился за крайнюю поперечную доску и повис на крыле. Ему хотелось лишь самую малость прокатиться в таком положении, а затем отцепиться. Но, глянув вниз, он понял, что опоздал. Крыло поднималось быстрее, чем казалось с земли.

— Прыгай, Ванятка! — послышался истошный крик.

Он слышал это, но пальцы помимо воли еще крепче впивались в поперечину. Подумал только: «Надо перехватить руки, когда крыло будет наверху». А из мельницы уже выбегали люди. Слышались голоса: «Вот паршивец. Разобьется ведь». И хриплый бас самого хозяина: «Убью!»

Перехватившись руками, Иван глянул на землю. Прямо под ним, приподняв палку для удара, стоял Живодеров. И теперь уже Полбину не так страшна высота, как суковатая палка помещика. Он знал его крутой нрав и не сомневался, что Живодеров огреет изо всех сил. «Я покажу, как ломать мельницу,— слышался голос хозяина,— нашли игрушку». Иван изловчился, оттолкнулся руками и прыгнул вниз, сразу же отскочив в сторону. Помещик, не ожидавший такого прыжка, на какое-то мгновение оторопел, а этого хватило Полбину, чтобы, избежав удара, во весь дух помчаться прочь от мельницы.

— Страшно было, Вань? — спрашивали его ребята после.

— Не знаю,— отвечал он,— только помню, как на самом верху дух захватило.

— Еще бы, в самое небо поднялся!

Революция произошла, когда Полбину шел тринадцатый год. Но в Ртищево-Каменке по-прежнему голодали многодетные семьи. Как и раньше, на обеденном столе у Полбиных редко появлялся хлеб, да и картошки не было вволю.

Чувствуя, как тяжело матери одной кормить и одевать четверых детей, Иван однажды заявил, стараясь казаться самостоятельным и взрослым:

— Пойду в Выру. Буду на железной дороге работать. Не маленький уже.

В Выре Полбина не хотели оформлять на работу: слишком молод. Но нашлись мужики, знавшие старого Полбина, заступились за Ивана. Да и работники на станции были нужны. Так мальчишка, которому в самую пору было сидеть в школе за партой, оказался подручным в бригаде, занимавшейся ремонтом на железной дороге.

С волнением и гордостью Иван Полбин выбирал в кладовой костюм для себя. Брюки и куртка были сшиты из толстого брезента, гремели при каждом движении, топорщились на сгибах. Но это был первый в жизни Ивана костюм. И к тому же костюм не простой, а рабочий. Ивану захотелось пройти в этой одежде по своей Ртищево-Каменке, чтобы мать увидела его в этой спецовке и поняла, что и он стал кормильцем в семье.

Первые дни Полбин был в бригаде, как и положено подручному, наподхвате. Его посылали, если кому-то требовалось принести костыли, или он бежал туда, где надо было собрать рассыпанные гайки. Потом Ивану стали доверять проверку зазоров на стыках, а уж позже допустили к самой главной работе — разравнивать щебень, укладывать на него шпалы и укреплять рельсы.

Смышленый и старательный парнишка понравился рабочим. Постепенно они словно забыли о том, что он совсем молод, обращались как к равному, рассказывали о своих заботах и бедах, расспрашивали о матери, о братьях и сестренке.

С бумагой в ту пору было трудно. И если кому-то из рабочих удавалось с утра достать на почте или у знакомых газету, ее читали сообща во время перерывов. Читал обычно пожилой рабочий. Но мелкий шрифт он разбирал с трудом и, хотя подносил листок к самым глазам,

многие слова путал. К тому же у рабочего болели легкие. И однажды, когда тот во время чтения закашлялся и отложил газету в сторону, Иван Полбин решил заменить его.

— Так чего же ты молчал, что грамотный? — удивился машинист «кукушки», которого все называли с уважением Трофимом Петровичем. — Ведь видел, что человек и себя и нас мучает.

— Так он не просто читает, он поясняет, а я не смогу,— признался Полбин.

— Ты читай, а пояснять он будет,— решил Трофим Петрович,— так и ему легче, и нам.

С тех пор обязанности распределились сами собой. Трофим Петрович, часто бывавший со своей «кукушкой» на станции, покупал газету. А рабочие, ожидая его, дольше не объявляли перерывов и, только завидев вдалеке «кукушку», начинали располагаться на насыпи, как в театре. Трофим Петрович подходил к Ивану, поднимал руки вверх, и Полбин вытягивал у него из кармана свежую, совсем не помятую газету. Сам машинист боялся измазать ее, руки у него всегда были перепачканы мазутом.

— Ну, что там? — говорил Трофим Петрович и садился вместе со всеми.

Иван брал газету, начинал читать. Особо — о врагах революции. Для Ивана этот враг вставал в обличье помещика. Таким он изображался и на сатирических плакатах: жирным, краснощеким, с маленькими жадными глазками. Как-то во время перерыва, закончив чтение, Иван рассказал рабочим о Живодерове, показал палец, который помещик изуродовал ему во время жатвы. Оказалось, многие Живодерова знали. С того дня, словно по общему уговору, передавая газету Полбину, непременно просили:

— Ты, Иван, найди там, где про живодеров пишут.

Живодерами называли и деникинцев, и колчаковцев, и капиталистов, и помещиков. Полбин в такие минуты видел, что его враг давно стал общим врагом, а его беда — общей бедой. И у него в душе росло уважение к тем, кто трудился с ним рядом.

Ивану нравилась та сосредоточенность и заинтересованность, с какой рабочие слушали любую заметку. Но особенно его поражало то, что они порой умели увидеть за коротким сообщением значительно больше, чем

напечатано. И часто, когда газета была уже прочитана, обсуждали новости, вспоминали факты из своей жизни, говорили о том, что слышали, о чем догадывались. Их житейская мудрость помогала Ивану лучше разобраться в положении страны, докопаться до самой сути всех происходящих событий.

Через несколько дней Трофим Петрович как бы между прочим сказал Полбину:

— Быстрая у тебя голова, сынок, и читаешь ты очень хорошо, и работать умеешь, а главное — правильно понимаешь нашу рабочую жизнь.

— Чего ж тут понимать...

— Я не об этом. Учиться тебе надо, вот что меня беспокоит. Не весь же век вместе с нами шпалы укладывать.

— Но ведь вы, Трофим Петрович, всю жизнь здесь трудитесь.

— Тружусь, потому что другой возможности у меня не было. А теперь вон сам Ленин говорит, надо учиться. Из тебя, например, хороший инженер выйдет. Ты можешь придумать такие машины, чтобы сами и шпалы укладывали, и рельсы прикручивали. Но для этого тебе образование необходимо. Одной смекалкой тут не возьмешь.

— Это понятно,—кивнул Иван, еще не догадавшись, что Трофим Петрович ждет от него не простого согласия, а конкретного решения.

— А если понятно, то бери расчет и поступай в школу второй ступени.

Предложение старого рабочего поразило Полбина. Он и не помышлял о том, чтобы бросить работу. Ему казалось, что он нашел свое место в жизни. Но слова Трофима Петровича звучали убедительно и ясно, с ними трудно было не согласиться. И Полбин задумался. Нелегко было расставаться с теми, кто относился к нему по-дружески тепло. А сердце подсказывало, что Трофим Петрович прав.

Школа второй ступени

Занятия в школе часто прерывались. Пилили дрова для школы. Ремонтировали подсобные помещения. Чинили мосты. Иван Полбин на этих субботниках чувство-

вал себя уверенно. Как-никак, а он уже поработал на станции в Выре, знал, как держать молоток и пилу, многому был обучен. Учителя, приметившие его старание, выделяли Полбина, часто назначали его старшим. Постепенно за Иваном укрепилась роль вожака среди молодежи. Если нужно было мобилизовать школьников на трудное дело, обращались к Полбину.

Как-то в школу прибыл секретарь волостного комитета комсомола. Разговаривая с Полбиным, он удивился:

— Ты не член РКСМ? Почему?

— Работал в Выре. Там в коллективе были почти все люди пожилые.

— Тогда готовься. Вот тебе самый лучший учебник. Читай и думай.

И протянул Полбину тонкую книжицу. Иван прочитал название: «В. Ленин (В. И. Ульянов). Задачи союзов молодежи».

— Это речь Ленина на Третьем Всероссийском съезде РКСМ,— пояснил секретарь.— Даю тебе, чтобы и сам изучил, и другим прочитал.

Вечером, придвинув ближе керосиновую лампу, Иван раскрыл книгу. И с каждой страницей у него в душе росло такое чувство, будто Ленин каждую строку написал лично для него и о нем.

Бежали, текли строки, будоража память, заставляя мечтать о будущем, представлять то, что будет завтра, и через год, и через десять лет. Было удивительно, как много мыслей может вместиться в каждой страничке печатного текста.

Но особенно поразили Полбина те слова, которые непосредственно касались школы. «А наша школа должна давать молодежи основы знания, умение вырабатывать самим коммунистические взгляды...» Вот он ответ тем, кто всякий раз, когда объявлялся субботник, кривил губы: «Опять работать». Полбин не раз говорил в таких случаях: «А мы и учимся, чтобы лучше работать. Как можно не любить того, к чему стремишься». Он чувствовал, что правда на его стороне, что учебу нельзя превращать только в сидение над книгами и тетрадями, что каждый должен попробовать себя в труде. Но у него мало было слов, которыми он мог бы защитить свою точку зрения. И вот он нашел эти слова у Ленина: «Только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящими коммунистами...» Теперь Полбин знал,

что и как он должен говорить, когда ему снова поручат организовать субботник.

На очередном собрании Полбина принимали в комсомол. Рассказывая биографию, Иван слышал в зале одобрительные реплики:

— Наш парень, из бедняков. И поработать успел.

Обстоятельно ответил он на многочисленные вопросы, и только один заставил его задуматься: «Кем мечтаешь стать?» Полбин как-то не думал, кто из него выйдет в будущем. Слово же «мечта» в сознании Ивана почему-то объединялось со словом «сон». А во сне он часто видел, как поднимается в небо, парит в голубом просторе.

— Хочу летать! — выпалил Полбин.

Комсомольцы захохотали. Такой до смешного необычной и удивительной показалась им мечта Полбина. Но директор, задавший вопрос, оставался спокойным, только пристальнее обычного вгляделся в Ивана.

— Что ж, — сказал он задумчиво, — страна наша поднимается на ноги. Мы делаем уже свои машины и самолеты. Совсем недавно два наших аэроплана совершили перелет из Москвы в Пекин. А в будущем таких машин у нас станет много, обязательно потребуются люди, способные ими управлять. Поэтому я не удивлюсь, если среди летчиков будет наш Полбин.

С той поры Иван начал по-настоящему думать об авиации. Он вырезал из газет сообщения о новых рекордах авиаторов, с трудом доставал книги о самолетах, жадно прислушивался к рассказам тех, кому удавалось видеть живого летчика. Полбин еще не знал, как и где можно выучиться водить крылатые машины, но был уверен, что такие школы есть и придет черед, когда он будет постигать нелегкую науку авиатора.

В Майне

После окончания школы Полбина пригласили в волостной комитет комсомола. Секретарь встретил его как старого знакомого, долго расспрашивал о школе, о доме, а потом неожиданно сказал:

— Знаешь что, парень ты грамотный, член РКСМ, мы хотим рекомендовать тебя на работу заведующим избой-читальней в село Майну. Решай.

Иван растерялся. Он думал о работе в родной Ртищево-Каменке, была у него мысль снова поехать в Выру, он видел себя в поле, на железной дороге, а тут — изба-читальня.

— Справлюсь ли?

— Справишься. В этом у нас сомнения нет, — успокоил его секретарь волоскома. — Некоторые, правда, путают должность избача и библиотекаря. А тут есть разница. Ты будешь не просто книжки выдавать и подшивать газеты. Будешь нести людям нашу правду, помогать им строить новую жизнь, устанавливать справедливость на селе.

Майна — село большое. В здании Совета Полбину отвели крошечную комнатку. Председатель сказал:

— Книг у нас негусто, много старых, которые ныне нам не нужны. Смотри, разбирайся, сортируй.

Несколько дней Иван работал столяром. Сделал стеллажи для книг, столы для газет, расставил книги, стены обклеил плакатами. Комнатка приобрела живой вид. Люди стали заходить сначала из простого любопытства, потом появились конкретные интересы. Одному нужна была книга, другой каждый вечер читал свежие газеты, а третьему хотелось поговорить о последних новостях, услышать мнение избача.

С неподдельным интересом люди разглядывали плакат, вывешенный Полбиным на видном месте. «Трудовой народ, строй Воздушный Флот». На огромном белом листе был нарисован парящий в небе самолет.

— Это что ж он, в небеса поднимается? — часто спрашивали у избача.

И Полбин рассказывал о том, что трудящиеся собирают деньги, а на эти деньги на заводах строятся самолеты, что Красной Армии уже переданы целые эскадрильи, которые названы ленинскими. Ведь Ленин особо подчеркивал необходимость развития авиации.

А вечерами, оставшись один, Иван и сам подолгу стоял перед плакатом. Мечтая, он видел себя на аэроплане, и в такие минуты будто слышал рокот мотора, а сердце его замирало так же, как во время катания на крыле живодеровской мельницы.

А утром... Полбин привык уже к тому, что утром в его комнату заходил председатель волостного Совета и говорил решительно:

— Пять минут на сборы. Идем по дворам.

«По дворам» — значит вдоль села, из одного дома в другой. И в каждом представителей сельской власти ждал нелегкий разговор. В бедных многодетных семьях приходилось выслушивать жалобы. Людям нечего было есть, не в чем выйти на улицу. Плакали голодные ребятишки, тяжело вздыхали хмурые отцы семейств. Но даже в таких лачугах Полбин чувствовал себя лучше, чем в домах у местных кулаков. Те не плакали, не вздыхали, а смотрели по-волчьи, исподлобья, демонстративно расхлестывали пустые лари:

— Вот она, ваша власть, уже поработала, ни фунтика хлеба не осталось. Впору живыми в гроб ложиться.

А сытые рожи лоснились от жира, и в комнатах пахло свежими пирогами.

— Не верю я им, — говорил Полбин, уходя из таких домов, — есть здесь хлеб.

Не раз они вместе с милицией обходили дома богатеев, тщательно обыскивали все чуланы, чердаки и сараи, радовались, когда удавалось где-нибудь в потайном закутке обнаружить мешки с пшеницей. Ведь хлеб шел голодающим детям, рабочим, красноармейцам.

Работа в избе-читальне нравилась Полбину. Он был всегда с людьми, следил за всем, что происходит в мире, первым узнавал сельские новости. И односельчане доверяли ему, молодежь видела в нем своего вожака. Но мечта о небе не покидала его, томила. И только жизнь, казалось, сопротивлялась, готовила ему другую судьбу.

— Предлагаю кандидатуру Ивана Полбина. Из него выйдет хороший секретарь волостного комитета комсомола!

Эти слова, сказанные старым и уважаемым в волости человеком, заставили Ивана застыть в изумлении. Никто с ним не беседовал перед этим, никто не спрашивал его согласия. Все почему-то решили, что избач обязательно должен быть в составе комитета, а теперь вот как гром среди ясного неба новое предложение.

— Кто за? Единогласно.

В волостном комитете комсомола не было тогда ни машины, ни лошади. Имущества тоже насчитывалось мало: столы, стулья, чистые бланки, учетные карточки, керосиновые лампы. Зато дел было много. В Ляховке давно не проводилось ни одного комсомольского собрания. В Кочетовке плохо платили членские взносы. В

Карлинском, где не так давно учился Полбин, организация была малочисленной. И Иван, не дожидаясь попутного транспорта, чаще всего ходил по селам пешком.

В Майну возвращался уставший, пропыленный, но всегда полный свежих впечатлений. Часто сразу же торопился в партийный комитет. Он считал своим долгом рассказывать секретарю о тех проблемах, которые волновали сельскую молодежь.

Зимой 1927 года Полбину исполнилось 22 года. Его приняли в партию.

Этой же зимой Ивана вызвали и в военкомат. Пришла пора идти на службу в Красную Армию. Иван с нарастающим волнением чувствовал, что близок к своей мечте.

Осечка

В приземистом здании барачного типа было людно и шумно. Призывники, уже остриженные под машинку, проходили медицинскую комиссию.

Иван Полбин волновался мало. С его здоровьем только и служить в авиации. Широкоплеч. Плотен. Мускулы как у боксера. А о легких и говорить нечего. Когда медсестра подала ему резиновый шланг и попросила дуть, он так постарался, что девушка, засмеявшись, остановила его:

— Хватит, вы мне спирометр сломаете.

Полбин, передавая шланг, спросил с гордостью:

— Гожусь в летчики?

— Какие могут быть сомнения!

И вдруг удар, которого Иван Полбин не ждал и не мог ждать. Седой старичок врач, маленький, сморщенный, весь какой-то игрушечный, долго прослушивал и простукивал его, потом начал командовать, отступив на шаг:

— Вытяните руки... Поднимите на уровень глаз... Позвольте, а что у вас с пальцами?

И врач начал внимательно обследовать левую руку — мял мизинец, гладил давно заросший рубец, распрямлял палец.

— Чем это?

— Серпом.

Старичок сел и стал что-то быстро записывать. Предчувствуя недоброе, Полбин спросил робко:

— Что у меня, доктор?

— Ничего. Годен к строевой, — ответил тот бодро.

— Значит, в авиацию можно? — засветился Иван.

— В авиацию, батенька, нельзя. Никак нельзя. Ни в коем случае...

Стена покачнулась в глазах у Ивана, квадрат окна расплылся и потемнел. Словно сквозь сон до него доходило объяснение доктора:

— Инструкция не позволяет... Отбор в летные училища строгий...

Ночью Иван не мог заснуть. Только под утро его сморила дрема, и он сразу же увидел жирное, лоснящееся от пота лицо Живодерова, а левую руку пронзила острая боль.

Хождения по кабинетам Полбину не помогли. К кому бы он ни обращался, все разводили руками: понимаем, мол, что мечтал быть летчиком, сочувствуем, но инструкцию нарушать не можем. Последнюю точку поставил врач, возглавлявший комиссию:

— Я уверен, что слегка поврежденный мизинец на левой руке не помешает управлять аэропланом. Но авиация — это риск, аварии, гибель людей. Вдруг что-то случится с вами. Тогда, если даже мизинец будет ни при чем, вся вина падет на нас, на докторов. Поэтому ни я, ни кто другой из моих коллег рисковать не станем.

Полбин слушал его молча, низко опустив голову. Почувствовав его настроение, председатель комиссии решил приободрить парня:

— А вы не расстраивайтесь. Образование у вас среднее, поэтому мы направим вас на одногодичные курсы. Окончите их, станете средним командиром.

Но Полбин слушал равнодушно: командиром, так командиром. Главная нить была оборвана.

— Будете служить в знаменитом Богунском полку, — продолжал врач, — это для вас большая честь...

Когда Иван вышел из душного здания на улицу, высоко в небе, спокойно рокоча мотором, летел одинокий самолет.

В Богунском полку

Служба целиком захватила Ивана, не оставляя времени для сожалений или сомнений. Он, казалось, начисто отрешился от мечты стать летчиком. Даже сны ему

теперь снились другие. Ему нравился армейский размеренный порядок, а тяготы и лишения, о которых порой приходилось слышать от других, не были для него трудными. Он не уставал во время самых длительных маршей, не натирал ноги, не набивал мозолей на руках, роя окопы. Все, что требовалось по службе, выполнял легко, почти играючи.

Особенно нравилась Ивану та особая торжественность, с какой организовывались в полку наиболее важные мероприятия. Одним из них стало принятие богунцами военной присяги. День был праздничный. Полк со Знаменем и с оркестром прошел через весь Харьков и выстроился на центральной площади. Сотни людей пришли посмотреть на своих бойцов. И Полбину казалось, что все взгляды устремлены на него. Он старательно шагал, твердо отбивая ногами такт под барабанный бой: «Тр-р-рам, тр-р-рам, т-р-рат-тат-там». А когда строй остановился, Иван замер, боясь не только пошевелиться, но и моргнуть глазом.

На небольшом возвышении, сколоченном из досок, стояли командиры, в центре трибуны находился единственный человек в гражданской одежде. Это был представитель местного Совета.

— Товарищи богунцы! — начал командир. — Нам выпала честь нести службу в одном из самых первых революционных полков... Им командовал прославленный полководец Николай Щорс... Будем же достойны той славы, которой овеяно в боях это Знамя!

Командир рассказал о том, что в мае 1918 года, когда «Формулу торжественного обещания» впервые принимали красноармейцы и командиры 4-го Московского рабочего полка и других столичных частей, Владимир Ильич Ленин выступил перед ними с речью и призвал героически защищать Советскую Республику от ее врагов.

Полбин с затаенным дыханием вслушивался в каждое слово командира. Ведь в эти минуты он становился бойцом самой справедливой армии, защитником первого в мире социалистического государства. Об этом очень хорошо было сказано в «Служебной книжке красноармейца»: «Тебя призвал трудящийся народ, и дело, для которого ты призван, твое собственное дело...»

Армейская служба стала для Ивана Полбина главным делом его жизни. Все, что от него требовалось, он выполнял четко и быстро. Это нравилось командирам.

Даже старшина, человек строгий и скупой на похвалу, часто ставил Полбина в пример.

— Из тебя, Полбин, — сказал ему как-то командир, — выйдет хороший взводный. Пиши рапорт, чтобы оставили в кадрах.

Полбин долго раздумывал над этим предложением. Армия ему нравилась. И все командирские данные у него были. Он прекрасно владел оружием, хорошо понимал значение и смысл воинского порядка, прекрасно разбирался в тактике, был умелым организатором. И уж если из-за живодеровской отметины ему нельзя стать летчиком, то, наверное, лучшим выходом из этого положения станет служба в должности командира пехотного взвода.

Учеба на курсах приближалась к концу. И тут у Полбина произошла встреча, которая заставила перечеркнуть эти планы. Однажды, получив увольнительную, Иван зашел в библиотеку Дома Красной Армии и по привычке начал внимательно просматривать последние номера «Вестника Воздушного Флота». Он не просто листал журнал, вглядываясь в картинки, а искал такие статьи, в которых речь шла о будущем авиации, о новых аэропланах, о рекордных полетах, которых в те годы было особенно много.

— Пехота интересуется авиацией. Любопытный факт, — услышал он над собой густой басовитый голос.

Рядом со столом, за которым сидел Полбин, стоял человек в форме летчика.

— Наверное, мечтаете стать пилотом? — улыбался незнакомец. — Сейчас многие мечтают. И правильно делают.

То ли добродушный тон летчика, или уже то, что он затронул больную тему, толкнуло Полбина на откровенность. Раскрыв ладонь левой руки, он показал ее собеседнику:

— И рад бы в рай, да грехи не пускают. Видите мизинец? Рвался в авиацию, а медкомиссию не прошел.

— Когда это было?

— Год назад.

— Правильно. Тогда мог не пройти. — Летчик присел рядом на стул и заговорил быстро, но непромко, стараясь, чтобы его никто другой не услышал. — В этом году для медиков изданы другие инструкции, более мягкие. Авиация развивается очень быстро, людей нужно много, и на

такие мелочи уже не обращают внимания. Так что дерзай, дорогой, а главное — не теряй времени.

Но надо было заканчивать курсы. Полбин, правда, уже без особого старания сдавал экзамены. Наверное, поэтому получил несколько четверок, не стал «круглым» отличником. В петлицах у него появились красные квадратики.

Но к этому времени набор в училища уже закончили.

А через год начальник кустовых курсов крестьянского актива Иван Семенович Полбин который уже раз сидел в кабинете секретаря Ульяновского райкома партии.

— Значит, решил твердо, — то ли спрашивал, то ли рассуждал секретарь. — Тогда задерживать не буду. Наоборот, поможем. Люблю, когда у человека есть цель в жизни и он стремится к ней. Настойчивость — черта партийная.

В июле 1929 года Иван Полбин стал курсантом Волжской теоретической школы летчиков.

Теоретический курс

Заместитель начальника школы, которому Полбин доложил о своем прибытии, внимательно изучил его документы и, будто не веря им, начал переспрашивать:

— Имеете звание командира взвода?.. В Богунском полку служили?.. Член партии?..

Потом оценивающе оглядел Полбина с головы до ног, остался, видимо, доволен и тут же решил:

— Будете у нас старшиной курсантской роты.

И начал подробно объяснять, что теперь для него является главным, как он должен вести себя с товарищами, какие меры принимать к нарушителям дисциплины...

Первым, кого встретил Полбин в казарме, оказался помкомвзвода Федор Котляр. Он прибыл в школу раньше и уже успел узнать многое.

— Значит, так, — говорил он, играя хитрыми, смешливыми глазами, — о полетах забудь. Целый год будем постигать науки, начиная с азов. Я уже видел классы. Географические карты, черные грифельные доски, все как в первом классе. Будем учиться.

— А летать? — удивился Полбин.

— Летать к концу года. И то вместе с инструктором. Это же «терка».

— Какая «терка»? — не понял Иван.

— Теоретическая школа, а проще — «терка». Будут тут тереть и жать, пока все соки не выжмут.

Федор Котляр оказался прав, хотя и со свойственной ему саркастичностью сгущал краски. Теоретическая школа во многом напоминала школу второй ступени, которую окончил Полбин. Такие же классы, такой же длины уроки и перерывы, даже звонок звучал так же, как в Майне. Правда, названия изучаемых предметов были совсем иными: «теория полета», «самолетовождение», «метеорология», «материальная часть самолета».

Преподавателя по теории полета курсанты звали Штопором. Может быть, за то, что, высокий, худой и сутулый, он впрямь своей фигурой напоминал штопор. А больше всего, конечно, за частое употребление этого слова. Слушая ответ курсанта, он порой останавливал его:

— Стоп, стоп! Уже попали в штопор.

И было ясно, что ответ неверный. Иногда, правда, преподаватель предупреждал, видя, как отвечающий начинает «плавать»:

— Состояние предштопорное...

У Полбина по теории полета были только пятерки. Федор Котляр, имевший четверки и даже тройки, говорил:

— Мне кажется, Иван, что ты раньше не в Богунском полку служил, а в авиации.

Даже Штопор, бывший пилот, и тот всегда слушал ответы Ивана с интересом, невольно обратив внимание на то, что этот курсант знал не только то, что рассказывалось на лекции, а чуть больше. И знал по-особому, не заучивал текст, как делали некоторые из его товарищей, а доходил до полного понимания каждого изучаемого явления или процесса.

Федор Котляр, откровенно завидовавший Ивану, ревниво следил за ним, стараясь читать те же книги, так же, как он, писать и оформлять конспекты, но ему не хватало полбинской усидчивости...

В тот день рота находилась в карауле. Собираясь на развод, Полбин положил в вещмешок конспект и несколько учебников.

— Это еще зачем? — удивился Федор. — Мы ведь будем разводящими, посты разбросаны, всю ночь придется курсировать.

— Об этом ты расскажешь послезавтра на теории полета, если тебя вызовут, — засмеялся Полбин.

— Ну и пусть ставит двойку, — взвился Федор, — что ж теперь, из-за его штопора глаз не смыкать?

— Прежде всего, — Полбин сразу сделался серьезным, — штопор не его, а наш. Он свое отлетал, а мы готовимся летать. И если сейчас не поймем, что такое штопор и как из него надо выводить самолет, придется платить своей жизнью. Я так понимаю смысл нашей учебы.

Котляр чуть еще поворчал, вроде не соглашаясь с Иваном, но все же достал из тумбочки и переложил в вещмешок свой конспект.

Ночь выдалась напряженная. Неожиданно похолодало. Посты пришлось сменять чаще. Вернувшись в караульное помещение, часовые и разводящие валились на нары и мгновенно засыпали. Только Полбин садился за огромный стол, служивший караулу обеденным столом, придвигал поближе к себе подслеповатый фонарь и начинал заниматься.

Уже перед рассветом разбуженный для очередной смены Федор Котляр с трудом протер глаза, увидел склоненного над книгой Ивана, спросил:

— А ты что, не спал?

— Нет,— ответил Иван, складывая бумаги,— какой смысл на один час ложиться.

— Да ты что, железный? Или для тебя теоретический курс слаще любовного романа?

Федор даже разозлился, он никак не мог угнаться за Иваном. Хоть и сам был настойчив, быстро схватывал все, что преподавали, обладал хорошей памятью, но не было у него, как у Полбина, самозабвенной устремленности в будущее.

Зная о том, что курсанты накануне были в карауле, Штопор не стал вызывать к доске по журналу, а спросил, кто готов ответить добровольно. Руку поднял только Полбин.

— Изобразите силы, действующие на аэроплан во время взлета.

Иван несколькими точными штрихами нарисовал силуэт самолета, жирной точкой показал центр тяжести, начертил подъемную силу, силу тяги, сопротивления. Штопор, с интересом наблюдая за ним, спросил:

— А если обороты мотора резко упадут?

Полбин рядом нарисовал другой самолетик, на котором векторы сил расположены уже иначе.

— Правильно. А что будет при увеличении угла атаки крыла?

На доске появился третий самолетик, а отдельно от него крыло с похожим на прежний, но совсем иным рисунком.

— Ставлю вам пять с плюсом, — с улыбкой заявил Штопор,— плюс за понимание.

Занятия отнимали все время, даже ночами Ивану снились не самолеты, а различные схемы и графики, в которых он старался разобраться и почему-то не мог. Ртищево-Каменку Полбин вспоминал редко, хотя письма писал часто и ответы получал регулярно.

К весне теоретический курс был закончен, и по программе курсантам полагалось выполнить несколько ознакомительных полетов с инструктором. Самолет стоял на аэродроме, огромный, ревущий мотором, вздрагивающий всем корпусом, и Полбину он казался живым организмом, с которым ему предстояло слиться, чтобы вдвоем преодолеть силу сопротивления и подняться в небо.

К чувству радости примешивалось чувство страха. Полбин обратил внимание, как нервно грызет травинку всегда спокойный Миша Свинарев, видел неестественную бледность на лице Федора Котляра. Момент был необычный. Каждому из них предстояло впервые в жизни оторваться от земли.

30 минут, проведенные в воздухе, остались в памяти, как единый миг. Вот он садится во вторую кабину, пристегивается ремнями, видит впереди обтянутую черным кожаным шлемом голову инструктора, который, оглянувшись, улыбается ему и дает знак рукой: «Поехали!» Самолет бежит, подпрыгивая на кочках, прыжки его становятся все длиннее, все мягче, и, наконец, прекращаются вовсе, наступает необычайная легкость, только тело делается тяжелым.

Инструктор опять поворачивается к Ивану и рукой показывает вниз: смотри, мол, на землю. Полбин наклоняется к борту и видит, как внизу стремительно выбегают из-под крыла крошечные домики, зеленые лужайки, сады, дороги. Голова начинает кружиться, к горлу подступает тошнота. «Этого еще не хватало»,— с испугом думает он и начинает судорожно глотать воздух.

Самолет кренится влево, Иван шарахается к правому борту, машина резко проваливается вниз, а он повисает на ремнях. И нет уже сил смотреть вниз, и нет радости, зато есть страх, сковывающий душу и тело. Инструктор уже не оглядывается, он готовится к посадке. Самолет быстро снижается, низко опустив лобастую голову, земля бежит навстречу, и хочется зажмуриться, чтобы не видеть, как машина врежется в нее, не долетая до белого полотнища, где стоит финишер с флажком.

Но, к удивлению Ивана, машина плавно коснулась земли колесами и затарахтела, заскрипела, теряя на пробеге скорость. Навстречу бежали ребята, ухватившись за крыло самолета, сопровождали его, знаками спрашивали: как там, на седьмом небе? Полбин улыбался им, вернее, старался улыбнуться; он только теперь по-настоящему почувствовал, как все-таки хорошо было в небе.

Когда свой ознакомительный полет выполнил и Федор Котляр, Иван подошел к нему и спросил:

— Страшно было?

— Страшно,— признался тот, а потом добавил:— И очень хорошо.

Оба засмеялись и потом много лет, если надо было выразить впечатление от какого-то события, с улыбкой использовали это необычное словосочетание: «страшно хорошо».

Во втором ознакомительном полете Полбин уже больше видел, а чувствовал, наоборот, меньше. Он начал понимать, что летчик — профессия трудная и в небе его ждут не острые ощущения, а нелегкая, кропотливая работа.

Первый самостоятельный

Из «терки» вся группа, в которой учился Полбин, была направлена в Оренбургскую школу летчиков для практического освоения самолета. День, о котором Иван мечтал многие годы, стал еще ближе. Занятия проходили уже не в классах, а на аэродроме, вместо преподавателей были инструкторы, и те пилотажные фигуры, которые раньше курсанты видели на схемах, теперь можно было наблюдать в воздухе. В свободное время Полбин часами следил, как в небе парили самолеты, совсем не

похожие издали на те, которые заправлялись топливом на стоянке. Те чем-то напоминали птиц, а эти были тяжелыми и неуклюжими. Легкими их делал не мотор, а летчик. Это он поднимал самолет в синеву, он переворачивал его на спину, бросал к земле, заставлял выполнять головокружительные фигуры. И Полбин с нетерпением ждал, когда он получит полную власть над крылатой машиной.

Инструктором в группе был терпеливый и спокойный, даже флегматичный на вид Василий Клевцов. Говорил он мало, никогда не повышал голоса, не ругался, если замечал ошибку, не угрожал отчислением, как это было порой в соседней группе. Наоборот, если он видел, что у курсантов что-то не получается, то старался успокоить:

— В следующий раз получится.

Но Полбин знал, как тяжело дается Клевцову его внешнее спокойствие. Однажды во время полетов, когда их машина заправилась горючим, они стояли в «квадрате» и наблюдали за посадкой, которую совершал самостоятельно один из курсантов соседней группы. Клевцов считал, что не следует торопиться и выпускать раньше времени без инструктора тех, кто хотя и показывает неплохие результаты, но не выполнил положенного минимума провозных. Сосед его был другого мнения. Приглянувшегося ему курсанта он всячески выделял, везде подчеркивал его способности, и вот теперь первым выпустил в самостоятельный полет.

Клевцов, прищурившись, смотрел, как самолет коснулся земли, опустил хвост и побежал по летному полю. Казалось, все идет хорошо. Но инструктор вдруг тронул Полбина за рукав и показал на посадочную полосу:

— Смотри, как ломают машины, — а сам отвернулся.

Только теперь Иван заметил, что самолет бежит неестественно, не прямо, а чуть боком, почти незаметно разворачиваясь влево. Но вот он начал разворачиваться круче, а потом завертелся волчком, окутавшись густым облаком пыли.

Когда Полбин вместе с другими курсантами подбежал к месту аварии, самолет с подломленными шасси лежал на земле, напоминая подбитую птицу. Оказалось, курсант не сумел выдержать направление на пробеге, а когда увидел, что отклонился вправо, резко нажал левую педаль, потом тормоз. И сразу же потерял власть над машиной, а инерция и скорость завершили дело.

Вернувшись в «квадрат», Иван увидел, что Клевцов все так же безучастно стоит на одном месте. Только руки его, сплетенные за спиной, мелко вздрагивают. Вот тогда-то и понял Полбин, как трудно бывает Клевцову быть спокойным и как хорошо, что они попали в группу к такому инструктору.

В воздухе Клевцов не размахивал руками, не бил по коленкам ручкой управления, его словно бы и не было в самолете. Только изредка, когда ошибка оказывалась грубой, он твердо и властно брал управление на себя.

Выполнив чуть больше двадцати полетов, Полбин почувствовал себя увереннее и во многом начал подражать Клевцову. Так же неторопливо он садился в кабину, с такой же обстоятельностью проверял показания приборов, тщательно пристегивал ремни и не спеша выруливал на взлет. После посадки он порой заглядывал в кабину инструктора: с ним ли был Клевцов. Но тот сидел на своем месте, улыбаясь одними глазами.

Чем ближе подходило время самостоятельных вылетов, тем больше волновались курсанты. Кого инструктор выпустит первым?

— Тебя, Иван,— говорил не раз Котляр,— ты у нас и по званию, и по должности старший, тебе и карты в руки.

— Но у тебя, Федор, лучше получается,— отвечал в раздумье Полбин,— ты на лету схватываешь каждое движение.

Спор разрешил инструктор. Однажды утром он, как всегда, построил группу и как-то уж очень по-будничному сказал:

— На мое место в заднюю кабину укрепите мешок с песком.— Обвел внимательным взглядом возбужденные лица курсантов, задержался на Полбине:— Вы полетите первым.

Десятки раз Иван уже поднимался в небо на учебном самолете, управляя им, но всегда знал, что за спиной у него сидит опытный летчик, что он следит за каждым его движением, готовый в любой миг вмешаться в управление и исправить ошибку. Так оно и было каждый раз, когда Полбин по неопытности допускал оплошность. На этот раз в самолете он был один. Вместо инструктора ребята крепко-накрепко укрепили на заднем сиденье, чтобы не нарушалась центровка, специальный мешок с балластом. Тот уже не скажет: «Не дергайте ручку, бе-

рите плавнее», не предупредит: «Пора делать разворот». Отсутствие авторитетной страхующей силы создавало у Полбина впечатление, будто на самолете позади него зияющая пустота, в которую он мог в любую минуту провалиться. Иван даже наклонился вперед, как только занял свое место, а потом несколько раз оглянулся, но инструктора во второй кабине не было. Клевцов стоял на земле и махал ему рукой: давай, мол, выруливай, чего замешкался.

Удивительное чувство испытал Полбин, когда плавно оторвал машину от земли: он сам, без чьей-либо помощи, ведет самолет. Вот он чуть подтягивает ручку управления на себя, и машина взмывает вверх, вот он отклоняет ручку влево, и самолет ложится на крыло, а земля косо бежит под фюзеляж.

Увлекшись, Полбин внутренне не подготовил себя к посадке. И только уже перед самой землей вспомнил наставление инструктора.

— В воздухе и бумажный змей летает, — любил повторять тот, — а земля твердая, ее надо чувствовать и взглядом, и сердцем, и задним местом.

Впереди, под носом самолета, ровная накатанная лента посадочной полосы, слева четко белело полотнище посадочного «Т», под крыло стремительно неслось зеленое поле, мелькали разноцветные платки работающих колхозниц. Полбин плавно и осторожно подтягивал ручку управления на себя, выравнивая машину. Вот она уже у земли, вот-вот чиркнет колесами по полосе. И тут Иван понял, что будет перелет: белое полотно мелькнуло слева, уплывая назад. Рука невольно подалась вперед, самолет не опустился на три точки, как положено, а ударился двумя передними, отскочил, задрав нос, ударился еще раз, снова подпрыгнул вверх. «Козел,— обожгла мысль,— вот тебе и первый...»

Клевцов, когда Полбин доложил ему о выполнении задания, сказал спокойно:

— Завтра повторим,— потом добавил:— Только нос не вешай. Бывает хуже.

Подошел Федор Котляр, предложил, как ни в чем не бывало:

— Давай помогу самолет мыть.

На скулах у Полбина четко вырисовывались желваки. Сердито и твердо выговаривая каждое слово, он вдруг заявил:

— Все равно я вылечу. Завтра. И буду делать отлично. Понял?

А Федор еще раньше понял, что неудачи не обескураживают Полбина, а делают его еще более настойчивым.

Котляр не ошибся. Полбин был среди лучших на У-1, первым освоил боевой самолет Р-1. Группа Клевцова закончила учебу без срывов, все получили звание военных летчиков. Полбина и его друга Федора Котляра оставили в училище инструкторами.

Инструктор

Первым, кого после короткого отпуска Полбин встретил на училищном аэродроме, был Федор Котляр. Увидев Ивана, он одновременно и обрадовался, и смутился:

— Ты чего раньше срока?

— А ты? — в тон ему спросил Полбин, и оба весело рассмеялись.

Они не ошиблись, поторопившись в часть. Работы было много. Со станции на аэродром прибывали один за другим огромные контейнеры, в которых размещались новенькие, резко пахнущие свежим лаком и краской самолеты У-2. Специалисты училища и представители завода собирали их, а Иван и Федор, как испытатели, поднимали в небо, облетывая новую технику.

Вот когда Полбин почувствовал полную раскрепощенность в полете. Он поднимал машину на высоту, резко бросал ее к земле, выполнял перевороты, петли и полупетли, делал бочки, срывал У-2 в штопор, выводил из него, потом срывал еще раз. И все это делал увлеченно, завороженный тем, как послушна его воле машина, как она легка в управлении.

На земле, во время перерывов, они обсуждали с Федором и свои действия, и поведение машины. Иногда начинали спорить, сламывали ивовые прутики, чертили на земле схемы, затирали сапогами свои рисунки, делали новые. Со стороны могло показаться, что сошлись два непримиримых врага. Но вот они успокаивались, собирали разбросанные по земле планшеты, изображавшие чаще всего деревни или озера, и мирно, нога в ногу, шли в столовую.

Группа Полбину попала разношерстная: один высок

и худ, другой мал ростом, но широк в кости, один резок в движениях и вспыльчив, другой флегматичен и равнодушен. А летать они все должны были одинаково: спокойно, четко и уверенно.

В обращении с учлетами Иван решил подражать Клевцову. Он старался меньше говорить, не раздражаться, не повышать голоса, на ошибки реагировать спокойно. Но не все у него получалось. За каждый промах курсанта он переживал и никак не мог скрыть свою нервозность. Порой скребла по сердцу неприятная мысль: не выйдет из меня хороший инструктор, не буду похожим на Клевцова.

Но, к своему удивлению, он начал замечать, что завоевывает авторитет у учлетов совсем не теми качествами, которыми отличался его бывший инструктор. Им нравились полбинская влюбленность в авиацию, его особый летный почерк, умение отдавать любимому делу всего себя. И тогда он решил оставаться самим собой, никому не подражая.

С самого начала провозных полетов курсанты начали вести себя неодинаково. Одни быстро схватывали каждое движение инструктора, хорошо видели землю на посадке, соразмерно действовали рулями. Другие были чрезмерно напряжены, ручку управления зажимали так, что чуть ли не выдавливали из нее сок, на приземлении то грозили уткнуть самолет носом в землю, то стремились задрать его слишком высоко. Видно было, что с этими учлетами придется повозиться и на земле и в воздухе.

Но особую тревогу у Полбина вызывал курсант, которого все звали Лукой, хотя ни в его фамилии, ни в имени не было ничего похожего на данное прозвище. Равнодушный ко всему и ленивый, этот учлет любил утешать других. Однажды кто-то не выдержал и крикнул в сердцах: «Иди ты! Тоже мне Лука-утешитель». Так и прилипло меткое слово к курсанту.

Летал Лука хуже всех в группе. Близилась к концу вывозная программа, а он не подавал никаких признаков самостоятельности. Даже на взлете, не говоря о посадке, инструктору приходилось быть начеку и часто хватать ручку управления, исправляя его ошибки.

Изрядно помучившись, Полбин решил, что у Луки выработался своеобразный комплекс неполноценности, отчего он потерял веру в свои силы. Надо было подбод-

рить курсанта, причем не наедине, а на виду у всех. Построив группу, он как бы между прочим сказал:

— Не всем одинаково дается летное дело. Один быстрее других вылетает самостоятельно, но потом то и дело допускает ошибки. Другой берет больше провозных, зато уж если он усвоил что-то, то навсегда, и летает уверенно. Вот и вы, — теперь уже Полбин обращался непосредственно к Луке, — не расстраивайтесь. Спешить некуда...

— А я и не спешу, — расплылся в улыбке Лука.

Полбин оторопел. Он, инструктор, не спит ночами, думая о том, как быстрее ввести курсанта в строй, а сам курсант, оказывается, спокоен.

Котляр, когда узнал историю с Лукой, хохотал до слез, а потом посоветовал:

— Отчисляй. Из этого толку не будет. Тут дело ясное.

Сам Федор уже отчислил одного учлета из своей группы за неуспеваемость и за плохое поведение.

— И мне легче, — признавался он Ивану, — и у остальных ребят дела лучше пошли. Чем жечь горючее на всякую бездарь, лучше побольше полетов дать тем, из кого настоящий пилотяга выйдет.

Внутренне Полбин соглашался с Федором, был в его словах явный резон. Но решение принимать не спешил. И даже когда сам начальник училища спросил, не думает ли он отчислять отстающего, ответил просьбой:

— Разрешите еще поработать с этим учлетом?

Он еще не знал, что предпримет, но полон был решимости бороться за человека. И выход нашелся. В очередном полете Полбин сразу же после выруливания на взлетную полосу демонстративно положил обе руки на борта самолета. Управляй, мол, сам, я вмешиваться не буду. Лука медлил, газ давал неуверенно, однако делать ему было нечего, и он оторвал машину от земли. Сначала У-2 качался, рыскал из стороны в сторону, потом постепенно полетел ровнее. Правда, на посадке учлет допустил грубую ошибку. Он словно боялся земли, пытался удержать машину от приземления. Но тяга была мала, скорость упала, и самолет скорее рухнул, чем приземлился, на утрамбованное катками поле.

Полет этот о многом рассказал Полбину. Он понял, что Лука, чем-то напуганный в самом начале провозной программы, все время оставался пассивным, боялся,

чтобы инструктор не оставил его одного. Он не учился, а приспосабливался, стараясь, где можно, отстраниться от управления.

На следующий день Полбин повторил эксперимент. Опять, усевшись в кабину, он положил руки на борта и ни на секунду не изменил своей позы. На этот раз Лука пилотировал чище и посадка у него получилась лучше. А самого его будто подменили. Он стал более подвижным, часто улыбался, шутил. И дела его с той поры стали идти в гору.

Группа Полбина закончила обучение без потерь. Ни один учлет не был отчислен, все получили на экзаменах отличные оценки по технике пилотирования.

Поворот в судьбе

Сразу же после выпуска курсантов, который состоялся осенью, Иван Полбин и Федор Котляр получили отпуск. Но начальник училища предупредил:

— Далеко не уезжайте. В любой момент можете понадобиться. — А потом посоветовал: — Берите путевки в наш санаторий.

С чемоданами в руках холодным октябрьским утром они прибыли к месту назначения. Встретила их молоденькая медсестра в белом халате и в ослепительно белой косынке, кокетливо сдвинутой на затылок. Приняв документы, она попросила:

— Ждите здесь. Придет врач, вас вызовут.

Котляр сел, а Полбин остался стоять, то и дело поглядывая на дверь, за которой скрылась медсестра.

— Ничего сестренка, — кивнул Федор.

— Красивая, — согласился Иван.

Прошло минут десять, и Полбин не выдержал, приоткрыл дверь, поинтересовался:

— Скоро будет врач?

— Потерпите, — будто больного, успокоили его, — в девять у него обход.

— В девять будет, через полчаса, — пояснил Полбин Котляру.

Но не прошло и десяти минут, а он снова постучался в ту же дверь:

— Сестра, а как вас зовут?

— Меня? — удивилась она, но представилась.

— Ее зовут Марией Николаевной. Фамилия — Пашкова, — сообщил Полбин, возвращаясь на место.

Еще минут через десять он опять постучал в дверь:

— Мария Николаевна, а как зовут доктора?

— Знаете что, — взорвалась сестра, — не мешайте мне. Я готовлюсь к смене.

— Она готовится к смене, — спокойно, как ни в чем не бывало, объявил Котляру.

В коридоре появилась другая медсестра с огромной стопкой журналов в руках. Полбин тут же подскочил к ней:

— Разрешите?

Взяв журналы, он пошел рядом, и они оживленно заговорили. «Странное что-то творится с Иваном, — подумал Федор, — на аэродроме молчун молчуном, в гарнизоне девушек стороной обходит, а в отпуске с первого дня ведет себя как настоящий ловелас».

— Все решено, — обрадованно заявил, возвратившись, Полбин, — иду провожать.

— Ту? — Котляр показал в конец коридора.

— Нет, эту, — Иван кивнул на соседнюю дверь.

А дверь в этот момент открылась, и оба летчика удивленно застыли на месте. Мария Николаевна, розовощекая, в желтой кофточке, в туфлях на высоких каблуках, весело и приветливо улыбалась.

— Вот теперь я свободна.

— И очень кстати, — Полбин шагнул навстречу, — у меня к вам, Мария Николаевна, просьба: проводите до почты, хочу купить марочек.

— Пожалуйста, но ведь с минуты на минуту появится врач.

— А его Федор подождет.

И опять Котляр удивился той легкости, с которой Полбин продолжал знакомство.

Только на третий или четвертый день, в течение которых Иван только и занят был тем, что покупал цветы для медсестры, доставал билеты в кино, встречал ее после смены, Федор все понял.

— Да ты, брат, по уши влюблен! — воскликнул он, когда Полбин, тщательно отутюжив, надел лучший костюм.

— Так точно: влюблен, — ответил Иван и пояснил: — Решил жениться.

— Что? — Федор так и ахнул. — Но ведь вы только познакомились. Вы не знаете друг друга. Она, наконец, с кем-то дружит, у нее есть какой-то Толя, ты его видел...

— Был Толя, будет Иван...

Мария Николаевна не знала, как относиться к ухаживаниям Полбина. Сначала она приняла его напористость за черту характера, присущую многим красивым парням. Считая себя неотразимыми, они действуют с излишней уверенностью, не боятся отказа. Но стоило Полбину остаться наедине с Марией Николаевной, он совершенно менялся. Это был робкий юноша, не знающий, что сказать девушке, как вести себя с ней. Куда только девалась его самоуверенность.

В день 15-й годовщины Октября Полбин впервые появился дома у Пашковых. Матери он понравился сразу. Скромный. Обходительный. Умеет поговорить. А главное — с Мани, как звали Марию Николаевну в семье, не спускает глаз. «Чует сердце, улетишь ты с этим летчиком», — шепнула она под конец вечера дочери. Только отец что-то хмурился. «Летун, — ворчал он, когда Иван, распрощавшись, заторопился в санаторий. — Не успел познакомиться, домой притащился. Я вот его в следующий раз попру...»

А Иван в следующий раз пришел с цветами, с бутылкой вина. Был он как-то особенно взволнован, то вставал, то садился, проиграл отцу Марии Николаевны в шахматы. И наконец, заикаясь, краснея, обратился к отцу и матери:

— Я, Николай Григорьевич и Полина Александровна, к вам по очень серьезному вопросу... В общем, люблю я Маню... Одним словом, разрешите нам пожениться...

— Что? — вскричал отец. — А ты ее знаешь? А мы тебя знаем? Кто ты такой? Кто?

Полбин растерянно попятился к двери и выбежал на улицу.

Мария Николаевна побежала вслед за ним.

А 23 ноября 1932 года они зарегистрировали свой брак.

— Ну, Иван, — Федор Котляр только тряс головой,— атака у тебя как у настоящего истребителя.

— Ты мне, Федор, лекцию по тактике не читай, а поезжай домой один, подготовь там все для свадьбы. Мы с Маней приедем через три дня.

...Как ни нравилась Полбину и Котляру работа инструкторов, оба они мечтали послужить в строевой части. Там и самолеты новее, и задачи серьезнее. С завистью смотрели они на могучие боевые машины, приземлявшиеся порой на их аэродроме.

— Вчера излазил ТБ-3, — признался как-то Федор Ивану. — Техника, доложу тебе, на грани фантастики.

— Докладывать не надо, — Полбин засмеялся. — Я чуть раньше, чем ты, побывал в этом самолете, — он раскрыл блокнотик, — послушай, какие у него тактико-технические данные.

То ли их разговоры дошли до начальника училища, а может быть, он сам понимал, что таким, как Полбин и Котляр, тесновато на учебном аэродроме, только однажды оба они были вызваны в штаб.

— К нам поступил запрос, — начальник внимательно вглядывался в их лица, — кто из инструкторов желает переучиться на ТБ-3. Самолет новый, не истребитель, а бомбардировщик, осваивать его придется заново. Вот я и решил поговорить с вами.

— Мы согласны, — ответил Полбин.

— А почему «мы»?

— У нас уже был разговор об этом, — смутился Иван, — я знаю, что Котляр думает так же.

— Тогда другое дело, — улыбнулся начальник, — можете рассчитываться и брать проездные документы.

...Программу переучивания Полбин закончил с отличной оценкой и был назначен на должность командира экипажа ТБ-3. В гарнизон он вернулся возбужденно радостный, подхватил Марию Николаевну на руки, закружил по комнате:

— Ура, Маня, я командир экипажа. Мы едем в Забайкалье. Понимаешь, в Забайкалье!

Она, конечно, и представления не имела, что это за город, где им предстоит жить, но с первых дней взяла за правило радоваться всему, чему радуется муж.

Встреча с Чкаловым

Полбины получили небольшую комнатушку в доме, похожем на барак. В темном углу их новой квартиры громоздился скрипучий, видавший виды шкаф, вплотную к нему была придвинута солдатская

железная койка, а у окна стояла коричневая тумбочка. Другой обстановки не было. Из двух привезенных чемоданов Полбин соорудил стол. Где-то достал ящик из-под продуктов, обстругал рубанком досточки и сколотил этажерку для книг. Мария Николаевна помыла полы, застелила постель, накрыла стол и тумбочку белым материалом. Комната сразу преобразилась.

— Так это же царские хоромы, — шутил Иван, — а вот завтра мне обещали дать зеркало, тогда ты у меня настоящей царевной будешь.

Работы у командира экипажа было больше, чем у инструктора. Летали почти ежедневно, и каждый полет длился не 40 минут, как на истребителе, а порой несколько часов. Домой Полбин приходил усталый, но веселый и ласковый. Часто приносил с аэродрома букетики полевых цветов, рассказывал что-нибудь веселое из жизни летчиков.

Мария Николаевна, ожидавшая ребенка, увлеклась вышиванием. По просьбе мужа она на голубом поле вышила белыми нитками самолет, а внизу изобразила заснеженные горы.

— Повесим над кроваткой сына, — подмигнул он ей, разглядывая рукоделье.

И получилось так, как хотелось Ивану Семеновичу. Первенцем у них стал Виктор.

Месяца два было особенно трудно. Полбин похудел, обветренное лицо его осунулось, сделалось черным. С утра перед уходом на аэродром, он заготавливал дрова, растапливал печь, в обед бегал за продуктами, вечером занимался стиркой. Мария Николаевна с радостью узнавала, что он приучен к любой работе. Правда, времени у него всегда не хватало. После полетов он оформлял документацию, готовил экипаж к очередному упражнению, а вечером спешил то на партийное собрание, то на беседу, а то и просто в казарму, к красноармейцам.

Экипаж Полбина был на хорошем счету в части. Он точнее других выполнял маршруты, лучше бомбил по наземным целям, увереннее производил взлеты и посадки. Полбин часто получал благодарности, но лучшим поощрением для него стало событие, запомнившееся на всю жизнь.

Летом 1936 года командиру полка сообщили о том, что в Читу прилетает экипаж, совершивший перелет из

Москвы на остров Удд. От полка нужно было выделить лучших летчиков для встречи с Валерием Чкаловым.

Домой Полбин ворвался возбужденный, с порога выпалил:

— Готовь, Манек, самую лучшую гимнастерку. И новые сапоги!

— Разве у нас праздник?

— Праздник! Еще какой праздник, Маня. Я лечу на встречу с Чкаловым. Ты понимаешь, я увижу самого Чкалова!

Встрече он радовался искренне и бурно, бегал по комнате, присаживался на кровать, опять вскакивал и все время повторял: «Это же знаешь какой случай. Это же сам Чкалов!»

...День был жаркий. Тысячи читинцев ждали на улицах знаменитых пилотов, удостоенных звания Героя Советского Союза. Весь город видел, как в голубом небе появился в сопровождении эскадрильи истребителей могучий АНТ-25. Полбин вместе с другими авиаторами, приглашенными на встречу, стоял в это время на аэродроме, неподалеку от посадочной полосы.

Чкалов «притер» машину, как бог. Словно невесомая, она удивительно легко и плавно опустилась точно у белого полотна посадочного знака. Даже видавшие виды летчики не удержались от восторга:

— Вот это класс!

Огромная машина, которой явно не хватало рулежной дорожки, оглушительно ревя моторами, медленно зарулила на стоянку. Из кабины первым вышел Валерий Чкалов. Молод. Коренаст. Лицо простое, русское. Полбин, не отрываясь, смотрел, как он помог выйти из кабины товарищам, представил встречающим Байдукова и Белякова. Потом, хотя и устал, наверное, после полета, без отговорок согласился выступить тут же на аэродроме, рассказать о своем перелете, о замыслах на будущее.

Начался митинг. Народа собралось много, говорить было трудно, но вот на крыло самолета, ставшее своеобразной трибуной, поднялся Чкалов, резким движением пригладил разметавшиеся на ветру волосы и заговорил четко и громко, будто отрубая взмахом руки фразу за фразой: «Нам большего не хотелось, как сделать полезное, отдать все силы Родине. — Он сделал паузу, кивнул на стоящих рядом Байдукова и Белякова. — Мы сами из себя ничего не представляем. Ну посмотрите на

нас — мы такие же люди... Может быть, что у нас есть особенное — так это любовь к Родине. Ее у нас несколько больше, чем у других, не говоря, конечно, о присутствующих здесь... Мы выполнили только долг советских граждан, выполнили задание, которое нам дали партия и правительство...»

Он так просто и доходчиво говорил о самом важном в жизни, что Полбин невольно заражался его настроением, удивляясь умению Чкалова точно и просто выражать свои мысли. Ему хотелось, чтобы митинг продолжался дольше, хотелось услышать все самые мелкие подробности о необычном перелете, о посадке на острове Удд, о работе техники в воздухе. Но Чкалова ждали в городе, ему еще предстояло выступать в гарнизонном Доме Красной Армии.

Закончив речь, он вдруг по-домашнему просто улыбнулся и, хитровато подмигнув, спросил:

— А волгари среди вас есть?

— Есть, — негромко ответил Полбин.

— Откуда?

— Ульяновский.

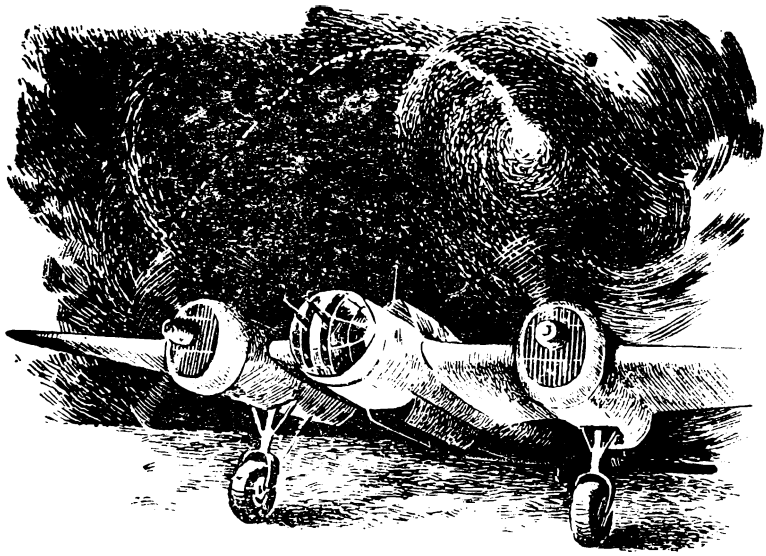
— Земляк Ленина! — Чкалов с удовольствием окинул взглядом Полбина, даже пощупал на руке у него бицепс. — Крепок, тугой завязи!

Присев под крылом самолета, они разговорились о полетах, о повадках разных машин, об особенностях управления самолетом на больших высотах, о ночной подготовке. У них сразу же нашлись общие интересы и общие взгляды. Оказалось, что они заканчивали одну и ту же летную школу, оба летали на Р-1, У-2 и ТБ-3.

— У вас здесь неспокойно? — спросил Чкалов и сам же ответил: — Знаю, слышал. Японцам покоя не дает наш Дальний Восток. И на западе тоже что-то зреет. В Германии фашизм поднимает голову. А что из этого следует? Как думаешь, земляк?

— Думаю, что нам надо лучше бомбить, — улыбнулся Полбин.

— Вот это верно. Мы должны быть во всеоружии. Техника у нас такая, какой даже у американцев нет. И если мы ее освоим, нам не страшны будут ни фашисты на западе, ни самураи на востоке...



Глава вторая
МУЖЕСТВО

На реке Халхин-Гол

К весне 1939 года обстановка на дальневосточной границе заметно обострилась. Японские милитаристы, угрожая Монгольской Народной Республике, решили захватить значительную часть ее территории, а затем продвинуться на Север, перерезать Транссибирскую магистраль и отрезать Дальний Восток.

Полбин все чаще вглядывался в ту часть карты, где извилистой линией лежала граница. Со дня на день там могла вспыхнуть война. И тогда ему придется вылететь во главе своей эскадрильи уже не в учебный, а в боевой полет. Он знал, что экипажи, подчиненные ему, выполнят любую задачу, никто не струсит, не растеряется. И все равно на душе неспокойно. К тому же полк, в котором капитан Полбин недавно принял эскадрилью, по-

лучал новые скоростные бомбардировщики СБ. В сжатые сроки необходимо было переучить экипажи.

Начались горячие дни и ночи. Полбин порой терял ощущение времени. Его можно было увидеть и на станции, куда прибывали новые машины, и в ангаре, где шла их сборка, и в классах, где готовились экипажи, а больше всего в воздухе. Он и облетывал самолеты, и давал провозные летчикам, и проверял их готовность к самостоятельным полетам.

Работа была закончена раньше назначенных сроков, но Полбин не сбавлял взятых темпов. Обстановка накалялась все больше, было уже ясно, что столкновения с самураями не избежать, и командиру эскадрильи хотелось каждому экипажу дать как можно больше тренировок.

Чаще других в эскадрилье появлялся комиссар полка Михаил Юкин. Полбин был рад ему. Он не только разъяснял обстановку, но и оказывал большую помощь. Юкин одним из первых переучился на СБ, стал инструктором, и многие летчики осваивали новый бомбардировщик с его помощью.

Особенно много внимания Юкин уделял самому молодому командиру экипажа Александру Пасхину. Както Полбин, когда комиссар попросил в который раз запланировать ему полет с Пасхиным, даже пошутил:

— Так он у вас любимчиком станет. Может, еще с кем слетаете?

— А вы, Иван Семенович,— комиссар тоже улыбнулся,— не забывайте, что Пасхин возглавляет комсомольскую организацию. И я хочу, чтобы он был вожаком не только на земле.

У Юкина ко всему был ярко выраженный партийный подход.

Если он хотел слетать с каким-то экипажем, то делал это не столько с учебной, сколько с воспитательной целью. Или в этом экипаже у кого-то стали проявляться нотки зазнайства, или, наоборот, кто-то утратил уверенность. Использовал он такие полеты и в тех случаях, если надо было поговорить с человеком о поведении в семье или о взаимоотношениях с товарищами. Разговаривал он, конечно, не в воздухе, а на земле, после посадки, но именно в такие минуты люди были откровеннее и проще, лучше принимали советы и наставления.

На рабочем столе у Полбина, в планшете, в карма-

нах — везде было множество рисунков и схем, испещренных столбиками цифр. На этих листочках были изображены японские истребители и зенитные установки с самым подробным описанием их возможностей.

Во время предварительной подготовки Полбин одного за другим поднимал летчиков:

— Доложите данные японского «девяносто шестого». Высота? Скорость? Вооружение?

Потом поднимал сразу три экипажа, заставлял выстроиться, изображая самолет, встать так же, как бомбардировщики держатся в строю, и медленно двигаться в таком положении... Сам, шагая рядом, давал вводную:

— Справа снизу группа вражеских истребителей. Ваши действия.

Летчики начинали, судя по обстановке, перестраиваться, стрелки изображали стрельбу по истребителям. Командир эскадрильи тут же делал замечания, задавал вопросы, объявлял новые вводные. Много внимания он уделял противозенитному маневру.

— Впереди по курсу — разрывы зенитных снарядов. Ваши действия? — спрашивал он и требовал, чтобы экипажи не только давали словесные ответы, а демонстрировали свои решения «пешим по-летному». Так маневр лучше усваивался, нагляднее были видны ошибки каждого, а предварительная подготовка больше напоминала обстановку реального боевого полета...

На рассвете 28 мая 1939 года японская пехота при мощной поддержке артиллерии и танков вторглась на территорию Монгольской Народной Республики у реки Халхин-Гол. Эскадрилья Полбина получила задачу уничтожить колонну вражеских войск на марше.

Ранним утром эскадрилья СБ поднялась в воздух. Как и предполагал Полбин, сразу же за линией фронта на горизонте показались маленькие, похожие на насекомых, истребители врага.

— Сомкнуться! — Полбин покачал крылом.

Слева к нему почти вплотную пристроился Пасхин. Иван Семенович встретился с ним взглядом и ободряюще кивнул: «Держись, комсомол, сейчас начнется». Но истребители долго и нудно, из последних сил, лезли на высоту. Полбин даже подумал, что кто-нибудь из стрелков не выдержит этого ожидания, откроет огонь раньше срока, передал сигнал действовать по его команде.

Наконец «девяносто шестые» подтянулись, пошли в

атаку. «Огонь!» — скомандовал Полбин, и в ответ с СБ дружно застучали пулеметы. Истребители посыпались в разные стороны, стали терять с таким трудом набранную высоту. А внизу уже блестела, извиваясь, накатанная дорога, по которой двигались войска противника. Разрывы зенитных снарядов изрешетили голубой купол неба белыми дымками.

— Вижу цель. Ложусь на боевой курс! — передал Полбин.

В расчетной точке эскадрилья сбросила бомбы. На несколько минут дорога потонула в густом дыме, а когда он рассеялся, экипажи увидели горящие автомашины, опрокинутые повозки, людей, в страхе бегущих в степь. Задание было выполнено. Но командир эскадрильи, казалось, не радовался успеху. На разборе полетов он начал говорить о недостатках. Кто-то не выдержал своего места в строю. Кому-то следовало чуть раньше сбросить бомбы. У кого-то при появлении японских истребителей начали сдавать нервы, и он стал излишне прижиматься к ведущему.

— Прошу всех не обольщаться сегодняшним результатом,— сказал Полбин под конец.— Дальше будет труднее. Противник учтет свои промахи, не станет больше лезть на высоту, а будет подстерегать нас внизу, над целью. И зениток японцы понаставят больше.

Утром Полбин встретил на аэродроме комиссара Ююкина. Как всегда спокойный, сосредоточенный, он торопливо шагал вдоль стоянки. Рядом с ним Иван Семенович увидел летчика из полка ночников, летавших на ТБ, со странной фамилией Гастелло.

— На разведку? — спросил, здороваясь, Полбин.

— Надо проверить, куда самураи навострились,— ответил Ююкин и показал на Гастелло,— и Николаю позарез нужно ознакомиться с положением войск. Ночью многого не увидишь.

Полбин, которому через час надо было самому подниматься в небо, не допускал даже мысли о том, что с Ююкиным может что-то случиться. Но война есть война. И когда Иван Семенович возвратился на аэродром, то услышал весть, которая потрясла его.

Пролетая за линией фронта, самолет Ююкина неожиданно попал под сильный зенитный огонь. Разрывы снарядов вспыхивали и спереди, и сзади, и сбоку. Казалось, машина с разбегу врезалась в стаю бесформенных

серо-белых птиц. Увеличив скорость, он вывел бомбардировщик из этого ада, но уходить далеко не собирался. Надо было посмотреть, что с таким усердием оберегают японцы в этом районе. На карте в данном квадрате не значилось ни скопления войск, ни важных объектов. Да и накануне, пролетая здесь, экипаж не заметил ничего необычного.

Снизившись, Ююкин развернул машину, приказав экипажу смотреть в оба. Особенно ему хотелось, чтобы летчик с ТБ Николай Гастелло увидел то, к чему их никак не хотели подпустить самураи. Если цель стоящая, ночные бомбардировщики сегодня же разбомбят ее.

Снова, как и при первом заходе, разрывы зенитных снарядов закрыли все небо. Но Ююкин упрямо вел машину в самое пекло. Он увидел тщательно оборудованные позиции, увидел огромное скопление машин, орудий и людей. И в этот момент штурвал буквально вырвало у него из рук, самолет резко тряхнуло, раздался треск, сильно запахло гарью. Тяга упала, моторы захлебнулись.

— Всем покинуть самолет! Всем прыгать! — скомандовал комиссар, а сам и не думал воспользоваться парашютом.

Израненный бомбардировщик, объятый пламенем, огромной кометой врезался в гущу вражеских войск. А летчик с ТБ Николай Гастелло вскоре вернулся в полк. Выполнив команду Ююкина, он опустился с парашютом в степи, запутал следы и вернулся к своим.

Встретившись с Гастелло, Полбин дотошно расспрашивал его о последних минутах жизни комиссара. А позже, рассказывая об этом подвиге своим подчиненным, Полбин сказал:

— Наш комиссар сознательно пошел на смерть, он до последней минуты управлял машиной. Я верю, что так поступил бы любой из нас.

С этого дня капитан Полбин стал буквально рваться в полет. Его эскадрилья штурмовала передовые позиции врага, громила резервы, уничтожала технику, склады, разрушала мосты и дороги. И часто, возвратившись с задания, доложив командиру о результатах бомбометания, он добавлял, сдвинув брови:

— Это им за комиссара.

Особенно ненавидел он вражеских зенитчиков. У него и у его подчиненных выработалось твердое правило:

сбросив бомбы, обязательно наносить штурмовой удар по зенитным установкам.

19 боевых вылетов совершил Иван Семенович во время боев на реке Халхин-Гол. За мастерство, мужество и отвагу, проявленные в эти дни, капитан Полбин был награжден орденом Ленина.

Начало войны

После боев на Халхин-Голе капитан Полбин вернулся уже в новой должности, получив под свое командование полк скоростных бомбардировщиков. А вскоре после этого он был повышен и в воинском звании.

— Звучит, Маня, командир полка майор Полбин? — улыбнулся он, примеряя поздним вечером новую коверкотовую гимнастерку.

Но Мария Николаевна не знала, радоваться ей или огорчаться этому. Семья Полбиных росла. Вслед за сыном Виктором родилась Людмила, а теперь вот лежит в кроватке вторая дочь, глазастая, черноволосая, которую все сразу стали звать Галчонком. Однако Иван Семенович видел детей редко. Из дома он уходил, когда начинал заниматься рассвет, а возвращался поздно вечером, чаще всего заставая сына и дочерей спящими.

— С Витькой было проще,— сердилась Мария Николаевна,— ему я говорила, что отец на войне, и это было понятно. А как мне объяснить Людочке, где ты? Ведь войны нет.

— Почему нет, Маня? Я и сейчас воюю. За то, чтобы все самолеты были исправны, чтобы горючее было, чтобы летчики летать могли и ночью и в облаках.

— Но ведь и за детей надо воевать, Ваня. Чтобы они не росли при живом отце безотцовщиной.

— Ну это ты зря. Витька у нас парень башковитый и серьезный, Люда тоже,— и Иван Семенович ласково погладил по голове сына и дочь. — А вот переедем в Москву, тогда у меня времени свободного прибавится. Буду с ребятами в цирк ходить, в парке на карусели их катать.

Федор Котляр, учившийся в Москве, часто писал Полбину письма. И почти в каждом из них был один совет: поступай, Иван, в академию. Федор прислал ему и

программы для подготовки к экзаменам, и нужные книги. Правда, Полбин так и не выбрал времени, чтобы ознакомиться с ними, но они стояли на видном месте, заставляя Ивана Семеновича изредка строить планы на будущее.

А пока он был, как всегда, без остатка отдан будням боевой учебы. В декабре 1939 года в его 150-й скоростной бомбардировочный полк прибыло пополнение. Для встречи лейтенантов Полбин послал в дивизию командира первой эскадрильи Цыбульника.

— У тебя, Григорий Иванович, больше, чем у других, не хватает пилотов,— сказал он ему,— вот и присмотрись к ребятам в дороге.

Сам тоже подготовился, надел новую гимнастерку, прикрепил над кармашком орден Ленина, а когда машина с лейтенантами подошла к штабу, не вытерпел, вышел на крыльцо, выслушал доклад старшего лейтенанта Цыбульника, по очереди подошел к каждому из новичков.

— Лейтенант Горбачев! Лейтенант Щербаков! Лейтенант Жолудев! — вытягивались они, совсем еще мальчишки, с белесым пушком на щеках.

Почему-то больше других на Полбина произвел впечатление Жолудев. Высокий. Подтянутый. Губы очерчены резко, смотрит открыто, с достоинством. Невольно подумал: «Надо посмотреть, должен быть хорошим пилотом».

Пригласил лейтенантов в класс, познакомил их с историей полка, рассказал о традициях, о боевом пути, о боях на Халхин-Голе. В заключение представил командиров:

— Майор Клобуков. Орденом Красного Знамени награжден за Халхин-Гол. Орден «Знак Почета» заслужил в мирные дни, его эскадрилья занимает первое место по боевой и политической подготовке. Капитан Пасхин. Участвовал в боях на Халхин-Голе. Был секретарем комсомольского бюро. Сейчас командует эскадрильей. Капитан Лущаев. Тоже имеет боевой опыт. Отличный спортсмен, играет в футбол, в волейбол.

Полбин гордился своими командирами, и ему хотелось, чтобы новички стали такими же мастерами.

— Техника у нас лучшая в мире,— говорил он, во многом повторяя то, что совсем недавно слышал из уст Чкалова,— командиры прекрасные. Дело за вами. Если

любите небо и преданы авиации, все к вам придет: и опыт, и навыки, и ордена у вас будут, и звания.

После тщательной проверки знаний теории полета и техники молодые летчики были допущены к летной подготовке. Накануне Полбин зашел в канцелярию первой эскадрильи и попросил Цыбульника:

— Запланируйте мне, Григорий Иванович, полет с Жолудевым.

Техника пилотирования у Жолудева оказалась хорошей. Он умело произвел взлет, точно выдержал высоту и скорость, уверенно и четко выполнил положенные по заданию фигуры. И Полбин, обычно не очень щедрый на похвалу, поставил Жолудеву высокую оценку. А вернувшись из полета, сказал, что из лейтенанта Жолудева выйдет хороший командир. Цепок и соображает быстро.

А вскоре произошел случай, еще больше убедивший Полбина в своем мнении. Во время маршрутного полета на самолете Леонида Жолудева отказал левый двигатель. До ближнего аэродрома более ста километров. Один мотор с трудом тянет машину, работая на пределе. Самолет все время клонится на крыло, его приходится с трудом удерживать от разворота. Правая нога едва справляется с педалью. К одной беде прибавляется другая. В Чите, куда с трудом довел свой бомбардировщик Жолудев, аэродром был закрыт плотным туманом.

В такой обстановке даже опытному командиру пришлось бы туго. Но молодой летчик не растерялся, не стал паниковать. И, хотя до своего аэродрома надо было преодолеть еще немало километров, он спокойно развернул машину на новый курс. И опять началась нелегкая борьба. Мотор перегрелся. Топливо кончалось, когда впереди по курсу показались очертания родного городка. Не тратя времени на «коробочку», лейтенант зашел с ходу на посадку и приземлился точно у белого полотнища.

Первым к самолету подкатил на машине командир полка. Выслушав доклад Жолудева, Полбин поблагодарил его и весь экипаж за мужество.

— А теперь, Леонид Васильевич, — посоветовал Жолудеву,— идите отдыхать. После такой встряски надо успокоиться.

Для всех, кто присутствовал при этом разговоре, стало ясно, что Полбин проникся к Жолудеву особым ува-

жением. В таких случаях он всегда называл подчиненного не по воинскому званию и фамилии, а по имени и отчеству.

Сорок первый год полк встречал в обстановке самой напряженной боевой подготовки. Учения следовали одно за другим. То и дело ночами в квартиры офицеров стучали посыльные, а в штабе и казармах надрывно звучали сирены. Время на сбор и подъем полка было сокращено почти вдвое. И наконец в самый разгар зимы полк перебазировался на запасной аэродром, где обычно располагались летние лагеря. На этот раз жили не в палатках, а в необычных строениях из снега, облитого водой и превращенного таким образом в ледяные домики.

Дома Полбин почти не появлялся. Напрасно в выходные дни Мария Николаевна томилась ожиданием. Приезжала автомашина, крытая брезентом. Из кузова, весело переговариваясь, выпрыгивали летчики и техники, расходились по квартирам. Потом кто-нибудь из них заходил к Полбиным, приносил детям подарки от отца, передавал приветы и обещание Ивана Семеновича в следующее воскресенье обязательно выбраться в гарнизон. Но и в очередной выходной у него находились неотложные дела на полевом аэродроме.

Студеным февральским утром неожиданно для Полбина в полк поступил сигнал тревоги. А следом принесли пакет с секретной картой. На ней был обозначен маршрут полета и цели, по которым бомбардировщикам предстояло нанести удар. Собрав командиров, Полбин поставил им задачу и предупредил:

— Дело серьезное. По всему видно, что это не простая тренировка.

Но и без напоминания на аэродроме полным ходом шла работа. Все было рассчитано, все отлажено. Каждый знал свое место. И вот уже один за другим взревели моторы. Первая группа бомбардировщиков поднялась в небо.

Стоянка уже почти опустела, когда на аэродроме приземлился самолет заместителя командующего авиацией округа комбрига Г. И. Тхора. Выслушав доклад Полбина, комбриг спросил:

— Вы когда получили сигнал тревоги?

Полбин ответил с точностью до минуты.

— А когда первые самолеты взлетели?

Полбин назвал время.

— Ничего не понимаю, — Тхор развел руками. — Как же вы успели подогреть и запустить моторы?

И тогда Полбин доложил комбригу, что на время, пока полк находится в лагерях, он приказал круглосуточно держать непосредственно на стоянках подогретое масло и горячую воду. В результате принятых мер готовность полка к вылету повысилась в несколько раз. Выслушав Полбина, Тхор всполошился:

— Надо немедленно предупредить полигонную команду, чтобы она не попала под бомбы!

Произошел своего рода казус. Решив сделать проверку для полка неожиданной, Тхор послал людей на полигон не заранее, а почти одновременно с объявлением бомбардировщикам тревоги. Он был уверен, что времени, необходимого для подготовки полка к вылету, вполне хватит для того, чтобы полигонная команда вместе с поверяющими успела прибыть на место до начала бомбометания. Но самолеты появились над целью значительно раньше.

Когда стало ясно, что на полигоне все закончилось благополучно, а результаты бомбометания оказались высокими, комбриг прошел по стоянке, осмотрел хитроумно придуманные приспособления для подогрева воды и масла, познакомился, как организована подготовка техники в полевых условиях. Потом он побывал в ледяных домиках, где жили в лагерных условиях авиаторы. Многое для него оказалось неожиданным, а понравилось буквально все.

— Я буду докладывать командующему,— сказал он на прощание Полбину,— чтобы опыт вашего полка распространить и в другие части.

Полбин старался не показывать своей радости, но на лице у него так и играла улыбка. Он ревниво относился к службе и ценил похвалу. Ведь хвалили не столько командира, сколько его подчиненных.

Высокий темп боевой учебы, взятый в зимнее время, не снижался весной и летом. До июня экипажи выполнили чуть ли не годовую норму. Люди возмужали, выросли в мастерстве, многие получили повышения по службе. Но не обошлось без трудностей. За год из полка были откомандированы на запад три командира эскадрилий. С большим сожалением Полбин расставался с опытными методистами Цыбульником и Лущаевым. Около десяти летчиков пришлось отдать для переучива-

ния на дальние бомбардировщики. На смену им полк получил выпускников из летных училищ. С ними требовалось начинать все сначала. А время торопило. Не было покоя рядом, на восточных границах. Тревожные события назревали на западных.

В середине июня Полбин был вызван в штаб округа. Возвратился он оттуда хмурый и озабоченный. Несмотря на ранний час, приказал собрать всех командиров.

— Решением военного совета округа,— объявил он,— наш 150-й скоростной бомбардировочный полк переводится в положение полной боевой готовности.

В разные уголки страны полетели телеграммы, с получением которых всем отпускникам предписывалось срочно возвратиться к месту службы. И тут же, спустя несколько часов, Полбин получил новое указание. В короткие сроки полк должен был разобрать все самолеты, погрузить их на железнодорожные платформы и подготовиться к перебазированию.

Работали круглые сутки, разбившись на бригады. Обеды и завтраки Полбин распорядился подвозить прямо на стоянку самолетов, чтобы люди не тратили времени на переходы. И, несмотря на это, за первый день сумели разобрать... только один самолет. Казалось, части бомбардировщиков никак не хотят расставаться, цепляясь друг за друга десятками хитро сплетенных проводов, тяг и болтов. Полбин не на шутку переполошился. Указанный в приказе срок разборки и погрузки машин при таком темпе работ оказывался под угрозой срыва. Надо было принимать меры.

Издерганный, с воспаленными от бессонницы глазами, Иван Семенович носился от одного самолета к другому, со стоянки на железнодорожную станцию, со станции в штаб. Если кто-то из механиков придумывал дельное приспособление, если в организации разборки появлялось что-то новое, заслуживающее внимания, он тут же требовал внедрить это во всех бригадах. И дело пошло на лад. За второй день было разобрано семь машин.

Все это время Иван Семенович не мог выбраться домой. И вдруг 18 июня Полбин появился дома совсем неожиданно, неестественно возбужденный и особенно ласковый.

— Случилось что-нибудь?— встревожилась Мария Николаевна, догадавшись, что своим поведением он старается скрыть какую-то тревогу.

— Конечно, случилось, Манек! — Полбин обнял ее.— Сегодня же твой день рождения.

Праздник отметили вместе, и Мария Николаевна поверила было, что Иван Семенович действительно вырвался в гарнизон, чтобы поздравить ее. Но ни на второй, ни на третий день Полбин в лагеря не уехал. У него были очень важные дела в городе. То он спешил в штаб, то в горком партии, то на железнодорожную станцию. И по тому, как он долго ворочался перед тем, как уснуть, как часто поднимался с постели, Мария Николаевна догадывалась, что Иван Семенович хранит от нее важную тайну. Но она не делала даже попыток узнать, какие перемены ждут полк или одного ее мужа, а вместе с ним, конечно, всю их семью.

22 июня Полбин, как и в будние дни, ушел из дому на рассвете, не появился к обеду, а вечером вдруг позвонил по телефону и сказал изменившимся голосом:

— Маня, включи радио!

— А что случилось, Ваня?

— Включи.— И Полбин повесил трубку.

Дрожащей рукой, предчувствуя недоброе, Мария Николаевна повернула переключатель и сквозь треск в эфире услышала страшное слово: «Война».

Дома Полбин появился после полуночи. Молча разделся, сел и просто, как о деле привычным, давно решенном, сообщил:

— Полк переводят под Москву.

— А мы, как же мы, Ваня? — Мария Николаевна бросилась к мужу.

— Вы пока останетесь здесь.

Уезжал Полбин последним эшелоном 26 июня. Прощался торопливо, обнял жену, поцеловал дочерей, а Виктору подал руку, как взрослому:

— Ты теперь один мужчина в доме. Будь хозяином.

И, вынув из полевой сумки, протянул сыну электрический фонарик.

Полк особого назначения

Майора Полбина вызвали в штаб авиации. Командующий, в распоряжение которого он прибыл, встретил его с нескрываемой радостью:

— Молодцы, своевременно появились. — И он разложил на столе карту.— Обстановка сложная, каждый

день теряем летчиков. А у вас в полку и ночники есть? Прекрасно. А сами вы, вижу, порох нюхали? — он кивнул на орден Ленина.— За Халхин-Гол?

Полбин подтвердил, ожидая, что командующий тут же поставит ему боевую задачу. Но распоряжение было иным:

— На базе вашего 150-го полка решено сделать две самостоятельные части. Вам предложено создать полк особого назначения. Номер у него будет прежний. Отберите экипажи, обученные летать вслепую. Будете действовать в основном ночью и в облаках. Остальные экипажи станут основой другого полка, который возглавит ваш заместитель майор Клобуков.

Полбину не надо было листать личные дела летчиков и штурманов, чтобы выбрать экипажи. Он со всеми не раз поднимался в небо, знал возможности каждого. У него не было сомнений насчет Пасхина. Александр Архипович имеет боевой опыт, из него уже получился хороший командир эскадрильи. Пасхина прекрасно дополнит Виктор Ушаков. Он чуть поспокойнее, более вдумчив и рассудителен. Неплохим командиром звена стал Леонид Жолудев, полностью прошел программу ночной подготовки Андрей Хвостунов.

Мысленно оценив еще раз каждого и наметив костяк будущего полка, Полбин решил поговорить с людьми с глазу на глаз. Ведь отбор идет не в обычную часть, а в полк особого назначения, где все будет сложнее: и задачи, и условия, и напряжение полетов. Тут принцип добровольности имеет важное значение, человек должен без колебаний идти на новое и трудное дело.

Иван Семенович не вызывал людей в кабинет, а находил их сам на стоянке, у самолетов, в столовой, отзывал в сторону, рассказывал о задачах особого полка и спрашивал коротко:

— Согласен?

В ответ Саша Пасхин весь радостно засветился. Виктор Ушаков с несвойственной ему торопливостью заверил: «Я, товарищ майор, оправдаю доверие». Леонид Жолудев вытянулся и по-военному приложил руку к головному убору: «Спасибо за доверие». Не было ни одного человека, кто хоть на секунду заколебался бы, и сердце Полбина наполнялось гордостью. Особенно он почувствовал это, когда один за другим к нему стали подходить те, кто пока еще не имел опыта ночных полетов и

полетов в облаках, просили зачислить в полк, обещали быстро освоить технику пилотирования. Все они были хорошими ребятами, со всеми жаль было расставаться, и Иван Семенович почти каждому совётовал:

— Осваивай ночную подготовку, держи связь со мной. Как только появится возможность, буду хлопотать о переводе.

Для 150-го полка было определено другое место базирования. Полбин слетал туда на штабном У-2, выбрал площадку для аэродрома и 9 июля привел туда сформированные эскадрильи. Несколько дней «обживали» новое место дислокации, строили землянки, расчищали дорожки для руления, готовили материал для маскировки самолетов.

А с фронта поступали тревожные сведения. Несмотря на упорное сопротивление, наши войска отступали. Враг рвался к Москве.

Как раз в эти дни Полбин услышал весть о подвиге командира эскадрильи 207-го бомбардировочного авиационного полка капитана Гастелло. Во время налета на танковую колонну противника в его самолет попал зенитный снаряд, пробив бензобак. Начался пожар. У командира и его товарищей лейтенантов А. Буденюка, Г. Скоробогатова и старшего сержанта А. Калинина была возможность покинуть пылающую машину. Но герои предпочли плену гибель. Направив бомбардировщик в скопление вражеских танков и бензоцистерн, они ценой жизни нанесли гитлеровцам немалый урон.

В памяти сразу же встал аэродром, откуда уходили бомбардировщики на Халхин-Гол, быстро шагающий вдоль стоянки Ююкин и еле поспевающий за ним высокий худощавый летчик. Это был Николай Гастелло. Вместе с Ююкиным он поднялся в небо, был рядом, когда на израненной машине начался пожар. Тогда он выполнил приказ комиссара и в последнюю минуту покинул бомбардировщик. И теперь, спустя многие месяцы, когда жизнь поставила Гастелло в те же условия, он поступил по-комиссарски...

Бомбы ложатся в цель

В штабе соединения Полбина долго и подробно расспрашивали об уровне подготовки экипажей, о состоянии техники, о настроении людей. Полбин отвечал на все

вопросы обстоятельно и с чувством облегчения. Он понимал, что и этот вызов, и этот разговор не случайны и полк получит наконец возможность активно участвовать в боевых действиях. Предчувствие не обмануло его. Командир соединения, подойдя к карте, показал карандашом жирно обведенный кружок возле крупной надписи: «Ржев».

— Перелетите на этот аэродром. Будьте готовы к бомбометанию, к штурмовым действиям и к отражению истребителей. Конкретную задачу получите на месте.

После перелета во Ржев, поручив своему заместителю тщательно изучить с экипажами район боевых действий, Полбин целый день мотался от одной части к другой, от бомбардировщиков к истребителям. Особенно подолгу беседовал с теми летчиками, которые уже побывали в боях, встречались с гитлеровцами в воздухе. Ивана Семеновича интересовало многое. Какими группами летают вражеские истребители? Как атакуют? С какого расстояния открывают огонь? Немало было вопросов у Полбина о действиях зенитной артиллерии противника. До какой высоты бьют пулеметы и малокалиберные пушки? Куда достают пушки крупного калибра? Какова плотность огня?

На одной из стоянок Полбин обратил внимание на несколько новеньких самолетов необычной конструкции. Было в них что-то от истребителей, в первую очередь элегантность, обтекаемость форм, но многое напоминало бомбардировщик. Два мотора. Острый, застекленный нос с удобным местом для штурмана.

— Что это за машина? —спросил у капитана, сидевшего прямо на земле рядом с самолетами.

Тот вместо ответа подозрительно оглядел Полбина. Поняв его настороженность, Иван Семенович показал свои документы.

— Я командир полка, вон там мои СБ стоят, только вчера перебазировались.

— Это другое дело,— улыбнулся капитан.— А я командир эскадрильи на Пе-2. Не приходилось еще такие видеть? Пойдемте покажу.

Взглядом опытного летчика Полбин сразу же определил преимущества новой машины. В кабине авиагоризонт, гирополукомпас. Значит, на Пе-2 можно совершать полеты в облаках и ночью. Но главное — он приспособлен для бомбометания с пикирования.

— Нам бы таких красавцев, — мечтательно сказал Полбин, с сожалением спрыгивая на землю.

Мысленно Полбин представил, как он ведет на задание Пе-2. Ведет в облаках, где ему не страшны вражеские истребители. Над целью он появляется совершенно внезапно, переводит машину в пикирование и благодаря этому кладет бомбы без отклонений.

Но пока на вооружении у него в полку СБ, и надо думать над тем, как максимально использовать его возможности. Командир полка в ответе за всех подчиненных, ему в небе надо уметь провести группу так, чтобы не иметь потерь ни от вражеских истребителей, ни от зениток, а в районе цели создать экипажам условия для успешной работы.

Весь вечер Полбин, уединившись в штабной землянке, делал тактические расчеты, вычерчивал на бумаге схемы противозенитного маневра, составлял наиболее оптимальные варианты атак. А ранним утром, непосредственно перед вылетом, он собрал летчиков.

— В районе юго-западнее Смоленска,— начал он кратко и четко излагать поставленную задачу,— замечено передвижение танковых частей противника. Необходимо нанести бомбовый и штурмовые удары, задержать их продвижение...

Полбин подошел к схеме, на которой была наглядно изображена обстановка:

— По данным разведки, вот здесь,— указка скользнула вдоль извилистой голубой линии,— нашими бомбардировщиками разрушен мост. Движение на шоссе приостановлено. Значит, в этом лесу, — указка ткнулась в зеленое пятно,— мы должны обнаружить скопление техники и живой силы. Но они, безусловно, хорошо прикрыты зенитным огнем и истребителями.

Замысел Полбина был и прост, и в то же время сложен. По маршруту бомбардировщикам предстояло идти под облаками на предельно малой высоте. Истребители врага, барражировавшие выше, не могли их обнаружить и атаковать. На подходе к цели экипажам было приказано увеличить дистанцию. Это уменьшало возможность поражения зенитной артиллерией, позволяло бомбардировщикам маневрировать. Перед сбросом бомб они должны были сделать резкий доворот и только позже уточнить прицеливание...

Сначала все шло, как и было задумано. Пересекли

линию фронта, увеличили дистанцию, интервалы. И в этот момент Полбин услышал голос стрелка-радиста Григория Масюка:

— «Мессеры» сзади!

Полбин немедленно подал команду ведомым сомкнуться, чтобы стрелки-радисты могли отразить атаки истребителей. «Только бы никто не струсил,— мелькнула мысль,— только бы не нарушился строй». Оглянувшись, он увидел справа тощие серые тела «мессеров». От них к бомбардировщикам тянулись прерывистые огненные трассы. Точно такие же трассы с нескольких сторон перекрещивали путь истребителей. Это стрелки-радисты открыли огонь по атакующим. «А ближе подходить боятся, — подумал Полбин о гитлеровцах, — не очень-то храбры».

Впереди показался окутанный дымом, горящий Смоленск. Бомбардировщики вошли в зону огня зенитной артиллерии. Небо справа, слева, сзади густо усеяли белые одуванчики разрывов, огненные трассы перечеркивали путь. Но, как говорится, нет худа без добра. «Мессершмитты», опасаясь попасть под огонь собственной артиллерии, отстали. Полбин внимательно изучал местность в районе цели. Небольшая речушка, разрушенный мост. Лес. И множество серых коробочек. Танки. Машины. Целое скопище техники. Вот почему так плотен огонь зениток.

Как и было разработано на предполетной подготовке, Полбин с правым разворотом стал вроде бы уходить от цели. Но как только зенитки перенесли огонь, он вывел машину в горизонтальный полет, а потом перевел ее в пикирование. Вражеские зенитчики были сбиты с толку неожиданным маневром. Поле разрывов переместилось вправо, а впереди было чистое небо.

Штурман сбросил бомбы, разрывы взметнулись точно в гуще вражеских войск. «Молодец, Осипов», — мысленно похвалил Полбин своего штурмана. Но, еще раз бросив взгляд на землю, он понял, что эти слова мог адресовать не только ему. Все экипажи отбомбились хорошо, внизу бушевало море огня.

Наблюдая, все ли ведомые заняли свое место в строю, Полбин с тревогой заметил, что одна из машин в эскадрилье Пасхина оторвалась от строя. Что случилось? Это же верная гибель. Сейчас налетят истребители и легко разделаются с одиноким бомбардировщиком. Еще раз

оглянувшись и пересчитав машины, Полбин, определил, что отстал Жолудев. Но дыма за самолетом не видно, видимо, просто поврежден мотор. «Лишь бы перетянул линию фронта, — подумал Полбин, — а там можно сесть в поле. Жолудев — летчик опытный».

На обратном пути «мессершмитты» не тревожили. Совершив посадку, Полбин зарулил на стоянку и, спрыгнув на землю, стал наблюдать, как один за другим на аэродром приземляются его подчиненные. Вот и самолет Жолудева. На лице невольно появляется радостная улыбка. Догнал все-таки группу. Но что это? И улыбка тут же гаснет. Створки люка у бомбардировщика... открыты. Видимо, штурман Аргунов, сбросив бомбы, в горячке забыл про них. И никто из экипажа до самой посадки не догадался, почему у моторов не хватает тяги, чтобы развить нужную скорость. Огромные лопухи створок создавали дополнительное сопротивление. «Растяпы, — Полбин сердито сплюнул, — за такую мелочь могли заплатить жизнью».

Появилась мысль строго наказать виновника. Но ведь это был первый боевой вылет экипажа. Враг внизу. Враг в воздухе. Огромное моральное напряжение. В этих условиях и опытные бойцы порой допускают непростительные ошибки. А Аргунов да и сам Жолудев молоды, они еще не нюхали пороха.

К тому же на земле стало со всей очевидностью ясно, каким опасным и трудным был полет. Многие самолеты пришли с пробоинами. У одного оказалось изрешеченным крыло, у другого зияли дыры в хвостовом оперении, у третьего каким-то чудом держался искореженный элерон. Но потерь в полку не было. И это казалось чудом.

Сразу же после посадки, когда еще не улеглись страсти, а летчики, штурманы и стрелки-радисты продолжали возбужденно обсуждать все, что удалось увидеть, командир полка провел разбор полета:

— Тот, кто хвастается количеством пробоин в фюзеляже, по-моему, просто глуп, — начал он. — Стать мишенью для зенитчиков или истребителей легко и просто. Труднее не поддаться им, перехитрить их, пройти невредимым и выполнить задачу. Вот чему мы должны учиться.

Люди слушали молча. Но по глазам было видно, что каждое слово командира волнует их, заставляет заду-

маться о войне, о своем долге, мастерстве, без которого нельзя добиться победы.

— Самолет Жолудева отстал от группы,— Полбин говорил спокойно, будто это был разбор обычных полетов, — штурман не закрыл люки после бомбометания. Требую от всех четко выполнять обязанности. На войне нет мелких ошибок. Враг не ставит ни четверок, ни троек, он за такие ошибки сбивает.

Письма 1941 года

Домой Полбин писал мало. Время оставило всего три письма. Это не просто его разговор с женой. Это дыхание тех тревожных дней. В строках, написанных размашистым почерком, и его любовь, и его боль, и радость, и тревога военного времени.

25 июля. «Здравствуй, Маня! Здравствуйте, родное поколение — Витик, Людочка и Галочка! Всех вас очень крепко и много раз целую!

Я пишу, даю о себе знать очень редко. Ты, дорогая, прости меня за это. Время настолько сжато, уплотнено, что не всегда выберешь минутку, чтобы написать! Боевая обстановка. Иначе нельзя.

С 15.7.41 г. мы уже в действующей армии. Люди работают прекрасно, весь личный состав за первый же боевой вылет получил от командования благодарность.

Сам я жив и здоров. И мысли у меня нет, что со мной что-нибудь случится. Мои подчиненные видят во мне начальника и уверенно, без колебаний, идут за мной в бой.

До меня дошли слухи, что дома идут разговоры о моем ранении. Это, Манек, неверно. Не имею ни единой царапины, хотя уже имел серьезные боевые встречи с противником. Единственный человек у меня легко ранен — это лейтенант Николаев, он штурман у Пасхина. И то он уже через 3—4 дня снова будет в строю. Ну ты сама понимаешь, война — это война. Она не проходит без жертв. А противник озверел, принимает меры к выигрышу, но это ему не удастся. Этому примеры самой истории героической битвы русского народа. А в этой Отечественной войне наш народ, его армия дадут финальные бои зарвавшемуся врагу, и Гитлер с шайкой жуликов готовит себе неизбежную могилу.

Дорогая моя, за меня будь спокойна. Цена и значение нашей прекрасной Родины, ее будущее неоценимо выше интересов отдельной личности. Все прекрасное нашей страны, созданное под мудрым руководством Коммунистической партии Ленина, мы должны сохранить, уберечь от варваров для наших детей, так же, как берегли для нас наши деды и отцы в прошлом».

3 августа. «Здравствуй, Манек! Здравствуйте, мои дорогие Витик, Людочка и Галочка! Всех вас я очень крепко целую. Желаю вам здоровья и сил! Растите и крепните на страх врагам...

Люди мои работают прекрасно! Немцев бьем днем и ночью. Для них мой полк является страшной силой. Неоднократно кроме благодарностей всему составу полка от командования я получаю и от наших наземных войск, которым приходится помогать с воздуха. А в помощи не стесняемся — помогаем днем и ночью. Уже многих командиров представил к присвоению званий, к правительственной награде. Сам здоров. Чувствую себя прекрасно. Поясница в порядке, боли совсем нет. С подателем сего письма выслал для всех семей в Читу денежные аттестаты. Он проведет с вами «совещание» и кой-что, в пределах нужного, расскажет».

20 сентября. «Здравствуй, Манек! Вам я пишу больше чем достаточно, но от вас получаю редко...

Как вы там живете? Как занимается Виктор? Маня, ему нужно немного помогать дома, облегчать занятия в школе. Сам я уже сделал 21 боевой вылет днем, 25 боевых вылетов ночью. Значит, всего уже 46! Пока без царапин на теле! Но немцам жизни даем, долго, гады, будут помнить советскую авиацию.

Если на востоке спокойно, продолжай жить в Чите и никуда не переезжай, а то еще удумаешь что-нибудь, и концы связей потеряем...»

Тяжелые потери

Как и предполагал Полбин, после нескольких удачных вылетов полк начал нести потери. Винить в них было некого. Бомбардировщики чаще всего уходили на задания через линию фронта без сопровождения истребителей. И там даже отличная выучка и солидный опыт экипажей не помогали.

Первым не вернулся из разведывательного полета экипаж Ивана Сачкова, которого Полбин знал по Халхин-Голу. А через несколько дней на глазах у многих погиб экипаж Николая Николаева. Зенитный снаряд, видимо, попал в бензобак, и машина взорвалась в воздухе.

Иван Семенович старался не показывать подчиненным своих переживаний. Был, как всегда, требователен, хвалил отличившихся, иногда шутил, ругал тех, кто допускал ошибки. Но именно в эти дни он чаще обычного задумывался, сильно осунулся, стал более раздражителен и вспыльчив. Его пугали пустоты, образовавшиеся на стоянках. Технические экипажи, оставшиеся без самолетов, чаще других попадались ему на глаза.

В конце июля в полк поступил приказ нанести бомбовый удар по вражеским войскам, расположенным в районе Ильино. Полбин вызвал командира эскадрильи Пасхина, развернул карту, показал, где расположена цель.

— Истребителей прикрытия нам опять не дали, — сказал, словно извиняясь, — но я надеюсь на твое мастерство, Александр Архипович. Ты сделай так. Линию фронта пройди на большой высоте, вот здесь, — он показал точку несколько севернее цели, — затем снижайся до бреющего и выходи на Ильино не с востока, откуда они нас ждут, а с запада. Там у них и зениток меньше, и смотрят зенитки в обратную сторону.

Пасхин внимательно слушал командира, делая карандашные пометки на карте.

— Но перед целью вам придется набрать высоту, — предупредил Полбин, — иначе вы не сумеете точно выйти на цель и сбросить бомбы.

Время торопило, но Полбину никак не хотелось отпускать Пасхина. Ему казалось, что он не все еще сказал, что самое главное упущено.

— Самолеты все исправны?

— Все девять, — отвечал Пасхин.

— Люди готовы?

— Уже у самолетов. Пришлось вызывать прямо с концерта.

— Ну, Александр Архипович, ни пуха тебе ни пера.

Взревели моторы, бомбардировщики, поднимая столбы пыли, тройками ушли в небо. А Полбин все ходил и ходил вдоль стоянки, не в силах унять волнение.

Он всегда, оставаясь на земле, переживал больше, чем в воздухе, находясь во главе группы. Там он мог многое сделать для того, чтобы в группе не был сбит ни один самолет, чтобы все благополучно дошли до цели и вернулись домой. Здесь ему оставалось одно — ждать и мучиться. То и дело он поднимал левый рукав гимнастерки, бросая взгляд на часы, затем подносил их к уху. Ему казалось, что они остановились.

Расчетное время подходило к концу, когда на западе показались темные точки и послышался гул самолетных моторов. Полбин с тревогой вглядывался в небо, торопливо считая машины. Одна, две... Их было только шесть. «Наверное, одно звено отстало», — ухватился он за спасительную мысль. Но когда первым приземлился самолет не Пасхина, а Ушакова, Полбин все понял. Не было в числе приземлившихся машин Леонида Жолудева и Сергея Щербакова.

Виктор Ушаков, спустившись на землю, приложил было руку к шлемофону: «Товарищ майор, группа...» Но тут же руку опустил и заговорил торопливо, еле сдерживая слезы:

— На цель мы вышли на бреющем... Но бомбы сбросить не успели... Слишком поздно увидели... Там в лесу было масса машин. Саша, Александр Архипович, развернулся, а тут началось такое, я подобного нигде не видел. Между разрывами, казалось, птице не пролететь. Один снаряд попал в крыло машины комэска и, наверное, перебил бензопровод. Крыло сразу же охватило пламя. Надо было прыгать, а Пасхин, смотрю, подает сигнал «атакую!» и переводит машину в крутое пике. В самую гущу вражеских машин.

Полбин снял фуражку. Погиб Пасхин Александр Архипович. Сколько он его знал? Несколько лет и две войны. Пасхин был секретарем комсомольского бюро, на Халхин-Голе возглавлял звено, а здесь, под Москвой, был уже командиром эскадрильи и секретарем партийной организации. Человек кристальной чистоты, он и погиб с величайшим достоинством, как настоящий герой.

— А Жолудев? Где Жолудев?

— Вот, кажется, он, — Ушаков повернулся к посадочной полосе, куда планировал одинокий бомбардировщик.

— Что с ним? Подбит?

— Жолудев вроде нет. Подбит самолет Сергея Щербакова. Он стал отставать, а Жолудев не бросил, пристроился к нему.

Оба стали наблюдать, как самолет Жолудева приближается к земле.

— Что у него с шасси? Шасси же...

Но договорить Полбин не успел. Бомбардировщик коснулся полосы, потом упал на правое крыло и резко развернулся, подняв огромный столб пыли. Обгоняя друг друга, к нему устремились пожарная и санитарная машины. Оказалось, что экипаж и не подозревал о неисправности шасси. В кабине горели все три зеленые лампочки, но подкос был перебит снарядом.

Жолудев, как и другие члены экипажа, не пострадал. Оправившись от волнений, связанных с аварией, он доложил, что Сергей Щербаков произвел вынужденную посадку на соседнем аэродроме.

— А самолет? Что с самолетом? — с нетерпением спросил Полбин.

— Левый мотор всю дорогу дымил. Крыло все изрешечено, я боялся, как бы не отвалилось в воздухе, — ответил Жолудев.

— Так нам скоро не на чем будет летать. — Полбин вздохнул и, круто повернувшись, ушел к штабной землянке.

Летчики с грустью смотрели вслед командиру. Ему трудно. Потери следуют одна за другой, в воздух вместо девяток поднимаются то семь, то шесть самолетов. А задачи ставятся такие, которые и полнокровным эскадрильям вряд ли по силам. Не меньше командира переживают и экипажи, оставшиеся «безлошадными». Тяжело оставаться на земле, когда товарищи уходят в бой, в самое пекло.

Отыскав комиссара полка Барышева, Полбин сказал:

— Надо сегодня же собрать коммунистов полка, поговорить об итогах боевой работы.

— А я как раз думал об этом, — ответил Барышев, — надо и в партию людей принять. Сейчас заявлений много.

— Значит, решено, — заторопился Полбин, — тогда пойду набросаю небольшое выступление.

Вечером на опушке леса собрались летчики, штурманы, стрелки-радисты, авиационные специалисты. Под-

водя итоги боевых действий, Полбин назвал, сколько сделано вылетов, сброшено бомб, уничтожено танков, автомашин, пушек и живой силы противника. Цифры получились внушительными. Командир сказал:

— Сделано немало. Но и потерь у нас непростительно много. Я говорю непростительно. Кое-кто ищет оправданий. Да, нам не дают истребителей прикрытия. Мы вынуждены сами оборонять себя. Но кто сказал, что бомбардировщик беззащитен в воздухе? Разве у наших стрелков нет оружия? Разве нельзя умным и смелым маневром выйти из-под удара? Можно. И нужно.

После доклада сразу же поднялся лес рук. Кажется, не было ни одного коммуниста, который не хотел бы высказать свое предложение. Виктор Ушаков говорил о том, что надо всех командиров экипажей обучить полетам на предельно малых высотах.

— Когда мы летим на 10—15 метрах, то и зенитчики нам не страшны, и истребители против нас почти бессильны. И маршрут полета нужно выбирать так, чтобы он проходил по лощинам, по опушкам лесов, по руслам рек. Тогда сбоку нас атаковать будет нельзя, а сверху — трудно.

Жолудев, которого все последние дни не покидало чувство вины за оплошность своего штурмана, говорил о согласованности в действиях экипажа:

— Ошибку Аргунова мог исправить и я, и даже наш стрелок-радист Копейкин. Но мы занимались каждый своим делом, полностью положившись на штурмана. А надо было не забывать о взаимовыручке. Надо, чтобы в каждом полете и ориентировку вел не только штурман, но и летчик, да и стрелок-радист мог подсказать в случае необходимости местонахождение самолета.

Собрание закончилось, люди разошлись, только командир полка одиноко сидел за столом президиума, торопливо набрасывая в блокноте, что нужно сделать в ближайшие дни для того, чтобы все предложения коммунистов воплотить в жизнь. Такое было у Полбина правило: прислушиваться к мнениям подчиненных и ценить их.

Наутро Полбин был в штабе соединения. Доложив комиссару о партийном собрании, он признался:

— Не люблю оставаться на земле, когда другие летят на задание. Такое чувство, будто идет драка, бьют моих лучших друзей, а я стою и не вмешиваюсь.

— Это ясно, — понимающе согласился комиссар, — в такое тяжелое время все рвутся в бой.

В глазах Ивана Семеновича блеснули хитроватые огоньки:

— А у меня сейчас четыре экипажа без самолетов. Вот я и решил заручиться вашей поддержкой. Надавите своим авторитетом, чтобы 150-му выделили хотя бы тройку СБ.

— Ну, Полбин! — раскатисто захохотал комиссар. — Ну, тактик! Это же надо такой подход сделать.

Но в содействии не отказал. Вместе сходили к командиру соединения, потом к инженеру, и в полк Полбин вернулся в приподнятом настроении. Сразу же приказал отыскать Жолудева и, когда тот, разгоряченный бегом, влетел в землянку, протянул сложенную вчетверо бумажку.

— Это доверенность на получение нового самолета. Разыщи летчика связного У-2 и немедленно отправляйся с ним в Калинин. Получишь СБ, перегонишь сюда и готовься к полету. Завтра пойдешь вместе с эскадрильей.

Поздним вечером новенький бомбардировщик плавно приземлился на аэродроме, резво подрулил к пустующей стоянке. Улыбающийся Жолудев отодвинул шторку и прокричал механику: «Как машина?» Но механик молча, будто не слыша его вопрос, полез под плоскость ставить колодки. И только теперь Жолудев заметил, что никто не спешит к нему смотреть новый СБ, все сбились в небольшие молчаливые кучки. Сойдя на землю, он узнал страшную весть: из очередного полета не вернулся командир полка Иван Семенович Полбин.

Аварийная посадка

Ломаная линия маршрута, нанесенная на карту, упиралась в железнодорожную станцию Пустошка. Там, судя по данным разведки, скопилось несколько эшелонов с войсками и техникой противника. Нужно было, не теряя времени, нанести бомбовый удар по этой станции.

Штурман Осипов, произведя расчеты, делал аккуратные надписи сбоку синей линии. Полбин, склонившись рядом, давал ему указания:

— Главное — выйти на станцию вдоль путей. Площадь поражения увеличится в несколько раз.

— А зенитки?

— Прогонят, как сквозь строй, — командир полка натянул шлемофон, — но иного выхода не вижу. Черт не выдаст, свинья не съест.

Осипов вложил карту в планшет, ободряюще подмигнул Масюку:

— Держись, Гриша!

Пустошка напоминала встревоженный муравейник. По путям ползли составы, по окрестным дорогам мчались машины, разбегались в разные стороны люди, хлестали очередями небо зенитки. Полбин, боясь проскочить станцию, с нетерпением ждал, когда Осипов сбросит груз. Но тот, казалось, замешкался, и Ивана Семеновича охватила тревога: уж не случилось ли чего со штурманом? Наконец машина облегченно вздрогнула, и внизу заметались сполохи огня.

Быстро развернувшись, Полбин повел бомбардировщик на повторный заход. Он всегда требовал, чтобы подчиненные, выполнив бомбометание, обязательно наносили по вновь обнаруженным целям штурмовой удар. Не изменял этому правилу и сам, хорошо зная, что именно в такие минуты, когда у врага начинается паника, штурмовка приносит наиболее высокие результаты.

Снизившись, Полбин вел машину туда, где, по его предположению, стояли вагоны с боеприпасами. Об этом говорила цепочка солдат, охранявших эшелон, а также то, что эшелон находился в стороне от станции. Но именно в том месте зенитный огонь был наиболее плотным. «Только бы Масюк не промахнулся», — подумал Полбин. И в этот момент самолет подбросило взрывной волной, а штурман закричал по переговорному устройству: «Левый горит».

Командир и сам уже видел: тяга падает, а за левым крылом тянется густой черный дым. Мгновенно определив, куда нужно развернуться, чтобы идти к себе, Полбин попробовал накренить машину, но она плохо слушалась рулей.

— Пламя есть, Осипов?

— Есть, небольшое, — ответил штурман, — попробуйте сбить скольжением.

— У меня рули заклинило. Терпите, ребята. Будем тянуть.

Это решение родилось у него неожиданно, но другого в такой обстановке не могло и быть. Самолет еще дер-

жится в воздухе, пламя лишь временами вырывается из мотора, плоскость пока не горит, значит, можно подальше уйти от станции.

Получая задачу на этот полет, Полбин пытался подробнее выяснить обстановку в районе боевых действий. Но в штабе ему лишь приблизительно показали линию фронта, предупредив, что противник развернул активное наступление, некоторые наши части вынуждены отойти на заранее подготовленные позиции, с трудом сдерживают натиск, контратакуют. Запомнилось только, что линия фронта лежала перпендикулярно к линии железной дороги, идущей на Ленинград. И сейчас, отыскав глазами эту дорогу, Полбин держался рядом. Была у него и другая мысль: на обочине железнодорожного полотна можно безопаснее совершить вынужденную посадку: там, как правило, меньше оврагов, нет толстых деревьев и пней.

Он не ошибся, думая о вынужденной посадке. Как раз в этот момент по переговорному устройству раздался срывающийся голос Осипова:

— Пламя, товарищ командир, сильное пламя.

Горела плоскость, кабина штурмана тоже была в огне. Полбин отыскал взглядом подходящую площадку и отдал штурвал от себя. Бомбардировщик, роняя пламя, пронесся над невысоким кустарником, потерял скорость и плюхнулся на живот. Выскочив из кабины и мгновенно определив степень опасности, Иван Семенович закричал Осипову и Масюку:

— От самолета! Быстро! Ложись!

Едва успели все трое отбежать от самолета, раздался взрыв бензобака. В небо взвился столб черного дыма, металлические части разметало по полю, пламя, словно насытившись, улеглось.

— Масюк, посмотри, в каком состоянии пулемет. Если не поврежден, снимай. А мы со штурманом отыщем на карте место своего нахождения.

Точку, где совершена посадка, нашли без особого труда. Сложнее было определить, где проходит линия фронта и на чьей территории они находятся. Раскаты орудийных залпов слышались со всех сторон.

— Пулемет исправен, патроны есть, — доложил Масюк и добавил: — А там, за полотном, какая-то штуковина лежит, на которой железнодорожники ездят.

Полбин торопливо вскочил и выбежал на насыпь.

Внизу, как он и предполагал, лежала сброшенная с рельсов ручная дрезина. Втроем они втащили ее наверх и установили на рельсы. Полбин взялся за рычаг, потянул на себя, колеса начали вращаться.

Сразу же вспомнилась станция Выра, когда вот на такой же дрезине четырнадцатилетний Иван Полбин подвозил на всю бригаду инструмент, доставлял болты и щебенку. Теперь ему предстояло идти на ней навстречу неизвестности.

— Может, лучше пешком? — осторожно предложил Масюк. — Вдруг местность занята, с ходу попадем в лапы к фашистам.

— В такой обстановке неизвестно, где найдешь, а где потеряешь, — возразил Осипов, — на дрезине все же быстрее, чем пешком.

— Риск — дело благородное, — решил Полбин, — а для гарантии мы поставим на нашу тачанку пулемет. Оружие бросать не положено.

К удивлению Осипова и Масюка, дрезина, которую им раньше приходилось видеть только издали, бежала легко и быстро. Далеко позади остались искореженные взрывом останки бомбардировщика, лес по обеим сторонам дороги сделался гуще. И вдруг впереди из-за штабеля дров появились фигуры солдат.

— Наши! — закричал Масюк.

Молоденький лейтенант-пехотинец проверил документы и только после этого заулыбался:

— Живы, значит, а мы видели, как ваш самолет падал. Думали, погибли все. Уж очень пламя сильное было.

Лейтенант рассказал, что здесь, где они находятся, совсем недавно шел бой, но фашистам пришлось отступить. Километра два на пути дрезины будут опасными, поэтому он выделит двух автоматчиков для охраны. Полбин поблагодарил лейтенанта, и дрезина покатилась дальше.

Всю ночь сначала по железной дороге, потом пешком добирались до аэродрома. Солнце уже поднялось высоко, когда уставшие от всего пережитого Полбин, Осипов, и Масюк с небольшого пригорка увидели знакомые очертания посадочной полосы. Но непонятная тревога сразу заставила их в недоумении остановиться. Аэродромный пейзаж выглядел мертвым. Не видно было самолетов, не сновали от стоянки к стоянке бензозаправщики, на при-

вычном месте не было палаток, на местах стоянок валялись небрежно разбросанные сосновые ветки, применявшиеся для маскировки.

— Что же это, товарищ майор? — растерянно спросил Масюк.

— Сейчас узнаем, — ответил Полбин и решительно зашагал вперед...

Необычный перелет

Неподалеку от штабной землянки одиноко сидел механик самолета, напряженно всматриваясь в небо, как умеют смотреть механики, подолгу ожидая свой бомбардировщик, не вернувшийся с задания. Заслышав шаги, механик обернулся, растерянно встал, глаза его округлились, на лице появилась радостная улыбка:

— Командир! Иван Семенович!

Он рванулся к Полбину и, позабыв про субординацию, обнял его, громко выкрикивая:

— Жив! Командир жив! Вернулся!

Иван Семенович все порывался спросить, что случилось с полком и куда подевались не только все до единого самолеты, но и вся техника. А механик никак не мог успокоиться:

— Боже мой, — твердил он, — радость какая. А ведь говорили, что видели, как ваш самолет взорвался и сгорел.

— Подожди, — Полбин наконец остановил сержанта, — ты мне объясни: что здесь происходит? Где люди? Где полк?

Только теперь механик, кажется, понял, что перед ним не просто чудом спасшийся хороший и любимый человек, а майор, командир полка. Вытянувшись и погасив улыбку, он доложил:

— После вашего отлета полку поступил приказ перебазироваться на новый аэродром. Экипажи улетели, техники и механики уехали, машины ушли. Здесь осталось всего несколько человек. Комиссар Барышев в землянке...

— Барышев здесь? А чего же ты молчал?

Через несколько минут Полбин во всех подробностях знал обстановку. Комиссар рассказал, что в связи с последними изменениями на фронте командование решило перебросить бомбардировщиков в другой район.

— И если я правильно понял, нам придется не только бомбить тылы, но и штурмовать войска на поле боя, — говорил Барышев.

Командир полка сосредоточенно молчал, только желваки перекатывались на скулах. Он понимал, что не от хорошей жизни командование решило использовать СБ в качестве штурмовиков. Враг рвется к Москве, вводя в бой все новые и новые части. Наши войска с трудом сдерживают натиск. То там, то здесь в обороне появляются бреши, в которые тут же вливаются вражеские танковые колонны. Чтобы остановить их, нужны эффективные удары с воздуха.

Полбину был понятен и аэродромный маневр, предпринятый начальством, и вынужденное стремление хоть как-то облегчить положение наземных войск. Представлял он и трудности, которые ждут полк. Делать придется вдвое, а то и втрое больше полетов. Незащищенный броней СБ, работающий на малой высоте, станет удобной мишенью не только для зениток, но и для обычного стрелкового оружия. Да и неприспособлен их бомбардировщик для штурмовых ударов, хотя в полку наносят их практически в каждом полете.

Пока Полбин разговаривал с Барышевым, прибыл По-2. Командир полка распорядился, чтобы первым улетел комиссар:

— Потом пришлете за мной, — сказал он Барышеву, — а пока я пойду посмотрю, что случилось с Пе-2.

Он давно заметил одиноко стоящий на опушке леса пикировщик. К его полку этот самолет никакого отношения не имел, но и оставить его без внимания было нельзя. На аэродроме ни обороны, ни охраны. А фронт совсем рядом, слышны не только орудийные раскаты, но и пулеметные очереди. В такой обстановке за ночь может случиться всякое.

При подходе командира двое в технических комбинезонах вытянулись.

— Товарищ майор, ремонтные работы закончены. Самолет к полету готов, — доложил старший и по годам и, видимо, по должности.

— А летчики где? — поинтересовался Полбин.

— Летчиков срочно вызвали для доклада в штаб. Они на штабном улетели.

— Понятно, — сразу же определил ситуацию Полбин.

Ему стало ясно, что разведчики, выполнив важное за-

дание командования, возвращались на свою точку. Но в воздухе отказал один из моторов. Пришлось совершить вынужденную посадку на этом аэродроме. За отснятыми пленками тут же прислали самолет, а заодно и пилотов доставили в штаб, чтобы они могли более подробно объяснить командованию характер и расположение обнаруженных целей.

Развернув карту, Иван Семенович спросил у техников, на каком аэродроме они базируются, и, услышав ответ, улыбнулся:

— Так мы с вами теперь соседи. Вместе будем работать.

Постепенно разговорились. Техник, который был постарше, начал хвалить Пе-2. Но Полбин, за последние месяцы проявивший немалый интерес к пикировщику, и сам отлично знал не только все характеристики этого самолета, но и особенности техники пилотирования. В его блокноте целый раздел был посвящен Пе-2.

Пока беседовали, из-за леса показался «кукурузник», произвел посадку и подрулил к штабной землянке. Летчик лейтенант Сомов заглушил мотор, осмотрелся и, заметив Полбина, направился к нему.

— Прибыл, товарищ майор!

— А ты там не видел их самолета? — Иван Семенович кивнул на техников. — За ними лимузинчик должен прилететь и летчиков привезти.

— Пестрый такой? — спросил Сомов. — Под зебру покрашенный?

— Точно, под зебру, — заулыбался старший из техников.

— Тогда дело ваше неважное. Придется здесь на ночевку оставаться, — посерьезнел Сомов и уточнил: — Сидит ваш лимузин километрах в 30 отсюда на пашне. Наверное, какой-нибудь «мессер» загнал его туда.

Дело принимало серьезный оборот. Старшему по должности и званию надо было принимать решение. Нахмурившись, Иван Семенович что-то чертил носком сапога на земле, потом рубанул рукой воздух, обратился к техникам Пе-2:

— Снимайте маскировку, готовьте самолет к перелету.

Полагаясь на свой опыт, он был уверен, что сумеет взлететь и довести незнакомую для него машину до аэродрома. Труднее будет с посадкой, точнее, с приземлением. У каждого летчика вырабатываются навыки опре-

деления высоты выравнивания и направления взгляда во время выдерживания. На Пе-2 устройство кабины и ее расположение было иным. После СБ надо было сделать несколько полетов с инструктором. Но сейчас Полбин мог только сожалеть, что раньше у него не было такой возможности.

Лейтенант Сомов, увидев, что техники начали торопливо сбрасывать с самолета маскировочные ветки, недоверчиво спросил:

— А кто полетит?

— Придется мне, если нет никого другого, — с улыбкой ответил Полбин, — мы пойдем своим экипажем, а ты бери ребят и следуй за мной. Только смотри не обгоняй.

Сомов растерянно оглядывался по сторонам, будто ждал, что сейчас здесь появится кто-то другой, кому положено лететь на Пе-2, и все, что говорил командир, окажется шуткой. Он никак не мог поверить, что Полбин решится поднять в воздух совершенно незнакомую, новую для него машину.

А Иван Семенович спокойно надел парашют, подогнал по своему росту лямки и неторопливо поднялся в кабину. Прошло несколько минут: видимо, он разбирался с приборами, пробовал, как включаются многочисленные тумблеры, как действуют механизмы. Затем он выпрямился, лицо его осветилось белозубой улыбкой:

— К запуску! От винтов!

Первый пропеллер качнулся, рывком сделал один оборот, другой и начал весело и ровно ввинчиваться в воздух. За ним начал свой бег и второй. Оба мотора мощно и уверенно заработали. Но Иван Семенович не торопился выруливать. Он то уменьшал, то увеличивал газ, открывал и закрывал шторки, выпускал щитки. Ему надо было пообвыкнуть в кабине, почувствовать свою власть над машиной, проделать хоть раз на земле те манипуляции, которые надо будет выполнять в небе.

Наконец все было готово, и Полбин развел руки в стороны, приказывая убрать колодки. Пе-2 плавно тронулся с места, вырулил к началу взлетной полосы, остановился, словно раздумывая, стоит ли ему взлетать, и только после этого решительно взревел моторами. Оставляя за собой шлейф пыли, пикировщик разбежался и, плавно оторвавшись от земли, взмыл в небо.

— Вот это взлет! — Сомов ликовал. — А ведь человек никогда не летал на «пешке»!

— Как не летал? — удивился техник Пе-2.

— Не летал. А вы разве не знали?

— А вдруг на посадке что случится...

— Не случится. У нас знаете какой командир. Это же прирожденный летчик...

Пикировщик легко слушался рулей, быстро набирал высоту, почти по-истребительски вписывался в разворот. Полбин наслаждался полетом, выдерживая заданный курс. А в мыслях назойливо билась мысль: «Вот бы нам такие машины. Мы наверняка научились бы бросать бомбы не по скоплению войск, а по отдельным танкам».

Вдалеке показался полевой аэродром.

Заранее выпустив шасси и щитки, Иван Семенович приготовился ко всякого рода неожиданностям. Но посадка оказалась небыкновенно легкой. Не успел он сбавить газ и выровнять машину, как она сама плавно коснулась земли.

Никто не предполагал, что на «пешке», подрулившей к стоянке, прилетел Полбин. Все ждали, что его доставит на своем «кукурузнике» Сомов. И все же кто-то увидел командира, а вскоре Пе-2 со всех сторон окружили летчики и штурманы, техники и стрелки-радисты. Они поздравляли Полбина с благополучным возвращением, расспрашивали, что случилось в небе, каким чудом все остались живы. И только после этого кто-то воскликнул:

— Товарищ майор, а когда же вы освоили Пе-2?

— Настоящий летчик, — Иван Семенович засмеялся, — должен уметь управлять всем, что летает, и немножко тем, что в принципе даже летать не должно. — Чуть подумав, он добавил: — А этой машиной управлять — одно удовольствие.

Фронтовые будни

Рано утром Полбин, как всегда, появился на аэродроме. Была осень. Ветер гнал через взлетную дорожку опавшие листья. На душе было тоскливо. Самолеты все чаще возвращались с заданий с множеством пробоин. Техники едва успевали латать плоскости и фюзеляжи. Люди ходили хмурые и злые. Иван Семенович хорошо понимал, что поднять настроение в такой обстановке может только успех.

Погода была летная. Самолеты, заправленные топливом, стояли в капонирах.

— Сделаем по пять полетов, — вслух размышлял Полбин, — 45 самолето-вылетов на эскадрилью...

— Это будет хорошо,— откликнулся шагавший рядом Барышев.

— Хорошо, комиссар, будет тогда, когда мы фашистов погоним. — Иван Семенович говорил резко и сухо.— С 16 июля мы сделали полком сотни вылетов. Так? Так. Уничтожили немало и техники, и живой силы. Так? Так. А ты, комиссар, можешь со всей партийной совестью сказать, что большего мы сделать были не в силах? Нет, не можешь. И я не могу. Значит, если бы мы с тобой лучше организовали работу, больше спрашивали с людей, то полк сделал бы еще с десяток полетов. У гитлеровцев не стало бы еще нескольких танков и орудий. Они не убивали бы наших людей, не топтали бы нашу землю.

Барышев уже привык к тому, что командир полка, если дело касалось боевой работы, всегда говорил возбужденно и громко, будто выступал на митинге. Порой у него возникала мысль: «Вот из кого вышел бы отличный комиссар. Умеет зажечь людей своей убежденностью».

— Я к чему веду разговор. Если полк сделает сегодня один дополнительный вылет — это составит 130 бомбометаний и столько же штурмовок.

Оказывается, он давно уже подсчитал, сколько будет сброшено бомб и выпущено снарядов. Выходило, что полк поработает неплохо. Но Полбину и этого казалось мало. Он мучительно размышлял, как увеличить налет на каждый самолет. Сократить время на подготовку к вылету? Но оно и без того сокращено до предела. Оставалось одно: активнее летать не только днем, но и ночью, хотя условий для этого не было. Многие летчики, недавно прибывшие в полк, не прошли ночную подготовку, а полевой аэродром не имел соответствующего освещения.

Возле первой стоянки самолетов к Полбину и Барышеву присоединился начальник штаба полка Фомин. Поздоровавшись с ним, Иван Семенович распорядился:

— Прикажите командиру БАО сегодня же оборудовать ночной старт.

— Это невозможно, — ответил начальник штаба, — в батальоне нет ни посадочных огней для «Т», ни «летучих мышей» для ограничения взлетной полосы.

— Это, Василий Николаевич, отговорки, а на войне нужно заниматься делом. Короче говоря, чтоб к исходу дня старт был! Пусть используют для «Т» лампочки и са-

молетные аккумуляторы. Пусть зажигают на границах поля плошки. Входные ворота выложить кострами. Все!

Иван Семенович был краток. Он не любил, когда люди не спешат проявить инициативу. И к тому же через считанные минуты ему предстояло снова вести бомбардировщиков на передовые позиции врага.

В эту же ночь после четырех дневных вылетов Полбин в паре с летчиком Ушаковым сделал еще три боевых вылета. Оказалось, что и в темноте, зная расположение войск противника, нетрудно находить цели. Иван Семенович был доволен. Он приказал всем летчикам использовать ночной старт для восстановления навыков в технике пилотирования. И если раньше в ночные часы людям удавалось отдохнуть, то теперь спать приходилось и летчикам, и штурманам, и техникам урывками.

А задачи следовали одна другой сложнее. Порой они казались даже невыполнимыми. Ни в учебниках по боевому применению бомбардировщика не было упоминания о них, ни на учениях они не отрабатывались. Приходилось на ходу делать теоретические расчеты и тут же, в бою, проверять их.

Как-то Полбина пригласил к себе начальник штаба соединения. Вид у него был озабоченный.

— Тут, Иван Семенович, такое дело. Есть у немцев в районе поселка Холм, — он обвел карандашом на карте солидный участок местности, — широковещательная радиостанция. Сам я не слышал ее. Но говорят, до крайности бессовестная. Уже объявила о захвате и Москвы, и Ленинграда. В общем, вояки в духе Геббельса. Все передачи идут на русском языке, пытаются разложить местное население, посеять страх, подорвать веру в победу.

Полбину уже было ясно, к чему клонит начальник штаба, и он смотрел на синий квадратик с точки зрения летчика, оценивая характер местности и условия подхода к цели.

— Надо, Иван Семенович, — продолжал начальник штаба, — накрыть вражескую радиостанцию, заткнуть ей глотку. Подумай, как это лучше сделать.

Командир полка, возвращаясь к себе на аэродром, мысленно перебирал экипажи, которым можно поручить такое необычное дело. В данном случае и летчику, и штурману нужны хорошие навыки разведчиков. Радиостанция, безусловно, хорошо замаскирована и расположена не на открытом месте. Нелегко будет точно опреде-

лить ее местонахождение, а еще труднее поразить бомбами.

Не заходя в свой штаб, Иван Семенович приказал шоферу ехать на стоянку первой эскадрильи. Остановился возле самолета лейтенанта Жолудева, выслушал его доклад, поинтересовался, как настроен экипаж, а потом развернул перед Жолудевым карту и начал во всех подробностях рассказывать, что за радиостанция появилась у врага, как она должна выглядеть с воздуха, какие имеет демаскирующие признаки, где могут быть расположены зенитки, откуда лучше всего сделать заход для бомбометания.

— Когда вылет? — спросил лейтенант.

— Сейчас, — сказал Полбин и добавил: — По готовности.

Целый день СБ челночными курсами прочесывал местность, где была запеленгована вражеская радиостанция. К вечеру ее все же удалось обнаружить. Выдали тонкие многометровые пики антенн, укрепленные на расчалках. Тщательно выдерживая направление на этот ориентир, Жолудев создал штурману все необходимые условия для прицельного бомбометания.

Выслушав доклад командира экипажа о выполнении задания, Полбин сказал:

— Оценка ваша будет зависеть от пустобрехов Геббельса. Если они замолчат, значит, вы поработали неплохо.

Ни в этот, ни на следующий день гитлеровская радиостанция в эфир не вышла. А в полк пришла короткая радиограмма от командующего армией: «Командиру 150 сбап. Специальное задание выполнено успешно. Экипаж представьте к правительственным наградам. Ершаков».

...Противник, прорвав нашу оборону, ввел в прорыв танки, стремясь нанести удар с тыла. Над стрелковыми частями, сражающимися в районе Торопца, нависла угроза окружения. Эскадрилье бомбардировщиков было приказано бомбовым и штурмовым ударом остановить вражескую танковую колонну, которая продвигалась от Куньи на Торопец.

Полбин, решивший возглавить эскадрилью, собрал летчиков, штурманов и стрелков-радистов:

— Бомбы бросаем с высоты 800 метров, — напомнил он, — каждый экипаж прицеливается самостоятельно.

Сбросив бомбы, становимся в круг и с высоты 30—50 метров наносим штурмовой удар.

Каждое слово было продумано, каждая мелочь учтена. Полбин считал, что по танковой колонне лучше всего работать индивидуально. Только прямым попаданием бомбы можно уничтожить танк, осколки, как правило, ему не приносят вреда. Кроме того, учитывая важность задания, командир не мог поставить его выполнение в зависимость от одного человека. Даже самый опытный штурман способен допустить ошибку. При групповом бомбометании она станет ошибкой всей группы, и колонна останется невредимой. При индивидуальном прицеливании такого произойти не могло...

И вот эскадрилья поднялась в воздух. Справа от Полбина покачивался бомбардировщик Виктора Ушакова, слева мастерски выдерживал место в строю Леонид Жолудев. Внизу проплывали деревни, поля и реки. Сразу же за Андриаполем впереди по курсу стали видны частые вспышки разрывов и низко проплывающие дымы. Там шел бой, там и надо было искать вражеские танки. Вскоре Полбин увидел их. Они ползли не одной, а двумя колоннами, напоминая сороконожек.

Резко качнув крылом, командир подал сигнал ведомым перестроиться в правый пеленг. Самолет Жолудева со снижением перешел на другую сторону. Теперь надо было точнее выдержать высоту и курс. Секунды тянулись медленно, а огненные трассы с земли подбирались все ближе. Как всегда, казалось, что штурман слишком затянул сброс. Но вот наступило облегчение: бомбы пошли вниз.

Переведя машину в разворот, Полбин окинул взглядом шоссейную дорогу. Колонна встала, некоторые танки развернулись, застряли в кюветах, несколько штук горело, напоминая разведенные костры. От танков во все стороны разбегались люди в черных комбинезонах. Теперь надо было пройтись по ним из пулеметов. Обычно повторные заходы оказывались эффективными.

Снизившись, ведущий повел эскадрилью на штурмовку. Пулеметные установки обрушили на гитлеровцев свинцовый ливень. Азарт охватил Полбина, и он сделал еще, потом еще один заход. Но противник уже начал приходить в себя. Зенитные трассы все гуще перекрещивали небо, в воздухе появились истребители с крестами на крыльях.

Надо было возвращаться домой. В группе появились потери. Прямо над танковой колонной вспыхнула машина Сергея Щербакова. Оценив обстановку, Полбин понял, что шансов на спасение у экипажа нет. Высота была минимальная, а самолет уже пылал ярким факелом, приближаясь к земле.

Никогда и нигде Полбин не чувствовал себя таким бессильным, как в те минуты, когда видел в воздухе горящий самолет своего подчиненного. Будь он пехотным командиром, то, наверное, нашел бы и бросил в бой последний резерв, взял бы, наконец, сам автомат в руки и пошел в атаку, чтобы выручить тех, кому грозит смертельная опасность. В небе же действуют свои законы. Совсем рядом горит машина друга, вот-вот она врежется в землю или взорвется в воздухе, но нельзя ни спасти товарищей, ни облегчить их положение. И это бессилие, эта обреченность еще больше усиливали трагичность положения.

Несмотря на то что задачу группа выполнила успешно, настроение было у всех подавленным. Кроме экипажа Щербакова на аэродром не вернулись самолеты, которые пилотировали Степан Браушкин и Григорий Гаврик. Виктор Ушаков получил ранение и нуждался в длительном лечении...

В штабе на столе у Полбина среди других документов лежала телеграмма, в которой сообщалось о том, что лейтенанту С. В. Щербакову присвоено очередное воинское звание «старший лейтенант». Иван Семенович рассеянно вертел в руках эту бумагу, казавшуюся ему неуместной в такую минуту.

Правда, на другой день в полк возвратился Браушкин, а за ним появился и Гаврик. Им удалось чудом спастись. От сердца у командира немного отлегло. К тому же в часть прибыло пополнение. Ребята, конечно, молодые, необстрелянные, но опыт — дело наживное. Появились на аэродроме и новые СБ. Полбин повеселел. Надо было снова засучивать рукава, как можно быстрее вводить новые экипажи в строй, становиться на какое-то время инструктором, изучать с новичками теорию, давать им провозные.

Но война не делала скидок на недоученность, не учитывала потери. Она заставляла Полбина изо дня в день поднимать в воздух экипажи бомбардировщиков. Сам он оставался на земле только в самых редких случаях, де-

лая порой по четыре боевых вылета, не считая инструкторских. Этого требовала фронтовая обстановка.

У наземных войск, защищающих Москву, складывалась нелегкая ситуация. Враг наступал. На помощь ему прибывали резервы. Командующий, зная положение, сложившееся в полку, чаще всего не приказывал, а просил выделить хотя бы пару экипажей для нанесения удара по железнодорожной станции. Так было и на этот раз. Налет на железнодорожный узел, где фашисты выгружали технику, по словам командующего, нужен был как воздух. Полбин, собрав экипажи, рассказал о положении на фронте и только после этого спросил:

— Кто готов выполнить боевую задачу?

Встали даже те из молодых, кто еще не вошел в строй. Командир полка обвел всех потеплевшим взглядом:

— Спасибо. Это хорошо, что все вы готовы на риск, готовы выполнить приказ. Но я рисковать вами не имею права. Полетят те, кто прошел программу подготовки. Группу поведу я. Готовность к вылету — 8 часов утра.

...В конце сентября из ночного полета не вернулся экипаж старшего лейтенанта Леонида Жолудева. Возвращаясь с задания, они решили уничтожить светомаяк, поставленный фашистами для ориентировки своих бомбардировщиков. Атака была успешной, но на выводе из нее в самолет попал зенитный снаряд, он загорелся и упал на территории, занятой противником.

На траурном митинге Полбин сказал:

— Старший лейтенант Жолудев и его боевые друзья были настоящими героями. Память о них навсегда сохранится в наших сердцах. Поднимаясь в небо, мы будем мстить за них. Мстить каждым своим полетом, каждой брошенной бомбой.

В истории полка под фотографиями Жолудева, Аргунова и Копейкина, обведенными черной рамкой, была написана дата их гибели.

Пикировщики

Холодная и вьюжная зима 1942 года оказалась для Полбина радостной. За боевые успехи он был награжден двумя орденами Красного Знамени, а вскоре получил воинское звание «подполковник». Хорошо шли дела и в

полку. Молодые летчики освоили программу боевой подготовки и наравне с ветеранами ходили на задания. Командование, а особенно наземные части, в интересах которых действовали бомбардировщики, часто присылали благодарственные телеграммы. Число орденоносцев значительно выросло. На груди у Ивана Сомова, как и у Полбина, рядом с орденом Ленина поблескивали два ордена Красного Знамени. Виктор Ушаков и Григорий Гаврик были удостоены орденов Ленина. Получили высокие награды многие штурманы и стрелки-радисты.

Но главное, что радовало Полбина, — к этому времени произошел крупный перелом в ходе войны. Враг не только был остановлен у стен Москвы, но постепенно стал откатываться назад. С каждым днем в газетах все больше сообщалось об успехах Красной Армии, мелькали названия освобожденных городов и сел.

В феврале 1942 года полк получил приказ сдать самолеты СБ и по железной дороге перебазироваться на аэродром Кержач. Там техническому составу предстояло получить новые самолеты Пе-2, а летным экипажам в сжатые по-фронтовому сроки закончить переучивание и подготовиться к боевым действиям в качестве пикировщиков.

Полбин ликовал. Сбывалось то, о чем он мечтал. Каждый, кому в эти дни пришлось беседовать с ним, мог услышать от командира целый гимн пикировщику.

— Это настоящий кентавр, — говорил он, — в одном лице и истребитель, и бомбардировщик. Скорость у него больше, чем у Ю-88 и чуть меньше, чем у Ме-109. Он может нести 1200 килограммов бомб. Он позволяет на равных вести бой с истребителями, потому что летчик имеет два пулемета, а у штурмана и радиста пулеметы крупного калибра. Этот самолет способен выдерживать десятикратные перегрузки, для устойчивого пикирования он имеет и электромеханические автоматы, и тормозные решетки...

Многие, заражаясь влюбленностью командира в новый самолет, стали вдруг ругать свои СБ, в отношениях к «старичку» появилась пренебрежительная снисходительность. В разговорах можно было услышать реплики: «На эсбэушке воду возить... Разве на таком тихоходе уйдешь от истребителя...» Даже механики, ранее гордившиеся этой машиной, теперь искали в ней всякие изъяны и громко обсуждали их.

Почувствовав эти настроения, Полбин распорядился прямо на аэродроме, где стояли «полураздетые», подготовленные к сдаче СБ, собрать полк.

— На этих машинах, — взволнованно говорил он, выступая на необычном митинге, посвященном прощанию с самолетом, — на этих СБ мы громили самураев на реке Халхин-Гол. На этих машинах за полгода войны с фашистами мы произвели почти 3 тысячи боевых вылетов, из них 829 — ночью. Мы уничтожили 76 вражеских самолетов в воздухе и на аэродромах, 365 танков, более тысячи автомашин и 26 складов с горючим.

Иван Семенович повернулся лицом к стоянке, где в молчаливой торжественности замерли серебристые бомбардировщики, снял шапку:

— Спасибо тебе, наш дорогой СБ, ты верно служил нам все эти трудные месяцы. Спасибо тебе, наш друг и товарищ...

В Кержаче с первых дней начались неувязки. Самолетов не было, потом из Казани прямо с завода пришли три Пе-2. Учебного пикировщика, без которого переучивание нельзя было начинать, добиться не удалось. Трудно приходилось с литературой и учебными пособиями. Подробный и максимально уплотненный график освоения нового самолета оказался под угрозой срыва. Полбин ездил в Москву, обивал пороги в штабах, но там на первом месте были вопросы боевых действий, а переучивание особой тревоги ни у кого не вызывало.

— Готовьте аэродром, — сказал однажды Полбин начальнику штаба, — начнем полеты.

— На чем? — удивился Фомин. — У нас нет ни одного УПе-2, ни одного инструктора.

— Буду давать провозные сам, со штурманского сиденья, — решил командир.

Фомин удивленно и растерянно смотрел на Полбина, он даже в мыслях не представлял, что командир пойдет на такой рискованный шаг.

— Не нажить бы беды, Иван Семенович, — возразил он, — есть порядок, зачем его нарушать.

— Порядка я, Василий Николаевич, не вижу. Это, по-моему, безобразие, когда целый полк вынужден в такое время прохлаждаться.

Фомин спорить не стал. Если Полбин что-то решил, он никогда не колебался, не отступал. Особенно в тех случаях, когда речь шла о боевой готовности.

— И потом, — уже спокойнее пояснил командир, — опыт у меня есть. Вылетел без всяких провозных на Пе-2. А чем хуже меня Ушаков или Гаврик? И у Лущаева опыт не меньше.

С капитаном Лущаевым Полбин не виделся с тех самых пор, когда они расстались на приволжском аэродроме. Но однажды, решая в штабе соединения вопрос о поставке в полк новых самолетов и о пополнении людьми, Иван Семенович неожиданно столкнулся с ним в коридоре:

— Федор! Откуда? Какими судьбами?

Когда прошли минуты взволнованного обмена новостями, Лущаев напомнил:

— Я не забыл, как вы обещали при первой возможности взять к себе в полк.

— А пойдешь? — недоверчиво и в то же время обрадованно спросил Полбин. — Ты ведь на хорошем счету, лучший командир эскадрильи. Наверное, в командиры полка метишь?

— К вам, Иван Семенович, пойду рядовым летчиком, — заверил Федор.

Воспользовавшись тем, что в полку был большой некомплект экипажей, Иван Семенович добился, чтобы и Лущаев, и Белышев, и другие ветераны 150-го полка вернулись в свою часть и вместе с другими начали осваивать Пе-2.

А вскоре произошло событие, похожее на чудо. Ранним утром в комнате, где жил Полбин, раздался телефонный звонок. Говорил начальник строевого отдела полка старший лейтенант Трусов:

— Товарищ подполковник, — голос его звучал взволнованно, — прибыл старший лейтенант Жолудев со своим экипажем.

— Какой Жолудев?

— Наш, Жолудев Леонид Васильевич.

— Ты, Алексей Иванович, не приложился с утра к НЗ? Жолудев погиб в прошлом году.

— Жив, товарищ командир, вот стоит передо мной.

Полбин торопливо набросил на себя одежду и, не веря услышанному, направился в штаб. Перед ним в шапке-ушанке с красным верхом, в фуфайке, из-под которой выглядывал воротник гимнастерки с голубыми петлицами, стоял Леонид Жолудев. Рядом в такой же экзотической форме стояли Аргунов и Копейкин.

Все они остались живы в том злополучном полете, сели на вынужденную, долго скитались по территории, занятой противником, затем влились в партизанский отряд и вместе с народными мстителями громили гитлеровцев. Перейдя линию фронта, они явились в свой полк.

— Вы прибыли вовремя, — сказал Иван Семенович Жолудеву, когда немного улеглось волнение встречи, — у нас полным ходом идет переучивание, придется вам догонять других.

На самолете Пе-2 штурман размещается в одной кабине с летчиком, чуть сзади него. Этим и воспользовался Полбин, начиная переучивание. В первых вывозных полетах он сажал обучаемого летчика на штурманское сиденье, чтобы тот мог прочувствовать поведение самолета на взлете, на планировании и посадке, а также получить пусть отдаленное, но вполне реальное представление о действии рулями на выравнивании, во время приземления и пробега. Сделав в зависимости от общей подготовки летчика несколько таких полетов, Полбин сам пересаживался на сиденье штурмана, полностью передавая управление обучаемому.

Риск, разумеется, был, и немалый. На учебном самолете при спаренном управлении инструктор имеет возможность в случае грубой ошибки исправить ее и не допустить аварии. Полбину приходилось надеяться только на опыт летчиков и свою интуицию. Ни на минуту не забывал он и о том, что, если вдруг на посадке или на взлете самолет будет поврежден, на него ляжет двойная вина. И за то, что начал обучать подчиненных без разрешения старших начальников, и за нарушение всех документов, определяющих порядок переучивания летчиков.

Вскоре в полку многие летчики вылетели самостоятельно на Пе-2, кое-кто начал осваивать боевое применение. Учебных машин по-прежнему не было, зато боевыми удалось укомплектовать почти все эскадрильи.

Полбин придирчиво осматривал каждый новый самолет, заставляя представителей завода работать с полной нагрузкой, исправлять малейшие недоделки, требуя, чтобы каждая машина была укомплектована всеми необходимыми агрегатами и приборами.

Как-то он обратил внимание, что у только что прибывших Пе-2 не было тормозных решеток.

— В сборочном цехе решеток не оказалось, — сбивчиво пояснил представитель завода, — поэтому решили от-

править без них. Да они вам пока и не нужны, — добавил он.

— Почему не нужны?

— Вы же только переучиваетесь, по кругу летаете. И потом у нас существует мнение, что эти решетки только снижают скорость.

— У кого это «у нас»? — Иван Семенович нахмурил брови. — Мне жаль, что вы, заводской инженер, не имеете элементарных представлений о боевом применении своего самолета. В таком случае послушайте. При бомбометании с пикирования полет бомбы в начальной части ее траектории совпадает с траекторией полета самолета, а значит, является управляемым. Это позволяет пикировщику добиваться меткости, совершенно недоступной при атаках с горизонтального полета.

Инженер слушал командира с неподдельной заинтересованностью. Наверное, так просто и доступно ему никто еще не объяснял сути пикирующего удара.

— И еще скажу вам, — продолжал Полбин, — война носит маневренный характер, танки и бронемашины, как правило, действуют в рассредоточенных боевых порядках. На нашем языке говорится, что цели имеют точечный характер. Уничтожить их можно только при прямом попадании. А для этого опять же надо бросать бомбы с пикирования.

— Ясно, — согласился инженер. — Но при чем тут решетки?

— А решетки, молодой человек, нужны как воздух. При пикировании с углом 60—80 градусов самолет может быстро и легко развить скорость более 800 километров в час. Иными словами, он может выйти за пределы скоростей, безопасных для прочности машины. Кроме того, большая скорость сокращает время, необходимое летчику для прицеливания. Вот почему пикировщик должен располагать надежными и эффективными тормозными приспособлениями. А у вас там почему-то решили, что решетки не нужны. Вопреки конструктору Петлякову, который думает совсем иначе. Понятно я объяснил ваши заблуждения?

— Понятно, товарищ командир. Но пока вы учитесь...

— Мы учимся уничтожать врага, — Полбин говорил сердито и жестко, — учимся бомбить, в том числе и с пикирования. И я не хочу, чтобы из-за чьей-то преступной халатности у меня хоть один летчик оказался

неготовым к бою в полном объеме. Завтра же садитесь на мой По-2 и летите на завод.

...Допустив всех летчиков к самостоятельным полетам днем, Полбин таким же способом, со штурманского сиденья, стал провозить их ночью. Полеты проводились в две смены. Одни экипажи осваивали взлет и посадку, другие бомбили, третьи работали в составе звена.

А зима преподносила свои сюрпризы. Случалось, за ночь аэродром весь заносило сугробами. Тогда всем полком выходили на штурм, вооружившись лопатами. И вскоре бомбардировщики по глубоким снежным коридорам уже выруливали на старт. «Мастерству предела нет!» — говорил Полбин и решил осваивать с летчиками бомбометание с пикирования.

Вечерами можно было увидеть, как Полбин при свете коптилки производит нужные расчеты, делает чертежи и записи. Через неделю он передал свою тетрадь начальнику штаба:

— Надо, Василий Николаевич, все, что здесь написано, перепечатать. Это методика отработки боевого применения на Пе-2 ночью.

Весной наконец после долгого ожидания, после настойчивых телефонных звонков и слезных телеграмм полку было выделено три учебных и еще несколько боевых «пешек».

Новые УПе-2 помогли форсировать обучение экипажей. Вскоре большинство летчиков было подготовлено к полетам во всех условиях днем и ночью. Но распоряжения об отправке на фронт не было. Полбин поехал в Москву. В управлении боевой подготовки ВВС его слушали недоверчиво:

— Понимаем, что люди рвутся на фронт, но без подготовки направить не можем.

— Почему без подготовки? У меня все летчики летают и бомбят днем и ночью.

— Это что же, по щучьему велению? Учебные самолеты только получили, методики еще нет, а они уже летают и бомбят?

Иван Семенович объяснил, как давал провозные со штурманского сиденья, доложил, сколько сделано полетов в разных условиях, какие выполнены упражнения.

На него по-прежнему смотрели как на фантазера:

— Да вы в своем уме, товарищ Полбин? Машина новая. Учебных самолетов нет. Инструкторов тоже нет.

Аэродром неприспособлен для полетов ночью. А вы нас уверяете, что чуть ли не всю программу переучивания закончили.

— Всю, — уточнил он.

— Тогда ждите комиссию. Приедем посмотрим, чего вы достигли, а потом примем решение.

Не помогло и обращение к генерал-полковнику авиации А. Никитину, которому непосредственно подчинялся полк.

— Готовьтесь и ждите, без проверки мы не можем направить полк на фронт, — говорил он и тоже недоверчиво хмурил брови, — во всех ВВС лишь отдельные экипажи летают ночью на Пе-2. А у вас, если верить вам, весь полк. И пикировщиками что-то быстро вы стали...

Шли недели, обещанной комиссии не было, а обстановка на фронте обострилась. Тяжелые бои шли в Донбассе и Крыму, под Воронежем и Харьковом. Танковые полчища гитлеровцев рвались к Волге.

В конце июня в полку состоялся митинг. Обрисовав обстановку на фронте, Полбин сказал:

— Есть предложение послать товарищу Сталину письмо с просьбой направить наш 150-й полк на защиту города, который носит его имя.

Текст письма был единогласно принят и направлен в Москву, а через несколько дней Полбин получил телеграмму, в которой 150-му полку было приказано в полном составе перебазироваться на аэродром Гумрак, расположенный под Сталинградом.

Письма 1942 года

По штемпелям на конвертах нельзя определить, откуда посылались письма. Обратный адрес один: полевая почта. И только история полка помогает восстановить, где Иван Полбин опускал свои небольшие треугольники. Сначала они шли в Читу из-под Москвы, потом из-под Сталинграда, из Гумрака, а после — опять из Москвы.

20 января. «Манек, передай ребятам — Вите и Людочке, что я их просьбу выполняю! Фашистов бил и буду бить без пощады!

Скажи там, что Фомину присвоено звание «майор» и он награжден орденом Красной Звезды. Я теперь подполковник! Можешь поздравить! Рад за малую дочь! К

моему приезду она уже будет бегать в ясли?! От меня благодари маму за помощь тебе в уходе и воспитании ребят. Кончаю. Привет всем вам.

Целую тебя и ребят. Ваш Ваня».

23 февраля. «Состояние моего здоровья без перемен — хорошее! Боевое самочувствие прекрасное. Доволен своей работой и работой своих подчиненных. Правительство отметило наиболее достойных товарищей орденами и медалями, а таких у меня сейчас много. Буквально из простых, рядовых людей в будничной боевой работе рождались и рождаются Герои!!!

Сегодня встречаем 24-ю годовщину Красной Армии в суровых условиях Отечественной войны. Все, как один, живем одной мыслью и непоколебимой верой в скором и окончательном разгроме обнаглевшего и зарвавшегося врага.

В этом письме, дорогие мои, шлю вам свою фотовнешность. По ней вы, пожалуй, можете заметить только некоторую разницу с предыдущими видами! Но этот срок войны обогатил и внутреннее содержание богатым опытом боев, что вы не сможете увидеть на фотографии.

От вас, дорогие мои, я очень редко получаю письма! Мне, Манек, хочется иметь общее фото: тебя с ребятами. Ведь это не так уж трудно сделать. Думаю, что ты, мой друг, меня поймешь и в одном из первых писем пришлешь?!».

2 марта. «Манек! Пользуясь случаем, что один из моих подчиненных командиров едет в Читу, пишу эту записку (письмо) и шлю с ним. В этом письме я тебе напишу более подробно о моей жизни и работе.

Я вот уже 8 месяцев нахожусь в действующей армии. За все это время мои служебные дела по разгрому немецких оккупантов идут хорошо! Нет таких случаев, когда бы на меня или моих подчиненных показывали пальцем как на отрицательный пример...

Сейчас у меня награжденных за Отечественную войну 148 человек. Из них несколько товарищей по два и три раза! Несколько человек представил к званию Героя Советского Союза, жду Указа! Полк представлен к Гвардейскому — тоже жду.

В одном из последних писем я тебе писал, чтобы ты мне сшила гимнастерку. Дело вот в чем. Когда я уезжал из дома, ведь я имел запас, начиная от обмундирования и кончая воротничками, примерно на полтора года. Но со

мной случилось несчастье. Все мои вещи в чемоданах, узлах (проще говоря, у меня осталось то, что было на мне) сгорели вместе с моим самолетом...

Сейчас иногда получаю свободную минуту. Вот сейчас уже 23.50, но мне подвернулась «Анна Каренина» под руку, и я ее снова с большим желанием читаю! Манек, если у тебя имеется запас конвертов, пришли. Неплохо, если пришлешь 3—4 пары носочков».

8 апреля. «Приветствую наше дорогое и замечательное семейство, крепко, крепко их каждого целую! Ведь они теперь, вероятно, так выросли, так изменились, что трудно мне, находясь вдали, представить их де-факто! А особенно наша самая младшая дочь — Галочка! Надо полагать, что она мою внешность не запомнила и имеет смутное представление о своем батьке-вояке!

Манек, срок нашей разлуки, конечно, уже большой, я вполне понимаю твое и детей желание скоро встретиться. Сам я, дорогая моя, это желание имею в размерах, трудно измеряемых. Но я — командир полка! И возможностей, которыми подчас располагают мои подчиненные — поехать к семье, не имею... Ведь я как отец в семействе — при возможности даю право кому-то поехать, побыть дома. Делаю я это настолько, насколько не отражается на общем боевом деле. Но ведь в полку я один, и заменить себя кем-то равным — нелегкое дело, а очень часто и невозможное. Вот сейчас!!! Осваиваем новую машину! Кто, как не я, должен начать это? Вылететь днем первым, выпустить подчиненных! Вылететь сам ночью и выпустить подчиненных! Всю эту работу я делаю на сегодня без сучка и без задоринки! И этим я горжусь! К 1 мая доложу, что я снова в боевой форме, посылайте на любой, на самый ответственный фронт Отечественной войны!

Здоровье, Манек, хорошее! Чувствую себя прекрасно. И очень прошу за меня не волноваться. Береги свое здоровье. Помни, что оно очень нужно впереди! Ведь таких ребят, как у нас, воспитать, растить — можно гордиться! А это тоже потребует здоровья и сил.

Маня, шлю это письмо с т. Тарасенко. Он мной направляется с денежными аттестатами семьям моей части, проживающим в нашем городе».

24 ноября. «Москва. Шлю всем вам, дорогие мои, приветствие и мои наилучшие пожелания. Я жив и здоров. Чувствую себя прекрасно. Сегодня в центральной прес-

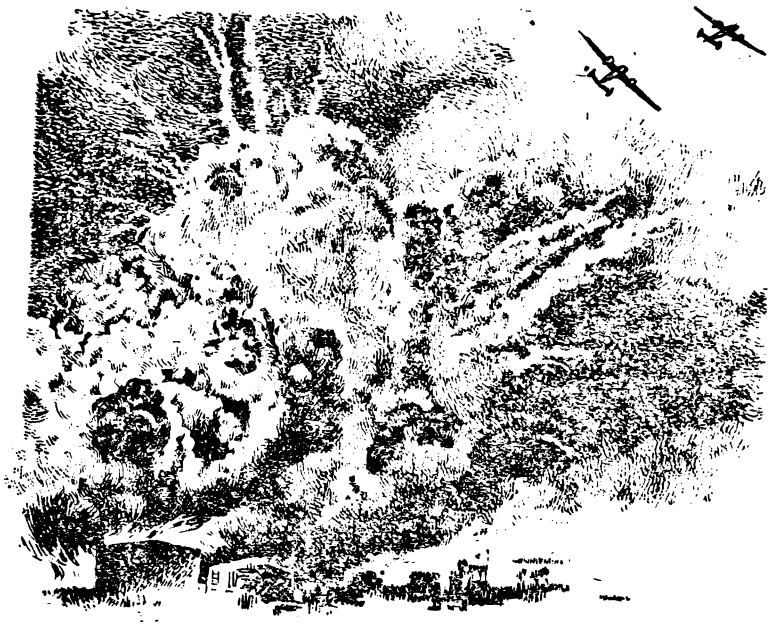
се объявлен Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении целого ряда товарищей правительственными наградами. В списке с товарищами нахожусь и я. Мне присвоено звание Героя Советского Союза. Высокое и почетное звание в нашей замечательной стране.

Получая это звание, я ощущаю неизмеримую гордость за свою Родину, за свой народ, за мою мудрую партию Ленина — Сталина. Я, как и другие истинные патриоты нашей Родины моего поколения, всем замечательным и прекрасным в моем воспитании обязан матери-Родине...

Я вполне понимаю, дорогие мои, что эта высокая награда обязывает к еще большему в интересах работы! И все, что от меня требуется, я всегда готов, всегда отмобилизован!

Дорогая Маня! Придет время — встретимся, встретимся с победой и общей народной радостью. Я знаю, тебе с ребятами тяжело. А кому, друг мой, в эти годы лишений и боев легко? Надо в меру сил и советского упорства преодолевать трудности, растить и воспитывать детей, готовить их к сознательной жизни. Маня, какие бы тяжелые минуты у меня ни встретились в боевой жизни, я всегда верил в тебя, верил в твое большое материнское сердце и чувство, которым ты всегда согреешь наших прекрасных, цветущих детей. Заботой, уходом, воспитанием ребят ты, Маня, равно делишь нашу ношу в жизни, и это в меня, безусловно, вселяет уверенность и силу. Недалек, милая Маня, тот день, когда мы покончим с гадюкой-врагом и победно встретимся. Этого счастливого дня я жду и участвую в его приближении.

Целуй несчетно за меня Витю, Людочку и Галочку. А они пусть за меня тебя целуют!..»



Глава третья

ДОЛГ ВЕДУЩЕГО

В Гумраке

С каждой минутой полета панорама местности приобретала новый оттенок. Исчезли леса, реже попадались пруды и озера. Зеленые квадраты полей слились в коричнево-серую бесконечную равнину. Меньше стало дорог. Под крылом самолета расстилалась степь, коряво изрезанная сухими оврагами. Будто кто-то в бешенстве стегал кнутом по живому телу, отчего и остались на нем незаживающие рубцы. После Подмосковья сталинградская земля казалась слишком жесткой и неприветливой. «Здесь, если собьют, уже не вернешься на свой аэродром, — подумал Полбин, — ни хаты, ни кустика. Будешь как бабочка на стекле». И неожиданно ему показалось, что оба мотора, перебивая друг друга, старательно выговаривают одно и то же слово: «Гу-у-мрак!

Гу-у-мрак!» Гумрак — конечная точка их полета, тот самый фронтовой аэродром в трех десятках километров от Сталинграда, откуда им предстоит вести боевые действия.

Полбин оглянулся на ведомых. Идут крыло в крыло, чутко реагируют на каждое движение командирского штурвала. Вот он, доворачивая самолет влево, плавно накренил его, и весь «клин» в одно мгновение в одной плоскости выполнил левый разворот. Ему даже показалось, что он ведет не строй пикирующих бомбардировщиков, а одну машину, что правый ведомый — это вовсе не соседний самолет, а продолжение крыла его «пешки». И Виктор Ушаков, идущий справа, словно прочитав мысли Полбина, улыбнулся через остекление фонаря и понимающе кивнул, будто хотел сказать, чтобы командир не волновался: все идет отлично, ребята дело свое знают и «батю» не подведут.

До аэродрома оставалось десять минут полета. Степь, убегающая под крыло самолета, была, как оспой, покрыта воронками от разорвавшихся бомб. То там, то здесь валялись полусгоревшие, покореженные останки самолетов. По всему было видно, что в небе под Сталинградом не раз вспыхивали жестокие воздушные бои. И тут впервые за весь долгий маршрут Полбин подумал о том, что на аэродроме в Гумраке стоит полк истребителей, которым командует Иван Клещев. Эта мысль, пришедшая в самый последний момент, как-то сразу сгладила неприятные впечатления полета. И степь уже не казалась такой неприветливой, и незнакомый Гумрак виделся обжитым поселком с хорошей взлетной полосой, с оборудованными капонирами, и почему-то появилась уверенность, что среди обломков самолетов, валявшихся на подходе к ародрому, нет и не может быть своих, краснозвездных машин.

Клещева Полбин знал еще по Халхин-Голу. Уже там о нем гремела молва как о летчике необычайной смелости. Потом Клещеву пришлось участвовать в войне с белофиннами. И опять говорили о его мужестве и дерзости. В Великую Отечественную он вступил уже зрелым воздушным бойцом. О Клещеве писали газеты, о нем среди летчиков ходили легенды. А вскоре Полбин прочитал сообщение о том, что Ивану Ивановичу Клещеву присвоено звание Героя Советского Союза. И когда ему под большим секретом сказали, что под Сталинградом их полки

будут работать с одного аэродрома, что прикрывать его «пешки» будут клещевцы, он обрадовался почти как школьник, которому на трудном экзамене попался легкий билет.

После посадки в Гумраке Полбин еще на рулении издали отыскал взглядом приземистую фигуру Клещева. Не выбирая дороги, тот шел наперерез полбинскому самолету, туда, где была определена стоянка для командирского Пе-2. Шел широко, стремительно, слегка покачиваясь, и Золотая Звезда на его гимнастерке при каждом шаге резко подскакивала вверх, играя солнечными бликами. «А расчет у него точный, — улыбнулся про себя Полбин, — даже на мою торопливость взял поправку». И действительно, Клещев подошел к самолету как раз в тот момент, когда Полбин, выключив моторы, спрыгнул на землю.

— Здорово, Иван! От имени королей неба приветствую «пешек».

— Здорово, Иван! Принимай под свое королевское покровительство.

Обнявшись, как старые знакомые, они отошли в сторонку. И сразу же куда только девалась игривость, с какой они обменялись приветствиями. Лица сделались серьезными, разговор пошел о делах важных, о предстоящих задачах, об обстановке на фронте.

— Ты, Иван, вот что скажи: как сам оцениваешь положение? — спросил Полбин. — Только честно.

Клещев задумался. Видно, не ожидал такой прямой постановки вопроса, а может, ему надо было подумать, как лучше и конкретнее изложить свою точку зрения. Оттого, наверное, и начал издалека.

— Я, Иван, сибиряк, — заговорил Клещев после небольшой паузы, — с детских лет видел, как валят вековые сосны. Дело это сложное и опасное. Важно заметить момент, когда дерево начинает терять равновесие. И легче всего его определяют по верхушке. Понимаешь, ствол еще стоит — ни тебе треска, ни скрипа. А по кроне уже идет дрожь. И тут уж гляди в оба: в любой миг вся махина рухнет на землю.

— Понятно, — Полбин покачал головой в знак согласия, хотя было неясно, то ли он понял, как лесорубы валят дерево, то ли с первых слов догадался, что Клещев ведет речь вовсе не о лесе, а о фашистах, наступающих под Сталинградом.

— Внизу, на земле, прут, гады, вовсю. Силищи у них много. А верхушка уже качается. — Клещев проводил взглядом взлетевшую пару истребителей. — Вот тебе пример. Мы вдвоем с Володей Луцким против 20 гитлеровцев схватились. Трех завалили. Но дело не в этом. Я их и в сорок первом вгонял в землю. Но тогда они бились зверски. А сейчас не те. И летчики не те, и дух не тот. Идешь на него в лоб и чувствуешь, как его мандраж колотит.

— Дрожит верхушка?

— Дрожит, Ваня. А нам теперь вместе с тобой клинья вбивать надо, чтоб на земле пилу не зажимало, — Клещев улыбнулся, — и чтобы у тебя на груди тоже засверкала Золотая Звезда. Вот так-то, брат Иван.

Клещев ободряюще кивнул, собрался уже уходить, но в последний момент спохватился:

— И вот еще, Иван да Семенович. Порядочки у нас в Гумраке такие. Утром вместо физзарядки всем личным составом прочесываем аэродром, собираем осколки. Коварная штука, попадет под колесо — самолет начисто разувает.

— А осколки-то откуда?

— Тут над нами трасса на Сталинград. Фашисты ночью бомбить летают. А попутно и нам достается. Может, у них с расчетами не все ладно, а может, просто заботятся о нашей физподготовке. Так что с рассветом завтра выводи свою гвардию.

Разгадка тайны

Времени на знакомство с районом полетов, на втягивание в боевую работу не было. Враг наступал. Его танковые колонны черными лезвиями разрезали степь. И с воздуха отчетливее, чем на картах, было видно, что острия этих стальных ножей направлены на Сталинград. Туда же по железной дороге и по пыльным большакам двигались эшелоны с техникой и войсками. Армады вражеских бомбардировщиков, сопровождаемые истребителями, темными тучами заслоняли полнеба, направляясь на восток.

Полбин, осунувшийся, почерневший на ветру, сам не знал в эти дни отдыха и не давал покоя ни своим экипажам, ни летчикам сопровождения.

— Ты когда угомонишься, Иван? — спрашивал его

Клещев. — Людей пожалей. Мои хоть ночью спят, а твои как заводные.

— Не скромничай, Ваня, — в тон Клещеву улыбался Полбин, — у тебя каждый второй Звезду Героя носит. А нам до твоей славы еще пиликать да пиликать.

Условия боевой работы в Гумраке были по душе Полбину. Тут же, под боком, на одном аэродроме, истребители. К полетам готовились вместе, сообща согласовывали время и порядок сопровождения. Взлетали одновременно, звеньями, не приходилось тратить драгоценные минуты на встречу в воздухе и на сбор.

И вдруг в ритме полетов произошел досадный сбой. Не стало бомб.

— У меня все есть. Летчики. Самолеты. Аэродром. Но у меня нет главного. Ты понимаешь, нет главного! Бомб нет. Это преступление. Какие нормы? Война идет. Немцы прут. А ты про нормы! — кричал Полбин в телефонную трубку, когда кто-то положил ему на плечо руку. Оглянулся — Клещев. Придержал себя. — В общем, даю два дня. Если бомб не будет, пеняй на себя.

— Ты зря кипятишься, Иван, — сказал Клещев. — Это, конечно, безобразие. Если бы у меня не стало снарядов, и я, может, завелся бы. Но ведь и у тыловиков есть предел. Войди в их положение. Ты ведь и день и ночь сыплешь бомбы, по шесть вылетов в сутки. На один твой полк надо три батальона обеспечения, и то не справятся.

— А что мне делать? Сидеть сложа руки?

— Вот это уже деловой разговор, — спокойно сказал Клещев, садясь на самодельную скамейку, сбитую из бомботары. — Пока тыловики будут хлопотать насчет бомб, нам надо подумать, как расковырять этот проклятый топливный склад. Говорят, он где-то под Морозовском. Но где? Ведь это сотни тысяч литров. Целое море.

— У меня этот склад в печенках сидит. — Полбин подошел к карте, разложенной на столе. — Вторую неделю все мои экипажи получают дополнительное задание — искать его. И никакого толку. Хоть бы какие-нибудь признаки. Сам дважды утюжил воздух вокруг Морозовска. Все шито-крыто.

— Но ведь заправляют они чем-то столько танков, самолетов, машин.

— Вот именно — чем-то... Где-то... Откуда-то...

— Значит, надо искать. И не попутно с бомбометанием, а специально. Пока бомб нет.

После этого разговора Полбин поставил задачу летчикам: найти склад. Но шли дни, бомбардировщики прочесывали местность вдоль и поперек, а отыскать, где хранится горючее, никому не удавалось. Много раз и сам Полбин утюжил воздух, до боли в глазах всматриваясь в однообразную панораму местности. Порой находилась какая-нибудь зацепка: то дорожный тупик, то тщательно охраняемый объект. Сердце начинало учащенно биться: вот она, долгожданная находка. А при более тщательной проверке оказывалось, что тупичок, где раньше брали для стройки глину, давно заброшен, а объект особой ценности не представляет. Поиски продолжались.

И вот однажды в штабную палатку вбегает возбужденный старший лейтенант Леонид Жолудев, только что вернувшийся из полета на свободную охоту. Вместо обычного в таких случаях доклада он почти кричит:

— Нашел! Товарищ подполковник, нашел!

— Неужели склад? — Полбин вскочил.

— Так точно. Склад. — Жолудев развернул полетную карту, заметно потрепанную на сгибах. — Вот Аргунов нанес точное расположение.

— Ты давай по порядку, — попросил Полбин. — Что увидел? Как? Где?

— Вот здесь, на окраине Морозовска, — Жолудев указал точку на карте, — я обратил внимание на четырехосный вагон, стоящий в тупичке. Решил ударить по нему. По всему было видно, что вагон не простой, слишком много охраны. Захожу на цель — вижу, неподалеку стоят на земле три вражеских истребителя. Это, думаю, что-то новое. Аэродрома вроде бы здесь не значится. Даю команду Аргунову подготовиться к бомбометанию по самолетам. Вношу поправки в курс, а сам смотрю на землю. Так и есть — аэродром, но не рабочий, а запасной. А около самолетов бензозаправщики. Выходит, аэродром скорее всего не просто запасной, а заправочный. Когда меня эта мысль осенила, я начал искать, где же хранятся цистерны. И вдруг на выводе из пикирования, с малой высоты, вижу какие-то огромные диски в земле. А это, оказывается, бока цистерн, которые врыты на краю оврага и замаскированы.

— Так, так, так. — Полбин постучал карандашом по карте. — Теперь все становится на свои места. Видимо,

ночами они по железной дороге сюда, под Морозовск, доставляют топливо, перекачивают его в цистерны, причем не развозят его по аэродромам, а самолеты сами прилетают на заправку. Хитро, а?

— Вокруг склада расположено несколько зенитных установок, продолжал Жолудев, — все они установлены основательно, хорошо окопаны, но огонь по нас почти не вели.

— Все правильно, — подтвердил Полбин. — Для них одиночный разведчик не так уж страшен, а интенсивным огнем они боялись насторожить вас. На пустом месте батареи не расставляют.

— Одно меня смущает, товарищ подполковник. Уж очень далеко от линии фронта.

— Для бомбардировщиков — самый раз. Для истребителей действительно далековато. Вот почему они каждый раз раньше времени выходили из боя. Горючка у них была на исходе. Но теперь надо не об этом думать. Теперь надо думать, как уничтожить склад.

Со второго захода

В штабе было людно. Командир соединения встретил Полбина приветливо.

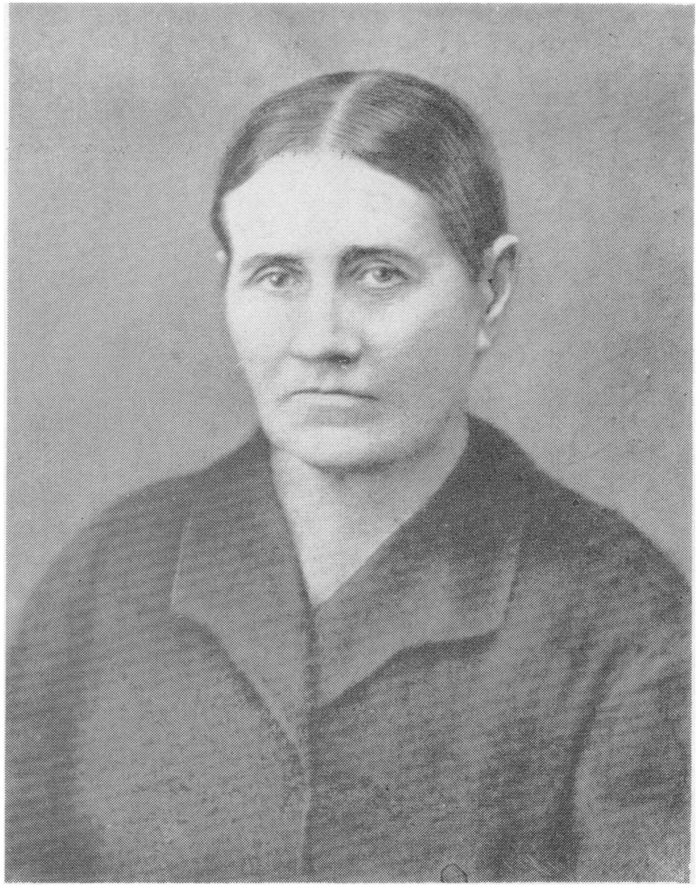
— Значит, наконец разгадали тайну? Нашли злополучный склад?

— Так точно, товарищ полковник. Старший лейтенант Жолудев обнаружил.

— Хорошо, — полковник оживился, — значит, есть над чем поработать. Только, пожалуй, двух полков маловато. Попросим еще один и нанесем массированный удар.

Начальник штаба доложил, какие аэродромы противника действуют в районе, где расположен склад, сколько на них базируется истребителей, когда и где они могут атаковать бомбардировщиков. Клещев, выступивший следом за начальником штаба, назвал количество летчиков, которые могут сопровождать бомбардировщиков, сделал расчет, сколько истребителей противника полк может связать боем. Картина получилась не такая уж рискованная. Все зависело от точности бомбометания.

— Разрешите, товарищ полковник, — Полбин оправил гимнастерку, — у меня есть другие соображения. Дело в



Полбина Ксения Максимовна — мать И .С. Полбина.

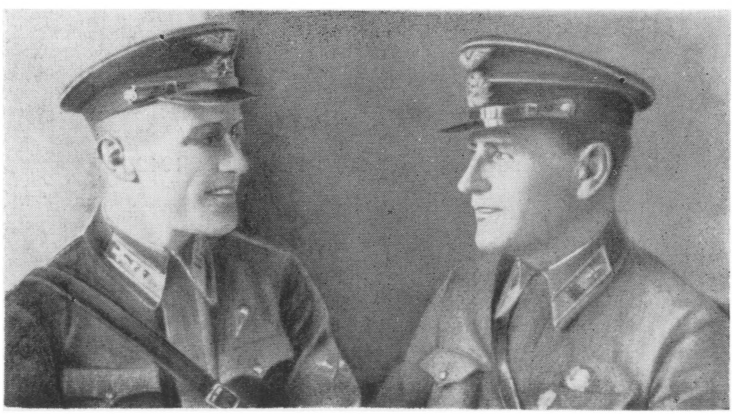
Полбин Семен Тимофеевич — отец И. С. Полбина.

Иван Полбин перед призывом в армию. Ульяновск, 1927 г.

И. С. Полбин после боев на Халхин-Голе. Чита, 1940 г.

И. С. Полбин во время подготовки к полету. 1942 г.

И. С. Полбин в кабине самолета перед вылетом на задание.



А. Н. Пашков (брат Марии Николаевны) и И. С. Полбин. 1940 г.

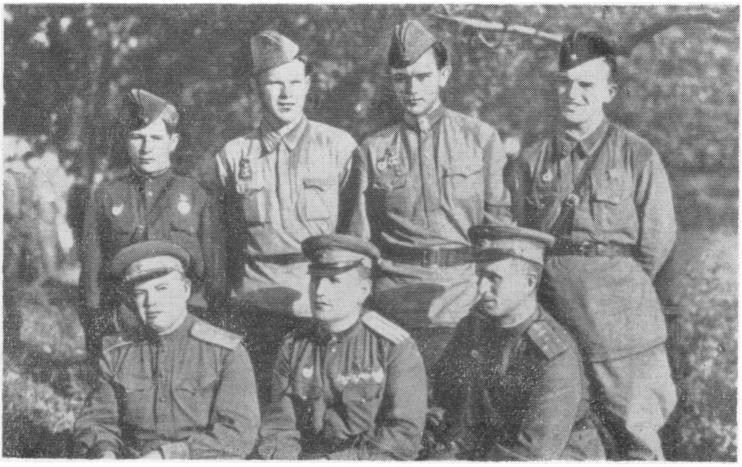
Майор В. Н. Фомин (слева) докладывает И. С. Полбину обстановку. 1942 г.

И. С. Полбин (слева) со своим экипажем: штурманом Ф. Факом (в центре) и стрелком Г. Масюком. 1942 г.

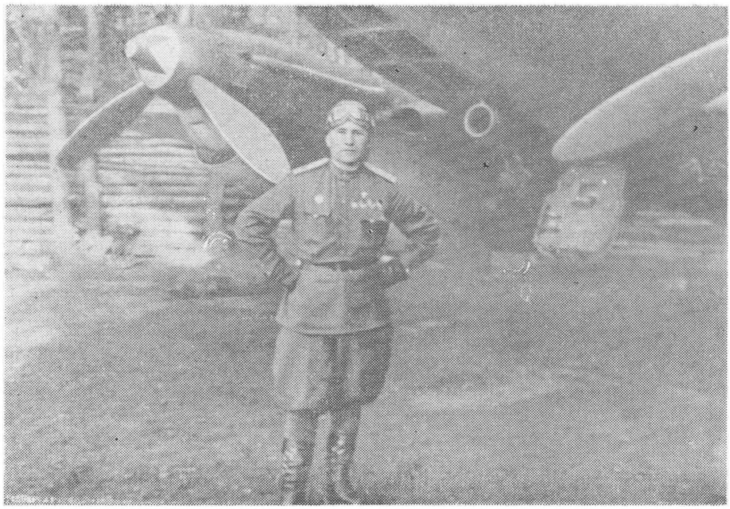
Слева направо: подполковник И. С. Полбин, инженер полка капитан Г. А. Авсеев, начальник штаба майор В. Н. Фомин. Март 1942 г.

Герой Советского Союза штурман Ф. Фак. 1942 г.

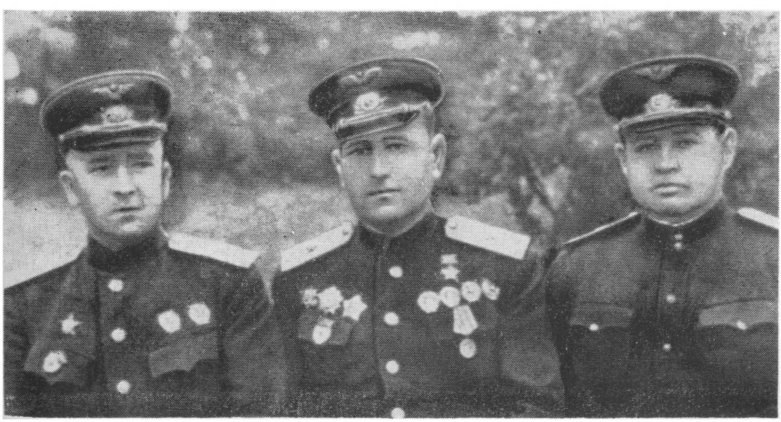
И. С. Полбин (в центре) среди командиров своего авиаполка. 1942 г.



После вручения наград экипажам. В первом ряду генерал-майор Ф. И. Брагин, И. С. Полбин (в центре).



И. С. Полбин у своего самолета. Аэродром под Курском. 1943 г.



Слева направо: генерал-майоры Ф. И. Качев, И. С. Полбин, Ф. И. Брагин.

Генерал-майор И. С. Полбин. 1945 г.

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
СОЮЗ РАДЯНСЬКИХ СОЦІАЛІСТИЧНИХ РЕСПУБЛІК
САЮЗ СОВЕЦКІХ СОЦЫЯЛІСТЫЧНЫХ РЭСПУБЛІК
СОВЕТ СОЦИАЛИСТ РЕСПУБЛИКАЛАРЫ ИТТИФАГЫ
საბჭოთა სოციალისტური რესპუბლიკების კავშირი
ՍՈՎԵՏԱԿԱՆ ՍՈՑԻԱԼԻՍՏԱԿԱՆ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՄԻՈՒԹՅՈՒՆ
SOVET SOTSIALISTIK RESPUBLIKALARЬMЬҢ SOJUZЬ
СОВЕТ СОЦИАЛИСТИК РЕСПУБЛИКАЛАР СОЮЗИ

СОЮЗИ РЕСПУБЛИКАХОЙ СОВЕТИН СОЦИАЛИСТ
SOVETTJK SOTSIALISTTJK RESPUBLIKALAR SOJUZЬ
SOVETTIK SOTSIALISTTIK RESPUBLIKALAR SOJUZU
SOSIALISTISTEN NEUVOSTOTASAVALTOJEN LIITTO
УНИУНЯ РЕСПУБЛИШИЛОР СОВЕТИШЕ СОЦИАЛИСТЕ
TARYBŲ SOCIALISTINIŲ RESPUBLIKŲ SĄJUNGA
PADOMJU SOCIĀLISTISKO REPUBLIKU SAVIENĪBA
NÕUKOGUDE SOTSIALISTLIKKUDE VABARIIKIDE LIIT

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА

Москва—Кремль

«31» октября 1945 г.

ПОЛБИНОЙ Марии Николаевне.

Уважаемая Мария Николаевна!

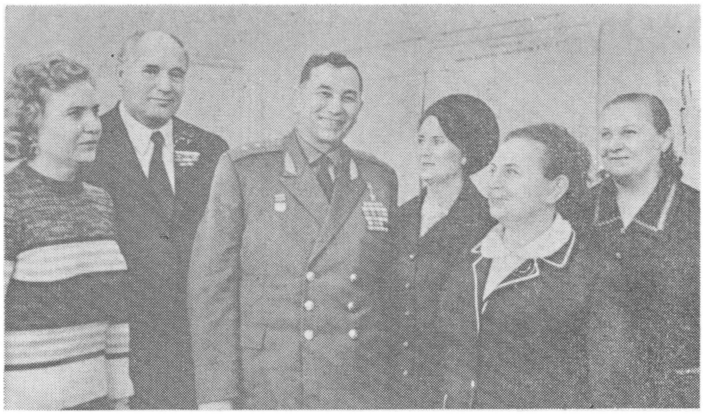
По сообщению военного командования, Ваш муж Герой Советского Союза гвардии генерал-майор авиации ПОЛБИН Иван Семенович в боях за советскую Родину погиб смертью храбрых.

За геройский подвиг, совершенный Вашим мужем Иваном Семеновичем ПОЛБИНЫМ в борьбе с немецкими захватчиками, Президиум Верховного Совета СССР Указом от 6 апреля 1945 года наградил его ВТОРОЙ МЕДАЛЬЮ "ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА".

Посылаю Вам грамоту Президиума Верховного Совета СССР о награждении Вашего мужа второй медалью "ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА" для хранения как память о муже дважды герое, подвиги которого никогда не забудутся нашим народом.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
(М.Калинин)

Герой Советского Союза И. В. Копейкин на встрече полбинцев.



Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации
Л. В. Жолудев, Г. И. Полбина и М. Н. Полбина в Ульяновске.

М. Н. Полбина выступает в 28-й средней школе Ульяновска.
Слева — Герой Советского Союза Л. В. Жолудев.

Герой Советского Союза А. Г. Хвостунов, сын И. С. Полбина Виктор, М. П. Полбина и дочь Г. И. Полбина в селе Полбино.

Хлебом-солью встречают М. Н. Полбину в селе Полбино (бывш. Ртищево-Камснке).

том, что Жолудев сегодня уже побывал над складом. Он хорошо прикрыт зенитками, а истребителей, как докладывали здесь, у гитлеровцев пока мало. Но они их подтянут. Ведь на подготовку массированного удара нам потребуется не один день. Время будет упущено — это раз. Потери возрастут — два. И, если они понатыкают там зениток, точность бомбометания уменьшится — три.

— И что же вы предлагаете? Лететь одним своим полком?

— Нет, двумя экипажами. Сам пойду, и вот — Жолудев. Он открыл склад, ему его и закрывать.

— Двумя экипажами? Это, товарищ Полбин, авантюризм.

Иван Семенович будто не слышал слов полковника. Он подождал, когда установится тишина, и пояснил:

— Старший лейтенант Жолудев был сегодня над целью, правда, уже после того, как сбросил бомбы. И представьте себе, зенитки молчали. Они считают, что склад очень хорошо укрыт, и не хотят его демаскировать огнем. Этим и надо воспользоваться. Мы постараемся делать вид, что вышли в район Морозовска случайно, будем заходить для удара по какому-либо соседнему объекту, а в последний момент сделаем доворот и сбросим бомбы на склад.

— И не попадете! — бросил реплику полковник.

— Постараемся попасть. Оба экипажа хорошо подготовлены. И мой штурман, и Аргунов у Жолудева имеют большой опыт. Будем бомбить с пикирования. Возьмем по две ФАБ-250 и две ФАБ-100. Сделаем по два захода.

— А если все же не попадете?

— Тогда сделаем третий. Не пожалеем себя, но задание будет выполнено.

В комнате наступила тишина. Только полковник ходил взад-вперед, скрипя сапогами. Наконец он остановился:

— Хорошо. Готовьте расчеты. Вылет завтра.

...Вот и магистраль Белая Калитва — Морозовск — Суровикино. Полбин делает разворот, включает секундомер. Жолудев держится сзади. Бомбить они будут не строем, а самостоятельно: так выше прицельность.

Рядом и чуть выше летят истребители прикрытия. Но противника в воздухе не видно. Пара бомбардировщиков не вызывает больших опасений. Зато перед самым Морозовском впереди показались «мессершмитты». Наши

«яковлевы» бросились им наперерез. Однако наблюдать за воздушным боем некогда. До цели уже рукой подать. На железнодорожной ветке маневрирует небольшой паровозик с двумя вагонами. Чтобы ввести в заблуждение зенитчиков, Полбин делает вид, что собирается его атаковать. Но тут же перекладывает машину в обратный крен. Самолет круто, почти отвесно, ныряет вниз. Прицельная метка скользит по земле, потом замирает на краю оврага, там, где отчетливо виднеется отливающий сталью бок цистерны. Земля все ближе. Еще секунда. Сброс. Бомбардировщик зябко дрожит от перегрузки. Полбин кренит его, чтобы оценить результаты. Бомбы легли с перелетом. «Может, Жолудев?» — мелькает мысль. Но два очередных взрыва поднимают столбы пыли в сотне метров позади. Теперь вся надежда на очередной заход.

А в воздухе начинается что-то невообразимое. Откуда только взялось такое огромное количество зениток! Все небо усеяно разрывами. Да и количество истребителей наверняка прибавилось, один из них проскочил прямо перед носом полбинского бомбардировщика. Надо торопиться.

И вот опять та же картина. Тот же овраг. Тот же блестящий полукруглый бок цистерны. Та же перегрузка на выводе. Но что это? Внизу бушует пламя. Цистерна раскололась, словно арбуз, обнажив красное чрево. За первым взрывом следует второй. Воздух сотрясается, качая машину. Огонь растет. Дым поднимается все выше и выше...

Больше недели на окраине Морозовска бушевало пламя.

— Ну и наделал ты шороху, Иван, — улыбался Клещев, — мы теперь ночью летаем, как днем. Не зря я говорил, что у нас ты получишь Золотую Звезду. — И, понизив голос, пояснил: — Сам видел в штабе представление. Так что готовь банкет, придем поздравить всем полком.

Дорогой ценой

Уже по тому, что задачу ставил лично командир соединения, Полбин понял серьезность и ответственность, которая будет возложена на него. Но и он вначале не

представлял всей опасности рискованного полета. Это ему стало ясно только в тот момент, когда генерал конкретно назвал населенный пункт, куда предстояло сделать очередной боевой вылет.

— По данным разведки, — говорил генерал, — на станции Миллерово сосредоточено около 200 самолетов противника. По всему видно, что враг готовит массированный налет на Сталинград. Вашему полку приказано всем имеющимся составом нанести удар по этому аэродрому, — генерал сделал движение указательным пальцем, будто поставил крест, — уничтожить технику на земле, сорвать замысел гитлеровского командования...

Миллерово. Полбин тут же прикинул расстояние от Гумрака до этого населенного пункта. Даже по предварительным подсчетам выходило не меньше 300 километров. О сопровождении истребителей в таком дальнем полете не могло быть и речи.

— Сколько экипажей в строю, товарищ Полбин?

— Пятнадцать.

— Пойдете тремя пятерками. Бомбометание будете наносить с горизонтального полета. Истребители проводят вас через линию фронта и встретят после возвращения с задания. Время и место встречи согласуйте с Клещевым...

Полбин слушал, а сам думал, как тяжело ему будет ставить боевую задачу своим экипажам. Назвать Миллерово — это все равно что сказать людям: «Вы идете на верную смерть». Более двух часов бомбардировщикам придется лететь над территорией, занятой противником. Их будут беспрерывно атаковать истребители, по ним сосредоточат огонь зенитчики. А им нужно будет не только пройти через этот огненный заслон, но и поразить цели, уничтожить самолеты, находящиеся на аэродроме.

В свой штаб Полбин вернулся угрюмый, молча, без обычных шуток, прошел в класс, где собрались экипажи, объяснил обстановку, заставившую командование посылать полк в Миллерово, назвал состав пятерок.

— Ведущим в первой группе буду я, — сказал в заключение. — Штурманом со мной пойдет Герой Советского Союза капитан Фак. Вторую пятерку поведет капитан Ушаков, третью — старший лейтенант Белышев.

И вот полк в полном составе, который имелся в наличии, поднялся в небо. Шли в плотном строю, выдерживая небольшое превышение одной группы над другой,

что позволяло лучше использовать оружие штурманов и стрелков-радистов. Три десятка крупнокалиберных пулеметов, объединенных одной системой огня, составляли грозную силу против истребителей. Это стало видно вскоре после взлета, когда четверке Ме-109 удалось прорваться к боевым порядкам бомбардировщиков. Встретив дружный отпор, они вынуждены были убраться восвояси.

Но Полбин по опыту знал, что торжествовать победу рано. У этих истребителей, видимо, оставалось мало горючего, да и встретили группу они случайно, поэтому так легко и быстро ретировались. Но через несколько минут уже целая армада вражеских истребителей вилась над строем. «Мессершмитты» маневрировали, пытаясь отыскать у «пешек» уязвимые места. «Только бы не догадались атаковать с передней полусферы», — подумал Полбин. Дело в том, что летчик Пе-2 мог управлять своим оружием только посредством маневра, направляя на цель весь самолет, а в строю этого делать было нельзя. И хорошо, что гитлеровские пилоты, видимо, не знали этой особенности. Они настойчиво повторяли одну атаку за другой, заходя сзади сверху или сзади снизу. Но свинцовые трассы одновременно двух, а то и трех пулеметов заставляли их открывать огонь с большой дистанции, а поэтому он был малоэффективен.

Так, сопровождаемые роем вражеских истребителей, бомбардировщики подошли к цели. И самолеты противника сразу же отстали, будто невидимая рука отсекла их. Зато в ту же минуту с земли полоснули по небу зенитки. Но маневрировать ни по курсу, ни по высоте было уже нельзя. Пе-2 находились на боевом курсе. Оставалось надеяться, что зенитчики не сумеют никого вывести из строя.

Вражеские самолеты, как и было зафиксировано разведчиком накануне, стояли двумя ровными рядами. Видимо, противник не опасался, что советские бомбардировщики осмелятся совершить такой далекий рейд. Теперь все зависело от флагманского штурмана. Бомбы, как и было условлено на предварительной подготовке, группа должна была бросать с горизонтального полета. Самолетная стоянка представляет собой, по сути дела, площадную цель, а самолет не танк, его можно уничтожить не только прямым попаданием, но и осколками и взрывной волной от бомбы, упавшей рядом.

Сразу же после того, как капитан Фак громче и резче обычного выкрикнул: «Бросай!», Полбин нажал кнопку на штурвале. Бомбардировщик вздрогнул, будто отряхнувшись от чего-то липкого, и рывком набрал высоту. Следом за ведущим освободились от своего груза ведомые. Еще не все бомбы достигли земли, а Полбин уже видел, как на стоянке полыхают пожары.

Только после этого он развернул машину на обратный курс и осмотрелся. Слева и справа, сверху и снизу — всюду можно было увидеть темные фигурки вражеских истребителей. Боясь попасть под огонь своих зениток, они поджидали бомбардировщиков на небольшом удалении от цели. Видимо, гитлеровское командование, выведенное из себя дерзким налетом, стянуло в район Миллерова все истребители с ближних аэродромов.

Обожгла мысль: «Сейчас начнется самое страшное». И тут же другая, более безжалостная и трагическая, заставила вздрогнуть: «А ведь у стрелков и штурманов на исходе боеприпасы. Они второй час ведут огонь». Надо было принимать решение, которое помогло бы спасти экипажи от верной гибели. Самолеты, лишенные защиты, станут легкой добычей для врага. Но что может сделать командир? Как помочь подчиненным?

А в воздухе уже шел бой. Истребители наседали теперь со всех сторон, а не только с задней полусферы. Штурманы и стрелки-радисты отвечали на огонь короткими, отрывистыми очередями. Первым загорелся самолет ведущего третьей пятерки старшего лейтенанта Белышева. Следом за ним «выпал» из строя и со снижением пошел к земле левый ведомый Полбина. «По одному они перещелкают нас, как беспомощных котят», — подумал Полбин и тут же принял решение распустить строй. Сделав двойной крен влево, а затем вправо, он подал ведомым команду «Действуйте самостоятельно!», а сам резким пикированием бросил машину к земле. Только так, перейдя на бреющий полет, укрываясь за складки местности, можно было спастись от губительного огня вражеских истребителей...

На подлете к линии фронта Полбин заметил несколько наших истребителей. Как и было договорено, они встречали бомбардировочный полк. Но «пешка» командира шла в одиночку. Клещевцы сразу догадались, что произошло непоправимое. Они не резвились, как обыч-

но, вокруг, не подходили поближе, чтобы спросить кивком головы: «Как дела?» Одна пара отделилась от строя и пошла следом за Полбиным, остальные продолжали барражировать, надеясь встретить другие экипажи.

Несколько дней полк находился в тревожном ожидании. Люди ходили хмурые, тоскливо всматриваясь в небо. Из налета на Миллерово не вернулась почти половина бомбардировщиков. Не стало слышно громкого голоса Героя Советского Союза Филиппа Демченкова, не улыбался своей стеснительной улыбкой другой Герой Советского Союза — Андрей Хвостунов. Где они? Сгорели в воздухе или разбились при посадке, попали в плен или пробираются через степи к своим? Никто не мог дать ответ на эти вопросы.

Фотосъемка и данные разведки подтвердили, что на аэродроме Миллерово в результате массированного бомбового удара было уничтожено 27 самолетов противника. Пять вражеских истребителей сбито в воздухе. Но эти результаты, которые делали честь любому полку, Полбина не радовали. Слишком дорогой ценой пришлось заплатить за успех. Иван Семенович жил надеждой, что кто-то из боевых друзей вернется на свою точку. С волнением он подносил к уху телефонную трубку, по несколько раз в день заставлял почтальона приносить почту, часто заходил на телеграф.

И действительно, примерно через неделю в полк вернулся штурман старший лейтенант Николай Пантелей. С трудом выйдя к своим из-за линии фронта, он рассказал, что их самолет был подожжен истребителями. Когда пламя охватило не только крыло, но и бензобак, командир экипажа Филипп Демченков подал команду: «Всем прыгать». Стрелок-радист покинул машину, но попал в огненный шлейф, парашют его загорелся, и он погиб. Демченков, оставивший уже неуправляемую машину последним, получил серьезные ранения. У него было обожжено лицо и повреждены ноги. Сам он двигаться не мог. Тогда Пантелей, отыскавший командира, отвез его на подводе в деревню, нашел врача, который оказал ему первую помощь, выбрал на окраине подходящую площадку для посадки По-2 и только после этого оставил Демченкова, пообещав вызвать за ним самолет после выхода к своим.

Полбин, внимательно слушавший Пантелея, спросил, не отрывая взгляда от карты:

— Площадка надежная? С воздуха ее найти можно?

— Конечно, можно! — обрадовался Пантелей. — Разрешите мне лететь за штурмана? Я, товарищ подполковник, чувствую себя нормально.

— Это было бы очень хорошо, Николай Николаевич, — Иван Семенович оживился. — Решим так. За Демченковым пойдут сразу два По-2. Один поведет майор Семенов, другой — майор Власов.

И вот, тарахтя моторами, пара «кукурузников» взяла курс в сторону фронта. Томительно тянулись минуты, складываясь в долгие часы ожидания. Деревня, где был оставлен Филипп Демченков, находилась на удалении более ста километров. К тому же там требовалось совершить посадку, доставить раненого к самолету, взлететь. Не исключено было нападение истребителей в воздухе, а на земле гитлеровских солдат или полицаев.

Один из офицеров подошел к Полбину и нерешительно сказал:

— Может, зря поторопились, Иван Семенович? Надо бы разведать получше обстановку. Пока Пантелей добирался до нас, многое могло измениться.

Полбин повернулся к говорившему, бросил сердито:

— Если на ваших глазах человек будет объят огнем, вы станете исследовать температуру, площадь огня, оценивать свои возможности, советоваться? Или броситесь спасать?

— Брошусь, конечно.

— Вот и я так поступил. И Семенов с Власовым, не раздумывая, пошли на задание. Это закон нашей жизни — иди на смерть, а товарища выручай. В полку каждый человек должен знать, что в минуту опасности на помощь ему придут все, одного в беде не оставят.

Наконец вдалеке показались две «лесенки». Вот они неторопливо зашли на посадку, приземлились прямо рядом со стоянкой и, переваливаясь по-утиному, стали подруливать. В кабине второго По-2 сидел Филипп Демченков. Все бросились к нему, торопились поздравить с возвращением, только Иван Семенович стоял на одном месте, не в силах сделать и шага. Радость никак не могла овладеть его душой и телом, скованными напряжением пережитых минут.

Для Полбина все эти дни стали тяжелым испытанием. Полк потерял несколько летных экипажей и почти половину имевшихся самолетов. Среди погибших или

пропавших без вести были и те, с кем Ивану Семеновичу пришлось сражаться еще на Халхин-Голе. И, хотя никто не мог обвинить его в случившемся, сам он чувствовал душевную ответственность за все, что произошло в том злополучном полете.

А положение на фронте все больше усложнялось. Ожесточенные бои шли севернее Калача. Враг настойчиво рвался к Сталинграду. Объектов для бомбометания становилось больше, а выполнять задачи было некому. В полку, пожалуй, только один командирский самолет с яркой молниеобразной стрелой на борту оставался невредимым. Полбин летал в эти дни и днем и ночью, уничтожая переправы через Дон, наводимые противником, выполняя разведывательные задания, уничтожая резервы гитлеровских войск.

Аэродром в Гумраке все чаще становился объектом для ударов вражеской авиации, подтянутой ближе к Сталинграду. Ночью приходилось взлетать без какой-либо подсветки, ориентируясь по едва различимым на горизонте очертаниям отдельных зданий и деревьев. На посадке включался, как правило, только один прожектор, да и то лишь в момент приземления. Помогала натренированность летчиков, но и она порой не могла выручить.

Глубокой ночью, возвращаясь с задания, Полбин, как всегда, сделал заход на посадку в полной темноте. Уже на планировании он подал сигнал на землю, чтобы включили прожектор. И надо было случиться, что в этот самый момент точно над аэродромом оказался вражеский Ю-88. Увидев освещенную полосу, гитлеровец открыл бомболюки.

Приземлив машину, Полбин вдруг услышал сзади страшный грохот, пламя взрыва озарило аэродром, самолет почти оторвало от земли воздушной волной. С трудом удержав машину от разворота, он подрулил ее к стоянке и сразу же почувствовал неладное. Механики собрались около хвостового оперения, оттуда слышались громкие восклицания, кто-то светил фонариком. «Не случилось ли чего с Масюком?» — подумал Полбин, торопливо отстегивая парашют.

Кабина стрелка-радиста была... пуста.

— Соберите всех, кто есть на аэродроме, — распорядился Полбин.

Не прошло и пяти минут, а летчики, штурманы, стрел-

ки-радисты, механики во главе с командиром полка уже шли; взявшись за руки, по посадочной полосе. Неподалеку от того места, где упали вражеские бомбы, один из идущих наткнулся на тело Масюка. Григорий был жив. Его тут же отправили в санчасть.

— Да,— вздохнул кто-то из летчиков,— скоро спичку нельзя будет зажечь. Бомбят, гады, днем и ночью.

В первых числах августа полк был вынужден оставить Гумрак и перелететь на другой аэродром, расположенный северо-западнее Сталинграда. А вскоре пришел приказ всем экипажам сдать самолеты, а самим в полном составе перебазироваться на подмосковный аэродром.

Новая должность

У Полбина было такое чувство, будто все начинается сначала, с красной строки. От полка остался только номер, Знамя, считанное количество летчиков, штурманов и стрелков-радистов. Даже технического состава было менее половины. Правда, каждый день ему докладывали о прибытии пополнения, и он, отложив все дела, спешил познакомиться с будущими подчиненными. В большинстве своем это были совсем юные парни, не достигшие и 20 лет. Летчики, как правило, имели звание сержантов, прошли ускоренный курс обучения в авиационных школах. К каждому из них Полбин прикрепил опытного инструктора, от которых требовал ежедневных отчетов: какой вид боевой подготовки отрабатывался, как он усвоен обучаемым и сколько необходимо полетов для окончания программы. Если кто-то жаловался на усталость, на чрезмерную загрузку, командир обычно говорил ему:

— В следующий раз сам полетишь на завод получать самолет. Я хочу, чтобы ты услышал наказ, какой рабочие давали мне.

К концу сентября полк был в полном составе подготовлен к боевым действиям. Как и год назад, все экипажи могли бомбить и штурмовать наземные цели не только одиночно, но и в составе групп. Все летчики освоили технику пилотирования ночью и в облаках. Со дня на день ждали отправки на фронт. И вдруг как снег на голову на Полбина сваливается неожиданная новость:

— Есть мнение назначить вас, товарищ полковник, заместителем начальника инспекции ВВС.

Иван Семенович оторопело смотрел на генерала. Он и в мыслях никогда не представлял себя в такой должности.

— Можно подумать? — осторожно спросил у генерала.

— Почему же нельзя. Думать и можно и нужно. Только изменить ничего нельзя. Приказ уже подписан, сдавайте дела заместителю...

Перед самым отъездом Полбина пришла радостная телеграмма. 150-й бомбардировочный авиационный полк стал 35-м гвардейским. На митинге, устроенном в честь этого события, Иван Семенович, волнуясь больше обычного, сказал:

— Гвардейское звание завоевано нами в тяжелых боях с врагом. Многие не дожили до этого счастливого дня, но память о них будет всегда жить в наших сердцах. И лучшим памятником друзьям, погибшим в боях за Родину, будут боевые дела. Нашей священной памятью станет жгучая ненависть к врагу. Мы будем мстить ему за каждого человека, за каждую сожженную хату, за каждый метр земли, опоганенной гитлеровцами...

Он смотрел на товарищей, застывших в строю, а в душе все росла и росла тревога за этих людей, за самолеты, за весь полк. Ему было трудно расставаться со всем, что стало частью его души, содержанием его жизни.

В свою стихию

Штабная работа была Полбину не по душе. Он не любил сидеть за столом, неохотно брался за составление различных деловых бумаг, хотя и чувствовал, что все они крайне необходимы. Зато при первой возможности с радостью оформлял командировку, особенно на прифронтовые аэродромы. Там, в боевых полках, ему все казалось значительнее: и отношения между людьми, и обстановка постоянного напряжения, и непрерывный грохот канонады, и даже сам воздух, пропахший порохом и бензином. Наблюдая, как экипажи готовятся к полетам на боевые задания, он в душе завидовал командирам и летчикам.

Особенно ревниво Иван Семенович следил за боевой работой своего полка. Встречая кого-нибудь из бывших однополчан, он подробно расспрашивал о летчиках и штурманах, стрелках-радистах и механиках. Радовался, узнавая, что кто-то из его бывших подчиненных отличился в боях, огорчался, если получал вести о потерях. А было и то и другое. Леонид Жолудев за мужество и отвагу, проявленные в боях, за успешный налет на топливный склад под Морозовском был награжден орденом Ленина, получили высокие награды еще около 30 летчиков, штурманов и стрелков-радистов.

Были в полку и потери. Не вернулся с боевого задания комиссар эскадрильи старший политрук Николай Трантин. Полбин хорошо знал этого общительного, улыбчивого человека, наделенного душевной притягательной силой. Он был и умелым летчиком, и опытным инструктором, и талантливым политработником.

Единственным, о ком Иван Семенович никогда не расспрашивал, оставался новый командир полка. И для этого у Полбина были основания. Сразу же после приезда в Москву до Ивана Семеновича стали доходить нелестные отзывы о преемнике: и летает неважно, и приказы отдает неуверенно, и то, и другое, и третье. Полбин увидел в подобных разговорах стремление польстить ему, противопоставить двух командиров. Это вызвало у него протест. Он не хотел, чтобы его авторитет стал помехой тому, кто принял полк.

— Командир не девушка, которую можно любить или не любить, — обрывал он собеседников, если те касались отношений нового командира с подчиненными.

Постепенно многие поняли, что эта тема в разговорах с Полбиным является запретной, и старались обходить «больной» вопрос. Но, как говорится, шила в мешке не утаишь. Со временем не только в полку, но и за пределами части стало известно, что новый командир действительно не из тех, кто рвется в небо, а поэтому и решения принимает робко, и подстраховаться любит.

Как-то в разговоре со своим начальником Полбин сказал к слову:

— Может, мне на старое место вернуться, в полк?

Генерал, отложив бумаги, пытливо, будто видел впервые, посмотрел на него:

— В полк, значит? То-то я смотрю, вид у вас, товарищ полковник, неважный. Не нравится наша работа?

— Не нравится, товарищ генерал, — откровенно признался он.

— Так, так, так, — генерал побарабанил пальцами по столу, потом спросил в упор: — Воевать хочешь? Ты патриот, ты летчик, а кто мы, по-твоему? А здесь не война?

— Не по мне эта служба, — упрямо заявил Полбин, — я для драки создан.

— Вот и будешь здесь драться. Понимаешь? Здесь твой ум нужен, твой опыт. А для драки мы найдем хороших летчиков. — И уже мягче добавил: — Я и сам в свое время недооценивал свою работу, — он кивнул на кипу бумаг, — думал, кому это нужно. А теперь многое понял...

23 ноября 1942 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Полбину Ивану Семеновичу было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Его поздравляли, а он с волнением вчитывался в прыгающие строки телеграммы: «...подполковнику, командиру 150-го бомбардировочного авиационного полка 1-й авиационной особой группы ВВС...» Многое изменилось в его жизни за то время, пока оформлялась награда. Он уже не подполковник, а полковник, не командир полка, а заместитель начальника инспекции ВВС. Только душой и сердцем он по-прежнему там, в родном полку, с которым связано все самое тревожное и самое радостное. Вот и эта телеграмма, нашедшая его в Москве, будит в нем воспоминания о боевых друзьях, об опасных рейдах в тыл врага, о схватках с истребителями.

Как ни старался Иван Семенович приглушить в сердце тоску по фронту, ничего из этого не выходило. А тут еще пришло письмо от бывшего ведомого Леонида Жолудева: «Здравствуйте, многоуважаемый командир, учитель и друг Иван Семенович. Посылаю вам свой горячий боевой привет и желаю успехов в вашей службе на благо нашей Родины. Вы знаете, где я нахожусь и чем занимаюсь, поэтому опишу подробно, как мы работаем. Опишу потому только, что все это не может вас не интересовать, как командира и воспитателя этой части, который провел ее через упорные бои с изумительной славой и мастерством, как командира, завоевавшего гвардейское Знамя, как Героя Советского Союза, возродившего славные традиции русской гвардии в авиации.

Пишу потому, что эти традиции, эта слава полка, за-

воеванная в боях в районе Халхин-Гола и на многих фронтах Отечественной войны кровью и жизнями десятков и сотен славных соколов, не множится изо дня в день, из вылета в вылет, а постепенно, хотя и медленно, все это забывается, не поддерживается изо всех сил русской души. Вы не подумайте, что я кем-нибудь обижен лично, нет, на меня (пока) еще никто не осмелился показать пальцем, но при всем этом я считаю позором, что мы, имеющие столь богатый боевой опыт, не занимаем теперь первого места не только по армии и фронту, но даже и в дивизии. От целого ряда разборов и указаний пахнет плесенью, гнилью и косностью. Виновников не только потерь, но и просто нарушителей дисциплины воздуха не упоминают, а если упоминают, то нехотя и вскользь, боясь испортить им настроение. Ни в чем не чувствуется беспощадной борьбы с нарушениями, после которых принимается вывод: «как бы чего не вышло».

Единственно, с чем ведется беспощадная борьба (?!),— это против полетов на малых высотах, особенно при возвращении с боевых заданий. Боевой опыт, имеющийся за плечами, некоторых уже пригнул к земле, но выпрямить их некому. Я много бы еще мог написать, да не имею желания отрывать у вас драгоценное время... Хотелось бы с вами наедине побеседовать и получить отеческие, простые советы командира-учителя».

Если бы письмо написал кто-нибудь другой, Полбин, наверное, отнесся бы к нему так же, как относился ко всем разговорам о новом командире. Но с Жолудевым Иван Семенович познакомился еще до войны, а ближе всего узнал его во фронтовой обстановке, где не раз и не два брал Леонида Васильевича к себе ведомым на самые рискованные задания. Главной чертой в характере Жолудева всегда была его честность. Он никогда не пытался выгородить себя, уменьшить свою вину, спрятаться за спину другого. За время совместной службы Полбину приходилось и награждать его, и наказывать, и хвалить, и ругать.

Да, если именно такой человек, как Жолудев, взялся за перо, значит, в полку и в самом деле не все идет ладно. Расстроенный, Полбин снова пошел к генералу, рассказал о полученном письме, о том, как тяжело ему слышать о неблагополучном положении дел в полку:

— Отпустите на фронт. Все сделаю, чтобы вывести полк в число самых лучших частей...

— Нет, товарищ Полбин, занимайтесь делом. Не для этого мы вас сюда брали, чтобы через месяц отправлять назад.

Подождав несколько дней, Иван Семенович решил обратиться уже не к своему начальнику, а к заместителю Народного комиссара обороны СССР маршалу авиации Новикову. Александр Александрович принял его тепло, внимательно выслушал и неожиданно поддержал:

— Понимаю ваше желание попасть на фронт. Это хорошее стремление, и нам нужны опытные, умные командиры. Но почему именно в полк? Мне кажется, из вас выйдет неплохой командир дивизии.

В начале 1943 года полковник Полбин был назначен командиром бомбардировочной авиационной дивизии. Не скрывая своего удовлетворения, он быстро сдал «бумажные» дела и выехал на подмосковный аэродром, где размещался штаб соединения. И только одно обстоятельство омрачало настроение — его родной полк не входил в состав той дивизии, которую он принял под свое командование.

Крепкий орешек

С первых же дней в новой должности Полбин почувствовал разницу в управлении полком и дивизией. Там было легче. Он хорошо знал уровень подготовки не только эскадрилий и звеньев, но и каждого экипажа, любого летчика или штурмана.

В дивизии все было масштабнее и сложнее. В соответствии с обстановкой на фронте он должен был делать расчет сил и средств, выбирать наиболее эффективный способ воздействия на противника, распределять задачи между полками. Все это требовало более высокой теоретической подготовки, и Полбин не раз с сожалением вспоминал, что в свое время не послушал Федора Котляра и не проявил настойчивости для поступления в академию. Теперь бы ему пригодились полученные там знания.

Но война оставляла мало времени для сожалений о прошлом. Приходилось на ходу наверстывать упущенное, осваивать новое, что рождалось в ходе боев.

Знакомясь с командирами, определяя уровень подготовки полков и эскадрилий, Иван Семенович вечерами занимался самоподготовкой. В его рабочих тетрадях

можно было увидеть выписки из учебников не только по авиации, но и по тактике наземных войск.

...В середине января войска Калининского фронта предприняли решительное наступление на Великие Луки. Этот древний небольшой городок на реке Ловать с военной точки зрения представлял важный железнодорожный узел. Не случайно гитлеровцы упорно удерживали его, превратив в настоящую крепость. Около года Великие Луки находились в прифронтовой полосе, оставаясь в руках противника.

На крупномасштабной карте, лежащей перед Полбиным, была подробно обозначена наземная обстановка в районе Великих Лук. Извилистая красная линия показывала, что город со всех сторон огибали войска нашего 8-го эстонского корпуса, 257-й стрелковой дивизии и 47-й механизированной бригады. Казалось, еще одно усилие, еще один день, и Великие Луки будут в наших руках. Но вражеский гарнизон, оказавшись почти полностью окруженным, упорно удерживал занимаемые позиции.

Над полем боя постоянно находились экипажи разведчиков. Они фотографировали обстановку, докладывали устно о всех замеченных изменениях. И когда стало ясно, что гитлеровское командование решило по узкому коридору перебросить в город свежие части, Полбин, державший наготове один из полков, поставил экипажам задачу сорвать замысел противника. С небольшим временным интервалом он посылал в район боевых действий несколько групп. Бомбардировщики, сменяя друг друга, почти беспрерывно наносили бомбовые и штурмовые удары, рассеивая колонны противника, дезорганизуя его движение, уничтожая танки, пушки, бронемашины и другую технику.

— Молодец, Полбин, хорошую ты им карусель устроил,— кричал в телефонную трубку командир стрелкового корпуса генерал-майор Пэрна.

Полбину понравилось не совсем обычное слово: «Карусель». Если смотришь снизу, в небе действительно была огненная карусель. Один самолет, бросив бомбы, выходил из пикирования, другой пикировал, третий заходил на цель. И так не 2—3 минуты, а час за часом, не давая гитлеровцам никакой возможности прийти в себя, собрать подразделения и организовать движение. Пользуясь этим, наши наземные части сумели уничтожить выдвигающиеся резервы врага и замкнули Великие Лу-

ки в кольцо. Только в самом центре города, в защищенной со всех сторон крепости, еще оставались гитлеровские войска.

На другой день Полбину позвонил его старший начальник генерал Каравацкий:

— У тебя, Иван Семенович, есть мастера бомбового удара. Задача очень сложная. Надо выкурить гитлеровцев из крепости в Великих Луках. Сидят, понимаешь, как бельмо в глазу, сковывают наши войска.

— Попробуем,— ответил Полбин,— только опасно очень.

— Конечно, опасно. Надо действовать без ошибок, иначе можно по своим ударить. Кого намечаешь послать?

— Подполковника Рыбальченко. У него экипажи лучше слетаны.

— Хорошо. Одобряю.

Не теряя ни минуты, Полбин приказал увеличить и размножить фотографии крепости, сделанные разведчиками. Тщательно изучив их, он вместе с опытными дешифровщиками определил действующие огневые точки противника и наметил объекты, которые предстояло уничтожить. Каждому экипажу была определена своя конкретная цель. Бомбометание следовало производить в одиночку, осуществляя строго индивидуальное прицеливание. На предварительной подготовке Иван Семенович обратил особое внимание на четкую работу штурманов и летчиков:

— Вот здесь,— он обвел указкой красные зубчатые линии вокруг крепости,— наши войска, наши люди. Сюда не должна упасть ни одна бомба. А для этого мобилизуйте все: опыт, глазомер, умение быстро ориентироваться и отыскивать свою цель.

Вместе с этим Полбин напомнил, что внизу идет бой, обстановка меняется. В любую минуту крепость может перейти в наши руки. Поэтому все экипажи должны не только внимательно следить за сигналами с земли, но и самостоятельно определять, как развиваются события.

И вот первая группа в кильватере, выдерживая дистанцию 200—400 метров, взяла курс на Великие Луки. Чуть впереди этой группы Полбин послал одного из опытных летчиков Салмина для ведения доразведки. Находясь с небольшим превышением над остальными бомбардировщиками, экипаж Салмина должен был опреде-

лять, какие цели накрыты, засекать вновь обнаруженные огневые точки, следить за изменением обстановки в ходе наземного боя. Поддерживая постоянную связь с разведчиком, Полбин мог своевременно вносить коррективы в намеченный план.

Находясь на командном пункте, Иван Семенович после каждого сообщения, поступавшего от разведчика или от наземных войск, ставил жирные красные крестики на фотопланшете, где крупным планом была изображена крепость. Постепенно вся она покрылась густой сетью крестиков. И в этот же момент от командира корпуса поступила команда прекратить бомбометание. Наземные части начали штурм. А вскоре разведчик передал радостную весть:

— Вижу над крепостью красный флаг.

Великие Луки были полностью очищены от гитлеровских войск. Но еще много дней и ночей Полбину не давал покоя этот необычный налет на крепость. Он разрабатывал принципы применения пикировщиков непосредственно на поле боя, в интересах наземных частей. Как показывал опыт, их можно было оперативно использовать для подавления огневых точек противника и для разрушения оборонительных сооружений, особенно при прорыве сильно укрепленных рубежей, при форсировании водных преград и завоевании плацдармов.

Обстановка, складывающаяся на фронте, говорила о том, что в самое ближайшее время Красная Армия развернет широкое наступление, авиации тоже надо было готовиться к непосредственной поддержке своих войск. И Полбин, обобщая опыт, накопленный в полку, а теперь и в дивизии, тщательно разрабатывал принципы применения пикировщиков на поле боя. «В походном порядке при полете группой из 2—3 девяток,— писал он в своей рабочей тетради, — дистанции между ними должны быть не менее 400—500 метров, змейкой с превышением 150—200 метров. Дистанция между самолетами —два размаха... При действиях группы одиночно и в два захода ее надо перестроить с таким расчетом, чтобы на боевом курсе иметь самолет за самолетом на дистанции 200—400 метров в кильватере, пеленге или змейке...».

Учитывая, что в войсках нет еще методик, которыми могли бы воспользоваться командиры, готовя пикировщиков к совместным действиям с наземными войсками, он старался не пропустить ни малейшей детали. «При-

крытие пикировщиков,— писал он,— существенно не отличается от прикрытия при обычном бомбометании в тылу противника. Однако на поле боя, как правило, барражирует значительно большее количество вражеских истребителей, чем в каком-либо другом месте. Поэтому надо особо тщательно организовать прикрытие, налаживая более тесное личное общение командиров и их штабов. Прикрытие следует строить таким образом, чтобы соотношение бомбардировщиков и истребителей составляло один к одному и не менее двух к одному. Истребителей нужно разбивать на две группы — непосредственного прикрытия и ударную. Первая группа обычно пикирует вместе с прикрываемыми под углами 25—30 градусов на дистанции и интервале не более 400—600 метров. В это время ударная группа обязана сохранять заданную высоту от 600 до 800 метров над строем...».

Начальник штаба дивизии, познакомившись с частью записок Полбина, воскликнул:

— Да это же целая книга! Если ее издать, ей цены не будет.

Иван Семенович со свойственной ему прямотой ответил:

— Ты, дорогой, пока просто перепечатай эту методику в нескольких экземплярах и раздай командирам полков. Если она им пригодится, тогда мы с тобой поговорим о книге.

Личный пример

В апреле 1943 года генерал-майор авиации В. А. Судец передал командование соединением своему преемнику полковнику И. С. Полбину.

— Корпус у нас молодой, сформирован в сентябре прошлого года,—говорил генерал,— но боевой опыт уже есть. И я рад, что командовать им будешь ты, Иван Семенович. Надеюсь, что слава нашего шестого бомбардировочного будет расти не по дням, а по часам.

Полбин слушал генерала, а сам пытался мысленно представить всю армаду, которой отныне он будет руководить. Но ни вообразить себя во главе сотен бомбардировщиков, поднявшихся в небо, ни охватить взором аэродромы корпуса, разбросанные по огромной территории, он не мог. Нужна была многодневная и кропотли-

вая работа, чтобы почувствовать пульс этого сложного и мощного организма.

Экипажи разведчиков пользовались у Полбина большой симпатией. Он и задачу всегда ставил им отдельно, и итоги их боевой работы выделял особо. В этом его отношении к разведчикам был свой глубокий смысл. Благодаря им командир корпуса мог видеть обстановку на большую глубину, своевременно замечать все изменения на фронте и в соответствии с их данными заблаговременно разгадывать замысел противника. А это помогало ему правильно распределять силы полков, заранее готовить экипажи к предстоящим боевым действиям. Учитывал Иван Семенович и характер работы разведчиков. Фотографируя местность, они вынуждены были упорно летать над самыми важными объектами, не имея возможности уклониться от зенитного огня или от нападения истребителей. При этом нужна была и огромная сила воли, и железная выдержка, и мастерство.

В один из пасмурных летних вечеров после посадки бомбардировщиков, возвратившихся с задания, Полбин внимательно выслушивал доклад командира группы капитана Скоробогатова.

— Вот этот аэродром,— капитан ткнул пальцем в кружочек, обведенный на карте,— показался мне подозрительным. И зениток понатыкано, и истребители снуют, как рыбы в аквариуме.

— Разведчика посылали?

— Так точно, товарищ полковник. Разведчик должен был сфотографировать аэродром.

— Ускорьте проявление пленок. И сразу же ко мне. Не дожидайтесь, когда высохнут.

А вскоре он уже исследовал огромную, величиною с планшет, фотографию. На сером фоне были отчетливо видны белые крапинки, расположенные ровными рядами и полудугами. Иван Семенович, не считая, прикинул количество:

— Около ста самолетов на одном аэродроме. Это, видимо, базовая точка. Надо бомбить.

— Разрешите готовить эскадрилью? — Скоробогатов собрался уходить.

— Нет, днем сюда соваться опасно. Вряд ли вы пройдете эскадрильей. Да и они ждать не будут, утром разлетятся по своим точкам.

— А хорошо бы ударить...

— И ударим. Лях на месте? Позовите ко мне.

Командир другой эскадрильи майор Лях был опытным ночником. И штурман в его экипаже имел хорошие навыки бомбометания в условиях плохой видимости.

Подошел Лях, доложил о готовности эскадрильи к выполнению задания.

— Лететь придется нам вдвоем,— сказал ему Иван Семенович, — и ночь, и погода слишком плохая. Не каждому по плечу...

Вместе с темнотой на землю наваливалась густая облачность. Два бомбардировщика, вырулив на старт, чуть постояли, словно преодолевая свою нерешительность, а затем резко рванулись на мигающий вдали огонек, служивший ориентиром при взлете.

А у штабной землянки, в наскоро оборудованной «курилке», сидели летчики, жадно затягиваясь папиросным дымом.

Время шло, но люди не расходились. Чувствовалось, что все переживают за комкора и комэску. И задание у них было рискованное, и погода с каждой минутой становилась хуже.

— Да, в такую погодку надо уметь посадить машину.

А Полбин и Лях в этот момент как раз сбросили бомбы. Две серии взрывов брызнули огнем по стоянкам, осветили ряды самолетов, пламя заплясало, перекидываясь с одной машины на другую. Несколько прожекторов взметнули вверх белые рукава, пытаясь нащупать в темноте бомбардировщики. Заговорили зенитки, но было уже поздно.

Домой возвращались на небольшой высоте, по одному, изредка обозначая себя аэронавигационными огнями. Полбин, как более опытный летчик, пропустил Ляха вперед и, напрягая зрение, старался не отставать от него, но и не подходить в целях безопасности близко.

Когда впереди показались известные только нашим ночникам ориентиры, обозначающие аэродром, Иван Семенович сразу же понял, что погода за время их отсутствия еще больше ухудшилась. Но самолет Ляха, кажется, идет хорошо, точно в створ посадочной полосы. Вот он снизился, и сразу же под него, как белую ковровую дорожку, подстелил свой луч прожектор. Облегченно вздохнув, Полбин ввел машину в разворот, но на земле в этот момент произошло что-то непонятное. Мощный взрыв осветил местность, и сразу же погас прожектор,

все погрузилось в темноту. Сначала комкор решил, что во время посадки бомбардировщик Ляха столкнулся с прожектором. Но взрыв обязательно должен был бы вызвать пожар. И тут особым чутьем опытного летчика Иван Семенович определил, что сзади него идет вражеский истребитель. Это он сбросил бомбу и погасил прожектор, а теперь преследует его, выбирая удобный момент для открытия огня.

Ждать не пришлось. Красные стрелы трассирующих пуль, догоняя друг друга, пронеслись сначала у левого крыла, потом сверху, над самой кабиной. Слышно было, как заработал и неожиданно умолк пулемет стрелка-радиста:

— Командир... Я ранен...— слабым голосом доложил он.

Положение становилось все отчаяннее. Мысль лихорадочно работала, отыскивая решение, которое помогло бы выйти из-под удара. Заходить на посадку нельзя. Истребитель только и ждет момента, когда бомбардировщик, выпустив шасси и щитки, потеряет скорость и маневренность. Да и вряд ли успеют на земле в такой короткий срок если не восстановить прожектор, то хотя бы развести костры. Значит, надо ждать, а заодно попытаться освободиться от преследования.

И тут пришла оригинальная идея. В нескольких километрах от аэродрома располагалась большая железнодорожная станция, хорошо защищенная зенитной артиллерией. Увеличив скорость, Полбин направил самолет прямо на эту станцию, своевременно включив сигнал «Я свой!». Видя знакомое сочетание огней, зенитчики пропустили его, но, стоило вслед за ним приблизиться истребителю, он сразу же попал в перекрестье лучей прожекторов. Заработали зенитки, и через минуту-две «мессер» огненной кометой врезался в землю.

Теперь можно было возвращаться на аэродром, где уже успели обозначить кострами начало посадочной полосы. Включив фару, Полбин, помня о том, что стрелок-радист получил ранение, осторожно приземлил машину и, не заруливая, выключил моторы. Подъехала медицинская машина, подбежали люди. Стрелку-радисту помогли выйти из кабины, и после перевязки он был отправлен в санчасть.

— Надо, Феофан Иванович, кого-нибудь к зенитчикам послать за бутылкой,— улыбнулся Полбин, расска-

зывая о ночном полете начальнику штаба,— они получили цель с доставкой на дом.

— Там больше зенитчицы, товарищ полковник,— шуткой на шутку ответил Качев.

— Тогда пусть считают этого фрица моим подарком.

Когда пленки аэрофотоаппарата были проявлены, оказалось, что Полбин и Лях во время ночного налета уничтожили около двух десятков гитлеровских самолетов.

Бочка на Пе-2

Самолет комкора знали на всех аэродромах. Он появлялся всегда неожиданно, будто выныривал из-за леса, с ходу совершал посадку и подруливал к командному пункту. Из кабины стремительно выходил обычно сосредоточенный, чем-нибудь озабоченный Полбин и сразу же, с первых слов, приступал к работе.

Большую симпатию у подчиненных вызывала горячая и безграничная влюбленность Полбина в свою технику. Он, например, не говорил, что бомбардировщик подбит, а говорил: ранен, будто это вовсе и не самолет, а близкий человек. Его буквально коробило, когда кто-нибудь из летчиков сажал самолет грубо.

— Хорошенько осмотрите машину;— приказывал в таких случаях техникам,— нет ли ушибов.

Зато как он ценил тех, кто хорошо знал Пе-2 и мог эффективно использовать его возможности. Однажды летом Иван Семенович прибыл в дивизию к Федору Ивановичу Добышу. Погода была жаркая, большинство экипажей находилось в воздухе. Выслушав доклад командира о боевой работе и внимательно ознакомившись по карте с наземной обстановкой, Полбин решил, как всегда, пройтись по стоянке, поговорить с людьми, почувствовать их настроение.

Шагая по хорошо утоптанной тропинке, он услышал гул приближающегося самолета, отыскал его взглядом и... замер от неожиданности. Пе-2, обыкновенный бомбардировщик, вдруг на его глазах лег на крыло, потом на спину, на второе крыло и как ни в чем не бывало продолжал полет. Летчик на тяжелой машине, неприспособленной к выполнению подобных фигур, выполнил бочку. Это было похоже на сон. Но невидимый пилот, словно

желая убедить комкора, еще раз четко и уверенно повернул Пе-2 вокруг продольной оси.

— Кто в воздухе? — строго спросил Полбин у подвернувшегося под руку инженера.

— Старший лейтенант Панин. Возвращается с задания.

— Самолет осмотреть, Панина ко мне!

Притихшие летчики только вздыхали, когда Борис Панин после посадки шел на доклад к Полбину:

— Врежет на полную катушку.

— Да, за такое дело...

— Товарищ командир...

— Знаю. Видел. Давайте все по порядку.

— Виноват, товарищ командир.

— При чем здесь «виноват»! — вспылил Полбин. — Пусть с этим Добыш разбирается, а меня интересует техника выполнения бочки.

Панин не сразу переключился с положения провинившегося, но постепенно голос его окреп, и он стал объяснять, как действовал рулями и как самолет реагировал на каждое движение штурвала и педалей. Слушая его, Полбин задавал один вопрос за другим.

Специалисты, осмотревшие машину, на которой летал Панин, доложили, что никаких деформаций нет, самолет исправен и готов к очередному полету.

— Хорошо, — сказал Полбин и уехал, оставив всех в недоумении.

Федор Иванович Добыш объявил Панину трое суток ареста за нарушение летной дисциплины. И наверное, этот эпизод был бы забыт, но однажды над аэродромом снова появился бомбардировщик и начал выполнять бочки. Они были удивительно четкими: самолет, вращаясь, мягко вписывался в небо.

— Кто-то еще захотел на гауптвахту,— говорили летчики,— Добыш и этому врежет...

Но чем ближе самолет подходил к аэродрому, тем удивленнее становились лица наблюдавших за ним. А когда, приземлившись, бомбардировщик начал подруливать к командному пункту, ни у кого уже не оставалось сомнения, что бочки на Пе-2 выполнял сам Полбин.

— Чудо, а не машина,— говорил он, отстегивая парашют и улыбаясь,— с истребителем можно выходить один на один.

— А Панин трое суток отсидел,— сказал кто-то сквозь смех.

— И правильно, что отсидел,— Иван Семенович сразу же сделался серьезным.— Для того чтобы сделать несколько бочек, я с десяток вечеров потратил на расчеты. Уже после того, как Панин выполнил эту фигуру. Надо было цифрами доказать, что аэродинамика и прочность самолета позволяют крутить на Пе-2 бочки.

— Значит, можно? — воскликнул один из летчиков.

— Можно, но не нужно. Я сегодня просто хотел показать, как послушен наш самолет воле человека. И не больше. Практического применения данной фигуры на бомбардировщике не вижу. А ради спортивного интереса резвиться запрещаю. Во всем должен быть трезвый расчет.— И, обращаясь к Добышу, добавил:— Думаю, всем все ясно. Но если кто-то не понял и попытается экспериментировать, посылайте его туда же, где побывал Панин. И бумагу в руки давайте, пусть вместо полетов расчетами занимается.

Все заулыбались, а Полбин, отыскав глазами Панина и обращаясь вроде бы только к нему, предупредил:

— Риск только тогда оправдан, когда без него обойтись нельзя. Человек бросается под поезд, спасает ребенка, а сам погибает. Это умный и благородный риск. Другой же просто торопится, перебегает железнодорожное полотно и тоже попадает под поезд. Но кому нужна такая смелость? Никому.

Подождав, когда большинство бомбардировщиков приземлилось, Иван Семенович объявил Добышу о цели своего прилета на аэродром.

— Некоторые летчики, Федор Иванович, знаете почему с трудом осваивают бомбометание с пикирования? Они боятся, что самолет не выдержит перегрузок и развалится. Вместо пикирования у них получается планирование. Штурвал никак не могут от пупа оторвать.

— Кое у кого есть такая болезнь. Особенно тогда, когда надо бомбить с углом 60—70 градусов.

— Вот я и решил сегодня для вашей дивизии выполнить показательный полет. Соберите всех, кто свободен, пусть рассядутся вот у этих капониров...

Прямо от командного пункта бомбардировщик пошел на взлет и начал стремительно набирать высоту. Лишь на несколько минут он скрылся из глаз наблюдавших за полетом, а потом снова появился над аэродро-

мом. Вот он поравнялся с посадочной полосой. С земли было видно, как летчик выпустил тормозные решетки. И сразу же не резко, но не вяло, опустив нос, вошел в пикирование. Все приподнялись. Бомбардировщик шел к земле под углом 90 градусов, выдерживая вертикальное положение. Потеряв около километра высоты, он энергично и уверенно описал дугу, переходя в набор высоты.

— Вот это да! — послышались восклицания.— Так можно и мухе в глаз попасть, бомба пойдет без малейших отклонений.

А Полбин, сделав еще один заход, снова, но уже с другим курсом ввел машину в такое же отвесное пикирование.

— У нас не «пешка», а настоящий «ферзь», — подал голос Панин.

— Если в хороших руках,— поправил его Добыш и добавил:— Вот за такую фигуру я тебя не буду наказывать. Тут прямая зависимость: чем круче пикирование, тем точнее бомбы ложатся в цель.

С этого дня в дивизии, как и всем корпусе, экипажи начали осваивать бомбометание с углом пикирования 60—70 градусов.

Вернувшись в штаб корпуса уже поздно вечером, Полбин наскоро поужинал и, уединившись в своем кабинете, приступил к работе. Это стало для него неписаным правилом: в конце каждого дня осмысливать увиденное, подводить итоги сделанного. Заодно он просматривал почту, отвечал на письма, готовил статьи для газет и журналов. В такие минуты адъютант и дежурный по штабу ревниво оберегали командирский кабинет, разрешая вход в него только в экстренных случаях, не требующих отлагательства.

Но в этот день все получалось иначе. Не успел Иван Семенович разложить на столе бумаги, вошел дежурный:

— Товарищ полковник, для дальнейшего прохождения службы в наших частях прибыл штурман...

— Направьте в отдел кадров.

— Он просится к вам на прием.

— Я занят. Разместите, пусть подождет до завтра.

— Старший лейтенант говорит, что он ваш родственник. Пашков его фамилия.

— Пашков? Александр? — Полбин привстал и заулыбался.— Чего же вы молчите! Пусть заходит.

И вот перед ним стоит высокий худощавый офицер:

— Штурман старший лейтенант Пашков прибыл в ваше распоряжение.

Полбин шагнул навстречу брату Марии Николаевны, обнял его:

— Ну, здравствуй, Саша! Рассказывай, что нового. Маня писала, был ранен?

— Да, немного зацепило,— Александр показал рукой на плечо.— Теперь подлечился.

— Моих не видел?

— Как же не видел? Был у Мани после госпиталя. Ребята такие забавные. Витя совсем большой, учится хорошо. А Галя — просто чудо-девочка...

Позабыв про все на свете, Иван Семенович жадно вслушивался в каждое слово своего шурина, заставлял его несколько раз повторять одно и то же, показывать, как именно ходит Галка, что говорит, вспоминает ли про отца. Он волновался, то вскакивал, то садился за стол, вздыхал, улыбался, хмурился.

Потом, спохватившись, сделался серьезным:

— Ну хватит про них. Рассказывай о себе. Знаю, что летал. Интересовался. Слышал, стал кандидатом в члены партии.

— Уже принят в члены.

— Молодец. Вот это по-моему. А ко мне как попал? Просился? Только откровенно.

— Нет, товарищ полковник,— Александр сразу стал колючим,—наоборот, когда узнал, что буду служить под вашим командованием, хотел, чтобы направили куда-нибудь еще...

— Что так? Не нравится, когда говорю правду в глаза? Или боишься, что буду по-родственному покровительствовать?

— Этого, Иван Семенович, я не боюсь. Слава богу, знаю вас.

— Значит, плохо знаешь. Покровительствовать могу. Сам буду следить, чтобы давали ответственные задания. Только в бою, в борьбе человек становится человеком, а штурман штурманом.

— Мне хочется летчиком стать.

— Ах, ты вон о чем! — воскликнул Полбин.— Об этом забудь. Вернее, пока забудь. Мне вот так,— он провел по горлу ребром ладони,— нужны опытные штурманы. Осень. Сложная погода. И ориентироваться надо

уметь, и бомбить. Я, пожалуй, за хорошего штурмана лучшего летчика отдам.

— Так я и знал,— вздохнул Александр,— вас не уговоришь. А где-нибудь еще могло быть иначе.

— Почему же меня не уговоришь? Уговорил. Обещаю, что станешь летчиком. — И, видя, как обрадованно вскочил Пашков, добавил с улыбкой:— После войны. Вот добьем немца и начнем осуществлять свои мечты. Я поеду повидаться со своей семьей, а ты в летное училище. Договорились? Вот и отлично. Назначение получишь завтра.

Когда Пашков вышел, Иван Семенович достал из планшета фотографии жены и детей, поставил их перед собой на стол и долго сидел, задумчиво улыбаясь.

В интересах пехоты

В просторной комнате, служившей и приемной командующего, и кухней, и столовой, было людно. В глазах рябило от орденов, геройских Звезд и генеральских погон. Командиры соединений, обычно сдержанные и строгие, оказавшись на время без подчиненных, были похожи на школьников во время большой перемены. Собравшись кучками, они рассказывали смешные истории и по-фронтовому подшучивали друг над другом, довольные тем, что совещание, назначенное на 10 часов утра, задерживалось.

Только полковник Полбин, которому предстояло выступать с докладом, не принимал участия в этом незапланированном веселье. Присев вместе с генералом Качевым на низкий скрипучий топчан, он торопливо вносил поправки в отпечатанный на машинке текст. Начальник штаба изредка что-то подсказывал ему, придерживая рукой планшет, лежащий на коленях комкора.

— Думаю, что меня поддержат, Феофан Иванович,— говорил при этом Полбин,— командующий сам просил рассказать об ударах с пикирования.

— Поддержим, обязательно поддержим! — раздался рядом густой раскатистый бас.

Полбин оторвал глаза от бумаг и обрадованно заулыбался. Перед ним стоял полковник Федор Котляр. Передав доклад Качеву, Иван Семенович вскочил и крепко обнял подошедшего:

— Знакомьтесь, Феофан Иванович, это мой однокашник по училищу Феодосий Порфирьевич Котляр. Для меня он, правда, всегда был Федором. Когда генерала-то получишь?

— По секрету? — Федор притянул Полбина и зашептал на ухо:— По агентурным данным, представление уже оформлено. Я ведь командую дивизией. Прибыл вот послушать тебя и поучиться, как надо гитлеровцев выкуривать из-под земли.

Дверь в смежную комнату широко распахнулась, адъютант командующего пригласил всех на совещание. Полбин делал доклад обстоятельно, горячо доказывая преимущества пикирующего удара, используя многочисленные схемы и цифровые данные. Котляр, вслушиваясь в каждое слово старого товарища, удивлялся его высокой теоретической подготовке и большому объему проведенной им работы, которую можно было назвать исследовательской. А ведь Полбин не имел высшего образования, ему до всего приходилось доходить самому, своим природным умом.

После совещания Полбин с Котляром, отделившись от остальных, долго гуляли по лесной опушке. Было тихо, не слышалось канонады, над полем висели жаворонки, в лесу настойчиво выстукивал «морзянку» дятел.

— Мой 35-й гвардейский у тебя, Федор?

— У меня. Мы в дивизии так его и зовем: «Полбинский».

— Ну это лишнее,— Иван Семенович покраснел,— зря ты, Федор.

— Я? — Котляр засмеялся.— Да разве такому людей заставляют? Они сами называют себя полбинцами. Моей заслуги тут нет. Вот зависть есть, простая человеческая зависть. Хотелось бы, чтобы и меня вот так помнили, как тебя...

Вдалеке послышался рокот моторов. Механики запускали командирские По-2. Пора было расставаться. Впереди у Полбина и Котляра были трудные дни и ночи большого наступления.

В конце июля основная группировка войск Воронежского и Степного фронтов, преследуя отступающие части противника, сосредоточилась севернее Белгорода. Стремясь любой ценой задержать наступающих, гитлеровцы готовили город к круговой обороне, превратив его в мощный узел сопротивления.

Учитывая создавшуюся обстановку, Советское командование приняло решение прорвать оборону на стыке гитлеровской 4-й танковой армии и оперативной группы «Кемпф». В целом же наступление разворачивалось на фронте шириной 200 километров. 2-я воздушная армия, в состав которой входил корпус Полбина, поддерживала наступающие войска с воздуха.

Расстелив на двух столах, сдвинутых вместе, крупномасштабную карту, Полбин внимательно оценивал создавшуюся обстановку.

— Действуем в интересах пехоты,— говорил он не то начальнику штаба, не то самому себе, задумчиво разглядывая многочисленные условные знаки,— в интересах пехоты...

Прежде всего он приказал чертежникам «поднять» на карте те участки, которые больше всего защищены зенитной артиллерией. И сразу же стало ясно, что в районе Белгорода было больше всего вражеских батарей.

— Передайте, Феофан Иванович, в полки, — комкор обращался к начальнику штаба генералу Качеву, — пусть вот так же, как мы, «приподнимут» каждую зенитную батарею врага и назначат лучшие экипажи для их уничтожения. По сигналу они должны вылетать первыми и вывести из строя зенитки. Только после этого можно будет остальным эффективно и без больших потерь действовать по основным целям.

Генерал Качев вышел, чтобы отдать необходимые распоряжения, а когда вернулся, Полбин уже подготовил новую вводную:

— Первый удар должен быть концентрированным. Надо оглушить противника. Иначе пехоте будет трудно выкурить его из укреплений. Сколько машин мы можем поднять одновременно?

— Сто пятьдесят экипажей находятся в полной готовности.

— Пойдем двумя группами. Но предупредите командиров полков, массированный удар — это не значит безликий, массовый. Каждое звено должно иметь свою четко определенную цель, бомбы бросать точно, а командиры будут нести личную ответственность за выполнение поставленной им задачи.

Качев внимательно слушал комкора, делая пометки в записной книжке.

— Предупредите всех, и в первую очередь инжене-

ров: время на дозаправку машин и подвеску бомб нужно свести до минимума. Вторая группа еще над целью, а первая уже снова поднимается в небо. Повторно пусть идут не сразу, не всем полком, а эскадрильями. Так, пожалуй, будет лучше.

Помолчав, давая возможность Качеву дописать распоряжение, он продолжал:

— Для повторных полетов пусть подвешивают бомбы среднего калибра, в том числе побольше осколочных. Действовать придется уже на поле боя, по пехоте. Причем боевую нагрузку не сбрасывать сразу, а распределять на два-три захода, чередуя бомбометание со штурмовкой. Надо, чтобы воздействие с воздуха было непрерывным, чтобы наши самолеты все время висели над вражескими позициями. Это будет внушительное моральное давление.

Ранним утром 3 августа из штаба фронта поступил сигнал о начале наступления. Более 150 пикировщиков, поднявшись с прифронтовых аэродромов, взяли курс на Белгород. Небо и земля, казалось, смешались вместе, потонули в море огня. Бомбардировщики и штурмовики обрушили на вражеские укрепления целую лавину бомб.

Во время первого удара на командный пункт стали поступать от командиров групп тревожные сигналы:

— Очень плотный заградительный огонь...

— Уничтожайте зенитки! Все внимание на них!

Прошло немного времени, донесения стали спокойнее. Теперь уже сам Полбин спрашивал у командиров групп:

— Как зенитчики?

— Успокоились, — звучали в ответ бодрые голоса. — Все идет по плану...

Иван Семенович любил эту фразу: «Все идет по плану». Значит, ни его, ни подчиненных ему командиров не подвело предвидение. Они правильно оценили обстановку и приняли верное решение. А это, как считал Полбин, во многом определяет успех.

Мощный бомбовый удар по узлам сопротивления на окраинах Белгорода позволил почти полностью парализовать огневую систему противника. Наземные части, используя этот удар, ворвались в город.

Казалось, можно было немного расслабиться, но Полбин, наоборот, приказал выслать в район боевых действий дополнительные экипажи разведчиков, называя это доразведкой «на себя». Он был почти уверен, что гитле-

ровцы не успокоятся, потеряв Белгород, будут предпринимать контратаки. И в этот момент очень важно именно пикирующим бомбардировщикам своевременно вскрыть замысел противника и помешать его осуществлению.

Не прошло и нескольких часов, как от одного из разведчиков поступило сообщение о том, что из района Харькова в сторону Белгорода устремилась бронированная колонна численностью до 500 танков. Задачу ее было нетрудно определить. Получив сведения о прорыве обороны, гитлеровское командование решило прикрыть основную коммуникацию, задержать стремительное продвижение наших войск и дать возможность своим частям произвести перегруппировку и подготовиться к обороне на запасных рубежах.

Наступил момент, когда Полбин должен был ввести в бой свой резерв. Десятки опытных экипажей, еще не принимавших участия в сражении, поднялись в небо. Задачу им ставил лично командир корпуса:

— Обнаружив танки, немедленно уничтожить их, не допустить выдвижения резервов противника к Белгороду. Бомбометание производить только с пикирования, с углом 60—70 градусов.

А над колонной танков все время висели разведчики, открыто передавая на командный пункт данные о ее движении, об изменениях погоды, о наличии вражеских истребителей. Оперативный дежурный наносил эти данные на карту, и Полбин, сообразуясь с обстановкой, поднимал в небо новые группы пикировщиков. Выдвижение противника было приостановлено, десятки танков оказались подбитыми или уничтоженными. Наши войска получили возможность сразу же после взятия Белгорода развивать наступление на Харьков.

Но, как это часто бывает во фронтовой обстановке, вдруг оказалось, что одна из высот у Белгорода, занимаемая противником, позволяет ему контролировать значительный участок местности.

— Группу Сенникова в воздух! — приказал Полбин. — Цель — огневые точки и живая сила на высоте в квадрате пять...

Сенникова, как опытного пикировщика, он держал в резерве до последнего момента, зато в критическую минуту мог не сомневаться, что его задание будет выполнено безукоризненно. Группа Сенникова внезапно по-

явилась над злополучной высотой, забросала ее бомбами. И тут же, пока гитлеровцы не опомнились, в атаку поднялась пехота. Ворвавшись в расположение противника, наши войска, не встретив особого сопротивления, заняли господствующую высоту.

Получив это известие, Полбин попросил у генерала Качева папиросу:

— Ты же некурящий, — удивился тот, протягивая ему портсигар.

— Хочу понять, чем вас табак привлекает, — улыбнулся Иван Семенович и, неумело затягиваясь, смешно выпустил дым через нос. Но тут же закашлялся и бросил папиросу в урну.— Гадость какая-то.

— Видно, ты, Иван Семенович, создан не курить, а давать прикуривать, — захохотал Качев, — в интересах пехоты.

Над Днепром

Чем стремительней и дальше откатывались под ударами Красной Армии гитлеровские войска, тем чаще слышалось слово «Днепр». Вглядываясь в карту, через которую широкой извилистой лентой тянулось русло могучей реки, Полбин, кажется, чувствовал ее дыхание.

— Вот посмотри, Иван Семенович, что гитлеровцы говорят, — генерал Качев протянул ему лист бумаги с отпечатанным текстом. — Это показания пленного немецкого летчика.

Комкор с любопытством взял из рук начальника штаба бумагу. «У нас официально утверждают, что теперь государственная граница Германии будет проходить по Днепру, — прочитал он. — В связи с этим приказано вывести на правый берег решительно все ценности, включая рабочую силу из среды местного населения. Нам поставлена задача усилить охрану мостов и не допустить ни одного советского самолета в зону Кременчуга и Днепропетровска».

— А мы с тобой ждем, когда нам поставят очередную задачу, — улыбнулся Полбин. — Вот она — уничтожать мосты. Надо готовиться.

Повернув карту так, чтобы лучше видеть оба моста у Днепропетровска, он быстрыми и легкими движениями карандаша «приподнял» их. Сразу понятнее стало их положение. По одному шла железная дорога, связыва-

ющая Кривой Рог и Сталино, по другому — Николаев и Павлоград. С этими же мостами была связана станция Лозовая, важный железнодорожный узел.

— Да, Феофан Иванович, это настоящие ворота на запад, — Иван Семенович подпер лицо ладонью и задумался. — Это горло, через которое питаются гитлеровские войска, находящиеся вот здесь, — он обвел широкий участок на восточном берегу реки. — Но будет нелегко перерезать это горло.

— Зениток понатычут, нагонят истребителей, — поддержал начальник штаба.

— И не только в этом дело. Мост вблизи кажется широким, а с воздуха — просто ниточка. И в эту ниточку надо попасть. Причем не одной бомбой.

Состав групп, которым предстояло выполнить сложную и очень важную задачу, командир корпуса назначал лично сам. Первым, на кого пал его выбор, был гвардии подполковник Новиков со штурманом гвардии капитаном Кругловым. Новиков со своими экипажами уже имел опыт уничтожения такого рода целей. Ими был в свое время разрушен мост через Мжу в районе Мерефы. Несмотря на сильное огневое противодействие, пикировщики сумели тогда выполнить задачу, выбив из рук гитлеровцев важную железнодорожную магистраль и лишив их возможности своевременного подтягивания резервов.

Вторую группу возглавлял гвардии капитан Скоробогатов со штурманом гвардии старшим лейтенантом Мамаем. Этот экипаж также участвовал в налете на мост через Мжу и тоже проявил себя с самой лучшей стороны. Но Полбин, несмотря на это, не склонен был считать, что обе девятки уже готовы к выполнению задания. Он хорошо знал их недостатки. В обеих группах недостаточно четко получалось перестроение в кильватерную колонну, а это могло повлиять на точность бомбометания. Да и после вывода из пикирования экипажи не умели быстро пристраиваться к ведущим, что привело бы к неоправданным потерям.

Для устранения этих ошибок командир корпуса провел специальное учение, предварительно изучив с летным составом необходимые теоретические вопросы. Действуя на полигоне, экипажи отработали умение быстро набирать высоту, выполнять противозенитный маневр, осуществлять управление группой по радио, перестраивать-

ся для захода на цель и занимать место в строю после сброса бомб в условиях сильного зенитного огня и атак истребителей.

После учения, сделав детальный разбор, Полбин продемонстрировал его участникам показной полет. Ведомыми у него были командиры групп и их заместители. Пятерка полностью выполнила все эволюции, необходимые для захода на цель, для атаки с пикирования и повторного бомбометания.

Все участники учения понимали, что им предстоит выполнить очень важный удар, но до последнего момента истинная цель держалась в секрете. Об уничтожении мостов в районе Днепропетровска командиры групп узнали только накануне вылета, а экипажи — уже на аэродроме подскока.

На рассвете, когда видимость была еще очень плохая, самолеты тройками совершили взлет и осуществили сбор. Здесь же к ним пристроились истребители. Девятками в клину звеньев группы взяли курс на Днепропетровск. По маршруту шли на эшелоне 5000 метров, а на подходе к цели, выдерживая дистанцию 400—500 метров, с приглушенными моторами снизились до трехкилометровой высоты, и уже отсюда под углом пошли в атаку на мосты.

Удар был настолько внезапным для гитлеровцев, что их зенитки заговорили лишь после того, как бомбардировщики, освободившись от бомб, взяли курс на свою территорию.

Фотоконтроль показал, что один мост разрушен частично, другой получил незначительные повреждения. Полбин был явно недоволен результатами налета.

— Мы только на время дезорганизовали движение через Днепр. Оба моста подлежат восстановлению. А в то же время, если бы половина бомб, брошенных пикировщиками, попала точно в цель, от мостов остались бы одни воспоминания.

— Но, товарищ полковник, даже теория вероятности не предусматривает попадание каждой второй бомбы в такую цель,— бросил реплику один из летчиков.

— Это точно: не предусматривает. Но надо изучать не только теорию вероятности, а и свою практику, свои ошибки. Качество бомбометания могло быть выше, если была бы меньше высота ввода в пикирование и на цель самолеты заходили под меньшим углом.

Командир корпуса тут же на доске нарисовал две схемы. Одна показывала, как действовали группы бомбардировщиков, на другой был изображен наиболее эффективный вариант бомбометания.

— На цель надо заходить под углом 60 градусов,— говорил он,—пикирование начинать не с трех тысяч, а с 2500 метров, бомбы бросать с высоты 1600 метров. — Остановившись, Полбин обратился к летчикам и штурманам:— Все это запишите, зарисуйте и запомните. Мостов на нашу долю хватит. Впереди у нас будет много рек и речек.

Не прошло и недели, как пикировщикам была поставлена задача атаковать шоссейный мост у Кременчуга. И снова одну из двух групп на задание повел гвардии подполковник Новиков. Только на этот раз самолеты заходили на цель не звеньями, а одиночно, чуть снижена была также высота ввода в пикирование и сброса бомб. В первом же заходе прямым попаданием удалось опрокинуть в реку один из пролетов. Во втором заходе и железнодорожный, и шоссейный мосты обрушились. Гитлеровцы вынуждены были оставить на левом берегу Днепра немало техники, захваченной в ходе наступления нашими войсками.

— На прошлом подведении итогов кто-то говорил о теории вероятности — так Полбин начал разбор полетов после выполнения этой боевой задачи.—Но вот цифры. На этот раз количество попаданий и меткость бомбометания возросли вдвое. Потерь у нас нет. Экипажи действовали смелее. Значит, можно решать боевые задачи мастерски? Можно и нужно.

На стенах в учебном классе были развешаны схемы, графики, увеличенные кадры аэрофотосъемок.

— А теперь поговорим об ошибках. Их тоже было немало,—продолжал Полбин.— Почему у одних экипажей отклонения были больше, у других меньше? Обратите внимание — точнее удары были у тех, кто атаковал мост под углом, равным 15—20 градусам по отношению к продольной стороне объекта. У кого этот угол был больше или меньше, у того и бомбы шли мимо цели. А вот на этих снимках,—комкор указкой показал несколько увеличенных кадров,—видно, что бомбометание вообще было неприцельным. Видимо, летчик во время пикирования не сосредоточивал внимание на объекте атаки, а следил за ведущим и только по нему строил маневр. Это наводит

на мысль в будущем действовать по таким целям, как мосты, меньшими группами, чтобы у экипажей было больше свободы маневра и самостоятельности...

Полбин умел, подводя итоги, говорить о задачах, оценивать ошибки через призму будущих боев. Комкор не просто говорил летчику или штурману: «Ты ошибся», он убеждал его: «Ты делал так, а надо делать вот так. Запомни и запиши». С разборов боевых действий, проводимых Полбиным, люди уходили с таким видом, будто получили новую боевую задачу.

Комбинированный бой

В середине октября все полки облетела весть о том, что командир корпуса награжден орденом Отечественной войны I степени.

— Это тебе за Белгород и Харьков, — говорил командующий воздушной армией, вручая Полбину награду.— Хорошо твои орлы поработали.— И протянул Ивану Семеновичу целую кипу бумаг:— Познакомься, что пишут командиры наших наземных частей, а также те, кого мы били.

Когда командующий уехал, Полбин решил перечитать переданную ему почту. Тут были и телеграммы, и наскоро записанные карандашом телефонные сообщения, и перепечатанные на машинке протоколы допросов пленных. «В результате действий бомбардировщиков,— читал он,— оборона противника прорвана. Наблюдались сильные взрывы и пожары. Наши войска пошли вперед и передают большое спасибо вашим летчикам».

Иван Семенович посмотрел дату, когда поступила эта телеграмма, и сразу же отчетливо вспомнил, как по просьбе командира стрелковой дивизии, действующей на подступах к Харькову у населенных пунктов Таврово и Бродок, он высылал группу пикировщиков под командованием майора Пчелкина. В результате прицельного удара артиллерийские позиции и узлы сопротивления противника были разрушены, и наши наземные части успешно продвинулись вперед.

«Взятый в плен немецкий офицер,— сообщалось в другом документе,— из 107-го артиллерийского полка 106-й пехотной дивизии показал на допросе, что в результате бомбовых ударов наших пикировщиков его

полк потерял почти все орудия и 75 процентов личного состава». И сразу подумалось, что надо выбрать время, чтобы довести до личного состава все эти сообщения.

...Прошло чуть более недели после вручения награды, когда из штаба фронта поступил приказ нанести удар по узловой железнодорожной станции, где скопилось несколько составов с вражеской техникой и оружием. Выполнение этой сложной задачи Полбин поручил гвардейскому 82-му бомбардировочному полку из дивизии Добыша.

— Готовь, Федор Иванович, две эскадрильи — Скоробогатова и Белявина,—приказал он комдиву.— Сколько у них экипажей в строю?

— Шестнадцать.

— С моим будет 17. Группу поведу сам.

Во время подготовки к полету было решено сделать по станции два захода для бомбометания с пикирования и третий заход для штурмовки. Начинать атаки намечалось с высоты 2500 метров, бросать бомбы с 1600. Но обстановка сразу же внесла свои поправки. Небо в районе цели было закрыто сплошной облачностью. Высота ее нижней кромки не превышала 600 метров. Ни о каком пикировании не могло быть речи.

— Действуем по второму варианту,—передал Полбин ведомым.

Первый заход оказался удачным. После сброса бомб было хорошо видно, как запылали на железнодорожных путях два эшелона. Для большей уверенности следовало повторить удар, но во время разворота Полбин неожиданно увидел, что соседняя станция, находившаяся всего в нескольких километрах от первой, еще плотнее забита составами.

— Всем за мной!— передал он по радио ведущим групп и начал строить маневр для бомбометания по другому объекту.

Сильные взрывы и многочисленные пожары показали, что дополнительная задача, оперативно поставленная группе, вполне оправдала себя. Полбин собрал группу и развернулся на обратный курс. Истребители прикрытия, которыми командовал гвардии майор Носов, как и было условлено, следовали чуть выше и сзади. Прошло несколько минут, когда командир корпуса увидел впереди 18 вражеских бомбардировщиков Ю-87. Они тяжело и медленно шли на восток, полностью загруженные бом-

бами. Полбин качнул крылом: «Внимание! Атакуем!» Команда была настолько неожиданной и необычной, что многие командиры экипажей не сразу поняли ее. Комкор решил идти в атаку на воздушные цели. Такого, чтобы бомбардировщики навязывали бой в небе бомбардировщикам, еще не было. Но Полбин стремительно сближался с колонной Ю-87.

Постепенно к людям пришла уверенность. У каждого летчика Пе-2 есть прицел, есть пулемет. Кроме того, штурман и стрелок-радист могут использовать свое оружие. Самолет легок в управлении, имеет преимущество в скорости над вражескими бомбардировщиками. Почему бы не навязать бой перегруженным, а оттого неуклюжим и неповоротливым Ю-87?

Но надо было родиться Полбиным, чтобы вот так, молниеносно, без колебаний, принять дерзкое и смелое решение. Никто ведь не знал, как и чем может закончиться подобный бой, какие неожиданности придется встретить атакующим, как поведут себя атакованные. Это был бой со множеством неизвестных.

Видимо, и гитлеровцы не ожидали, что на них нападут бомбардировщики. Они видели, как к ним приближались Пе-2, но до последнего момента не предпринимали ни малейших попыток выйти из-под удара. Группа гвардии майора Носова в это время уже завязала воздушный бой с истребителями прикрытия противника.

Воспользовавшись растерянностью вражеских бомбардировщиков, Полбин сблизился на самое минимальное расстояние с одним из Ю-87 и с 80 метров дал очередь. Фашистский самолет сразу же окутался дымом и, потеряв управление, камнем пошел к земле. Эта победа окрылила атакующих. Следом за Полбиным поджег Ю-87 гвардии лейтенант Павел Плотников. Третий попал под огонь стрелка-радиста гвардии сержанта Серебрянского.

Группа бомбардировщиков противника, ошеломленная дерзкой атакой Пе-2, потеряла управление. Самолеты стали один за другим выпадать из строя, в панике сбрасывали куда попало бомбы и, маневрируя, уходили восвояси.

Бой этот разворачивался невдалеке от вражеского аэродрома. Еще до сближения с группой Ю-87 Полбин передал ведущему замыкающей пятерки приказ атако-

вать самолеты, находящиеся на стоянке и на взлетной полосе. Эта предупредительность сыграла большую роль. Наша пятерка своими штурмовыми действиями лишила противника возможности послать в воздух подкрепление, уничтожив при этом несколько самолетов.

Всего гитлеровцы во время непродолжительного боя потеряли 13 машин. 7 из них были сбиты истребителями гвардии майора Носова, а 6 — бомбардировщиками Полбина.

Молва о необычном воздушном бое быстро разнеслась по всем авиационным соединениям. Командующий воздушной армией, в которую входил корпус Полбина, позвонил по телефону:

— Слышал, Иван Семенович, о твоих делах. Молодец. Будем обобщать твой опыт, надо, чтобы и другие вот так, как ты, умели брать от техники все, на что она способна.— И сразу же, без паузы:— А у меня для тебя тоже есть радостная весть. Вот передо мной номер приказа и телеграмма от маршала Новикова. Он поздравляет тебя с воинским званием «генерал-майор авиации». Понял? И я тебя от души поздравляю.

Удар по Знаменке

В осенне-зимний период сорок третьего года Полбину все чаще приходилось посылать пикировщиков для бомбометания по железнодорожным станциям. Генерал Качев, получив очередное задание из штаба соединения, положил телеграмму перед Иваном Семеновичем и сказал улыбаясь:

— Соседи нас в шутку железнодорожниками называют. Что ни день, то налеты на станцию.

— А знаешь, почему? — Полбин к шутке отнесся серьезно.— Гитлеровцы, Феофан Иванович, потеряли огромное количество своего автомобильно-гусеничного парка. А сейчас распутица, на носу зима. Железная дорога становится для них главным средством военных перевозок.

— Что верно, то верно,— согласился Качев.— И по данным разведки, они стали куда больше внимания уделять железным дорогам. Огромные силы бросают на восстановление путей и на охрану грузов.

Полбин с минуту помолчал, обдумывая сказанное начальником штаба, затем одновременно и приказал и посоветовал:

— Надо в программу подготовки пикировщиков внести специальный раздел: «Действия по железнодорожным станциям и узлам». У нас пока еще эти объекты считаются целями площадного характера. А это — глубокое заблуждение. Железнодорожный узел не простое нагромождение путей и построек. Там все имеет свое определенное значение, свою ценность. И если, например, экипаж добился прямого попадания по железнодорожному пути, надо еще посмотреть, а какой путь разрушен. Если объездной, то эффективность удара не так уж и высока, другое дело — если повреждены основные пути, причем не где-нибудь, а на стрелках или на входных магистралях. Исходя из таких критериев, нам и следует разработать нормативы оценок.

Во всех полках корпуса началась хорошо организованная подготовка экипажей к выполнению бомбометания по железнодорожным узлам. В самый разгар подготовки разведчики зафиксировали оживленную работу гитлеровцев на станции Знаменка. Именно здесь перерабатывалось и формировалось большинство военных составов, направляемых гитлеровцами на фронт с запада и юго-запада. Кроме того, в районе Знаменки, как было установлено при дешифрировании снимков, сосредоточены армейские и фронтовые склады боеприпасов, горюче-смазочных материалов и продуктов питания.

Гвардии капитан Гусенко, которому была поставлена задача нанести группой пикировщиков удар по станции, внимательно изучил воздушную и наземную обстановку в Знаменке. В результате доразведки, произведенной накануне вылета, было установлено, что на путях находятся 4 эшелона, направляемых на восток и столько же эшелонов, предназначенных для эвакуации награбленного на запад. Узел прикрывали 10 зенитных батарей различного калибра, в воздухе непрерывно патрулировали 1—2 звена истребителей.

Генерал Полбин, принимавший непосредственное участие в подготовке группы, лично распределил цели между звеньями:

— Гвардии старший лейтенант Гапеёнок своим звеном наносит удар по выходным стрелкам и горловинам путей, идущих на запад и юго-запад. Звено гвардии лей-

тенанта Смирнова уничтожает эшелоны и склады. Звену гвардии лейтенанта Бондаренко необходимо разрушить пути, идущие на восток.

На рассвете следующего дня обеим группам предстояло выполнить трудное задание.

В день вылета в районе цели была пятибалльная облачность с нижней кромкой чуть более 500 метров и густая дымка.

Не доходя до Знаменки, Гусенко подал сигнал увеличить дистанцию и интервал между самолетами. Это давало возможность экипажам свободнее маневрировать и осуществлять индивидуальное прицеливание. Заход на цель был выполнен со стороны солнца, что затрудняло зенитчикам наблюдение за воздухом и ведение огня. С высоты 3000 метров бомбардировщики входили в крутое пикирование и, тщательно прицелившись, сбрасывали бомбы.

Во время первого же захода на станции произошел взрыв огромной силы. Пламя пожара и густые клубы дыма заволокли территорию узла. За первым взрывом последовала целая серия других, поменьше,— это взлетали в воздух склады и вагоны со снарядами. Было уничтожено до 50 пульмановских вагонов с артиллерийскими снарядами, 3 паровоза, 20 цистерн с горючим для автотранспорта, взорван фронтовой склад боеприпасов, разрушена железнодорожная рамка и горловина путей, сожжено несколько штабелей угля и лесоматериалов. Кроме того, пикировщикам удалось уничтожить зенитную батарею вместе с прислугой.

Но через несколько дней разведчик, побывавший над Знаменкой, доложил, что гитлеровцы развернули лихорадочные работы по восстановлению узла. На фотопленках было отчетливо видно, как ремонтники пытаются отремонтировать горловины входных и выходных путей, стремясь наладить движение через станцию.

Ознакомившись с данными разведки, Полбин поставил задачу той же группе Гусенко нанести повторный удар по Знаменке, чтобы завершить начатое дело и окончательно вывести узел из строя.

Группа Гусенко во время нового удара сделала два захода на бомбометание и два — на штурмовку. Пикировщики уничтожили еще 10 вагонов со снарядами, разбили вагонное депо, стрелочный пост, восточную горловину путей. В шести местах было разбито железнодо-

рожное полотно. Под бомбами, осколками и пулями погибло более 150 немецких солдат и офицеров.

Восстановительные работы в Знаменке были окончательно сорваны и уже не возобновлялись.

Письма 1943 года

Если бы Полбин в конце каждого письма не ставил число и месяц, все равно по их тону было бы нетрудно определить, откуда и когда они пришли. С присущей ему эмоциональностью он радовался нашим победам, с воодушевлением рассказывал о своей боевой работе.

3 марта. «Маня, посылку вашу получил 27.2.43 г. Очень долго она шла, но пришла в целости. Благодарю тебя, дорогая, за инициативу и участие в ее отправке. Подарки вручены нашим боевым товарищам. Все остались довольны. Шлют вашей организации письмо благодарности. Я вложил от себя письмо т. Кулакову.

Посылку, адресованную лично мне, получил и очень вас благодарю. Уже попробовал подарки Галочки и Людочки, Витин на очереди...

Манек, живу по-старому, без изменений. Здоров, бодр. Сейчас снова в действующей армии. Три с половиной месяца работал в Москве. Работа, да еще в условиях войны, не по моему характеру. Оторвать меня от техники, от самолета — это непостижимое дело! А теперь опять упорно работаю над задачей скорейшего разгрома врага, мечтая вернуться с победой!»

28 мая. «Здравствуй, милая и дорогая Маня. Целую тебя и дорогих деток — Витю, Люду и Галочку. Сердечный привет маме! Манюта, все, что я мог сейчас сделать лучшее,— это послать к тебе от меня человека. В связи с продвижением по службе и в звании ответственность моя в условиях войны на фронте значительно повысилась. Я рассчитывал, что, если до весны буду командовать дивизией и иметь хорошего заместителя, смогу упросить начальство поехать к вам хотя бы на короткое время. Но эта надежда и мой план встречи с тобой и всеми вами рухнули. А получилось потому, что меня назначили командиром авиационного корпуса, который я принял и сейчас командую, находясь прямо перед Харьковом. Ты ведь понимаешь, раз мне дают право командовать все более обширным соединением, значит, и боль-

ше забот, забот хозяйских. И это все связано с большой ответственностью государственного характера. В свободную минуту (в минуты затишья) подумаешь о встрече с вами. Просить начальство — не позволяет моя совесть. Ведь ты, дорогая, знаешь, что я не могу быть нечестным в службе. Я ей отдаюсь весь! В силу этого живу надеждой кончить войну, кончить ее с победой, а кончим мы ее, безусловно, с победой — встретимся с тобой и всей семьей!

Шлю к тебе младшего лейтенанта Масюка как моего посланца. Он всю войну летал со мной. Летал днем и ночью. Как живой представитель тебе и всей семье может рассказать многое о боевой жизни, с тем чтобы вы, дорогие мои, знали меня в бою несколько шире, чем ваши представления.

Милая, прошу не обижаться, что не я приехал. Поверь, безумно хотел бы сам этого. С Масюком направляю тебе денежный аттестат на ту же сумму. Не беспокойся, дорогая, все излишки в деньгах только могу направить тебе. Ведь ты достаточно знаешь мою финансовую дисциплину. Посылаю сахарного песочку и еще кое-что — это вроде мой вам фронтовой подарок. Прошу принять и не взыскивать. Для вас чем богат, тем и рад. Шлю с ним же Грамоту Героя Советского Союза. У тебя она сохранится лучше, чем у меня. Ведь бывают всякие непредвиденные тяжелые случаи. Шлю также фотоальбом моей работы в 150 АП, ныне 35-м гвардейском, за 1,5 года войны.

Сашку встречал весной 42-го в Кировабаде. Его поведение мне очень не нравится. Он меня все просил, чтобы я ему помог переучиться на летчика. А как это можно, когда он ни одного боевого вылета не сделал в интересах Родины, в интересах своего народа?! Это не в моем понимании и не мой стиль работы. На это надо смотреть с точки зрения наших потерь, глазами погибших товарищей. Вот Тоня — другое дело. Я рад за нее. Я ею горжусь! В меру своей подготовки, умения она все делает, чтобы ускорить победу.

Манек, как, очевидно, изменились ребята?! Ведь два года — срок большой. Очевидно, крепко выросли? Виктор, наверное, крупный, рослый парень. Держи его в руках, особенных шалостей не позволяй. Пускай растет, учится хорошо! Ему нужно прививать любовь к труду, упорство к труду, упорство и силу воли! Эти качества,

развиваясь с малых лет, готовят настоящего стойкого человека! Людочка, очевидно, тоже уже большая барышня стала?! Наверное, и трудно узнать?! Ну а малышку, тем более, не узнаешь.

Крепись, милая, перебарывай трудности, в меру возможности расти и воспитывай ребят — это наше будущее, это наша гордость! Ведь сколько таких, ни в чем не повинных, малышей погибло в этих западных районах, сколько осталось без крова и родителей. Наши ребята все-таки счастливее других. Они не пережили непосредственно ужасов и лишений, они имеют родителей, проявляющих о них заботу. Наберись терпения, жди развязки, она уже недалека, отпразднуем победу нашей встречей!!!

Я жив, здоров. Живу интересами службы и победы нашей Отчизны. Это вливает в меня уверенность и бодрость.

Ты каждый раз просишь, чтобы я чаще писал, слал телеграммы. Дорогая, ведь я тебе шлю, не задерживаясь. Но путь между нами так велик, что 2—3 месяца идут корреспонденции, плюс частая смена адресов. И пока до тебя дойдет новый адрес, смотришь, еще 2—4 месяца пройдет. Мне и так иногда говорят: «Ну и загнал семью, что ни самому подъехать, ни письма послать». Манек, ты сама пиши мне! Здесь весточки от родных, близких — самое дорогое, самое ценное. Пусть Виктор пишет, ведь уже умеет, чего ленится!

Кончаю, дорогая моя Маня, приветствую маму и деток! Целуй их за меня крепко-крепко! Обнимаю тебя и несчетно раз целую».

30 июля. «Здравствуй, дорогая Маня! Здравствуйте, мама, Витя, Людочка и Галочка! Приветствую по-фронтовому и крепко, крепко всех вас, дорогие мои, целую!!!

Я жив и здоров! Прошу обо мне не беспокоиться. Дела у нас сейчас идут хорошо. Морду немцу набили в этом его наступлении. Тов. Сталин отблагодарил войска за успешные и отличные действия. В числе таких товарищей оказался и я со своими орлами!

Масюк приехал. Рассказал о вас все, что видел, что вы с ним передавали. Узнав от него, что вы живете сносно, я крайне рад и горжусь за вас, что в тяжелых условиях, не теряя головы, веря, с честью преодолеваете трудности. Горжусь вами!»

16 августа. «Я жив и здоров. Радуюсь со всем нашим

народом успехам Красной Армии в боях летом 1943 года. Для меня особое значение имеет наш успех, ведь я испытал всю горечь и унижение отступлений первых лет войны. Мы уверены в нашем окончательном успехе, мы его организуем и добьемся. Я работаю с моими соколами на одном из важных направлений наступления наших войск! Вкладываю вырезку из газеты «Красная Звезда», которую прочтя себе представишь некоторые вопросы. Правда, в этой статье меня называют генералом — это ошибка! Я имею звание полковника.

Александр сейчас служит у меня в одной из гвардейских частей штурманом эскадрильи. Участвует в боях. Ты просишь помочь ему. Милая, с десятками и сотнями людей работаю, сам веду их в бой! Но люди разные. У Александра характер с чертами глубокого зазнайства и высокомерия. Но все, что смогу и что от меня зависит,— сделаю! Это наше общее, советское дело!

Манек! Привет шлет Корешков, Фомин. Я с ними, старыми боевыми друзьями, имею регулярную переписку.

Прошу передать привет Кулакову и другим твоим сослуживцам. Благодарность от меня за присланную посылку. Ее вручили одной из эскадрилий».

14 октября. «Полтава. Здравствуй, милая Маня! Здравствуйте, дорогие мои мама, Витя, Людочка, Галочка. Всех вас обнимаю и крепко целую.

...Я жив и здоров! Продолжаю двигаться вместе с Красной Армией на запад, освобождать нашу священную землю от немецких гадов. За боевую работу под Белгородом, Харьковом награжден орденом Отечественной войны I степени. На днях мне его вручали.

Александр работает штурманом эскадрильи. Горяч и тороплив. Вначале были неприятности. Сейчас дела выправляются. Пусть мама особенно не волнуется, не убивается!

Сегодня получил вместе с твоим письмом открытку от Тоси. Она регулярно мне пишет. Я ей доволен. Она — молодец. Приносит пользу Родине в момент тяжелых испытаний».

1 ноября. «...От вас, дорогие, давно уже ничего не получал. Как вы подготовились к зиме? Запаслись необходимым? Как здоровье у всех вас? Как ты, Маня, себя чувствуешь? Поправляется ли твое здоровье? Лучшим средством для тебя — не нужно волноваться, излишне

переживать! Ты должна помнить, что у нас растут дети, их нужно воспитывать полезными обществу! На это тоже нужно здоровье. До сих пор ты прекрасно справлялась со всеми трудностями периода Отечественной войны. Надо так же мужественно продолжать и дальше. Всех нас окрыляет одна мечта, одна надежда — закончить войну с победой и заслужить себе достойную встречу с родными семьями.

Маня! Несколько слов насчет Сашки. Сейчас он исправился, награжден орденом. Это уже многое значит.

Я жив и здоров. По-старому продолжаю воевать сам и руководить подчиненными на благо Родины. За это лето награжден орденом Отечественной войны I степени. 25 октября 43 года мне присвоено звание «генерал-майор авиации».

От маршала авиации т. Новикова получил приветственную телеграмму, в которой он говорит: «За успешное управление частями, за отличное вождение частей в бой вам присвоено звание «генерал», с чем сердечно вас поздравляю».

В это письмо вкладываю свою фотографию, сделанную в октябре 43 г. Вкладываю одну вырезку из газеты о нашей фронтовой работе.

Вите желаю успехов в учебе, здоровья и бодрости, Людочке и Галочке — расти и быть большими и хорошими девочками. Маме и Манечке — здоровья и сил!»

Глава четвертая
РЫЦАРЬ НЕБА

Степень риска

При свете коптилки, сделанной из снарядной гильзы, казалось, что значки, нанесенные на штабной карте, движутся. Красные — это наши наступающие части. Синие — вражеские дивизии, бегущие восвояси, растерявшие и былую спесь, и надменную парадность строя. Вглядываясь в ожившие разноцветные стрелы и линии, Иван Семенович думал о тех задачах, которые ему и его подчиненным придется решать в ближайшее время.

Стратегическая инициатива к этому времени полностью находилась в руках советского командования. Разворачивалось новое мощное наступление на Украине. Гитлеровские захватчики почти повсеместно откатывались назад. Оценивая положение, сложившееся на фронте, Полбин в эти дни часто вспоминал Ивана Клещева.

который почти год назад, когда враг был силен и неудержимо рвался к Сталинграду, сумел увидеть, что армада гитлеровцев напоминает подпиленное дерево. Предсказание Клещева сбывалось.

Не радовала Ивана Семеновича только погода. Зима в этих местах выдалась неровная, с частыми оттепелями, со снегом, дождем и туманами. Количество дней и ночей, пригодных для полетов, можно было пересчитать по пальцам. Отсутствие напряженной боевой работы тяготило комкора. На душе камнем лежало чувство пусть оправданной, но от этого ничуть не уменьшающейся вины перед наземными войсками, ведущими тяжелые кровопролитные бои. Все это было нетрудно заметить по настроению комкора. Он реже улыбался, чаще обычного просил у кого-нибудь «побаловаться» папиросу, а к гармони, на которой раньше в свободные минуты любил поиграть для души, не притрагивался целыми неделями.

Прогляну́ло, правда, и в ненастные дни «солнышко». 2-й бомбардировочный авиационный корпус, которым командовал Полбин, получил почетное наименование гвардейского соединения. Целую неделю Иван Семенович ездил с одного аэродрома на другой, вручая частям гвардейские знамена, выступая на митингах, поздравляя людей и радуясь вместе с ними.

Во время одной из поездок, промокший, забрызганный грязью из-за того, что пришлось чуть ли не на себе тащить по раскисшей дороге легковушку, он вошел в штаб полка и лицом к лицу встретился с Сашкой. Перетянутый ремнями с красной повязкой на рукаве, Пашков подал команду «Смирно!» и шагнул навстречу Полбину:

— Товарищ гвардии генерал-майор авиации...

Полбин выслушал доклад и только потом обнял Сашку:

— Здравствуй, гвардеец. О службе не спрашиваю. Молодец. Вот так и надо служить. Мой стиль, дорогой. Уж если что-то делать, то делать по-партийному, на совесть.

Гвардии старший лейтенант Пашков стал в полку одним из самых опытных штурманов. И командир полка, когда на днях Полбин как бы мимоходом поинтересовался, как идут дела у Александра, ответил:

— Решили сфотографировать Пашкова у развернутого Знамени и послать на его родину благодарственное письмо.

Вспомнив об этом разговоре, Полбин подумал: «Если еще не сфотографировали, будет снят у гвардейского Знамени. А это очень здорово. Это его еще больше воодушевит».

— Ну, герой,— спросил Александра,— где народ? Готовы к празднику?

— Так точно. Разрешите, я вас провожу, товарищ генерал.

— Разрешаю,— улыбнулся комкор.

На митинге он говорил о предстоящей боевой работе, о том, что синоптики обещают хорошую погоду и тогда пикировщикам придется выполнять двойную норму. Войска наступают, они нуждаются в постоянной поддержке с воздуха.

Наконец и весна сказала свое слово. Сошел снег, зазеленела трава, подсохли взлетно-посадочные полосы. На аэродромах закипела работа.

Очередная задача, поставленная перед пикировщиками, была на редкость трудной, но Полбин воспринял ее с радостью.

— Смотри, Феофан Иванович, сюда,— тормошил он начальника штаба,— это же граница с Румынией! Наша государственная граница!

Бомбардировщикам надо было уничтожить два моста на реке Прут, связывающие Унгены и Яссы. Оба моста, железнодорожный и автомобильный, расположенные почти рядом, прикрывались многослойным огнем зенитных средств, а также истребителями, несущими дежурство в воздухе.

— Я думаю, трех девяток вполне хватит,— рассуждал Качев,— и нужны две эскадрильи истребителей прикрытия.

Полбин молчал, сосредоточенно глядя на карту, где извилистой голубой линией была обозначена река, перечеркнутая в двух местах коричневыми черточками мостов. Качев тоже умолк, ожидая решения комкора.

— Здесь,— Полбин ткнул карандашом в одну точку, потом в другую и третью,— здесь и здесь у немцев стоят истребители?

— Правильно,— подтвердил Качев и, дотянувшись, показал еще одну точку: — И здесь тоже полк истребителей.

— Понятно,— задумчиво проговорил комкор,— всем

им потребуется от 20 до 40 минут, чтобы дойти до Унген.

— Дежурные звенья прибудут еще быстрее.

— Два-три полка против двух эскадрилий. Эти мосты могут нам очень дорого обойтись. Перещелкают, как котят.

— Но другого выхода нет, Иван Семенович. Трех полков для сопровождения у нас не будет.

— А может, и двух эскадрилий не надо? — Полбин оживился, по-видимому приняв важное для себя решение.— Может, и тремя девятками идти не следует?

— Не понимаю,— пожал плечами Качев.

— Ты, Феофан Иванович, знаешь, за что мне звание Героя дали? За то, что важный склад мы уничтожили не двумя полками, как предлагалось, а двумя экипажами.

— Нет и нет, Иван Семенович,— сразу запротестовал Качев.— Такого на этот раз не будет. Тогда вы были командиром полка, сейчас командуете корпусом. И рисковать собой из-за каждой переправы вам никто не разрешит. Я первый позвоню командующему...

— Стой, стой, Феофан Иванович,— Полбин рассмеялся,— остановись, дорогой. Я и сам не собираюсь лететь. А рисковать все равно придется. Есть у меня предложение. В Унгены надо послать не три девятки, а одно звено. Причем без сопровождения. Этим мы введем в заблуждение противника. Ему и в голову не придет, что три «пешки» решили разгромить переправу. Это раз. Звено может лететь на бреющем до самой цели. Это два. И третье — над целью три экипажа будут работать спокойно, не мешая друг другу, заботясь только о точности бомбометания.

— Что-то в этом есть, конечно,— Качев колебался,— но все может сложиться иначе. Звено еще по пути туда встретят истребители и перещелкают. Это раз. Над целью окажутся «мессеры» и тоже не упустят случая атаковать беззащитных «пешек». Это два. И третье — вероятность прямого попадания и разрушения мостов находится в прямой зависимости от количества бомб и бомбардировщиков.

Полбин слушал начальника штаба, медленно расхаживая по комнате. Он понимал, что Качев во многом прав. Все «за», на которые ссылался он, могли в известных обстоятельствах обернуться против его решения.

— Если мы все сделаем так, как надо, как положено,— продолжал Качев,— нас даже в случае неудачи упрекнуть будет не за что, а начнем мудрить, все шишки посыпятся на нас. Почему, мол, послали только одно звено? Почему не обеспечили прикрытие?

— Это меня меньше всего волнует,— голос и тон Полбина сделались резкими.— Я о другом думаю. Если мы пошлем туда три девятки бомбардировщиков и две эскадрильи истребителей, потери почти неизбежны? Так или не так? И еще неизвестно, какой толк из этого выйдет. А если одним звеном и без потерь сделаем дело? В первом случае мы с тобой не рискуем, зато риску подвергаются люди. Во втором случае — почти все наоборот. Вот почему я думаю послать звено. И знаешь какое? Где штурманом гвардии старший лейтенант Мамай...

Мамай, опытный мастер бомбовых ударов, был штурманом у командира звена гвардии лейтенанта Аксенова. Стрелком-радистом в экипаже был гвардии старшина Демиденко. Ведомым у Аксенова шел гвардии младший лейтенант Абрасимов со штурманом гвардии капитаном Петраковым и стрелком-радистом гвардии старшиной Смирновым. В третьем экипаже были гвардии лейтенант Полосухин, гвардии младший лейтенант Беликов и гвардии младший сержант Панченко. В этом звене подобрался особенно сильный штурманский состав, именно поэтому Полбин решил доверить нелегкое и рискованное задание экипажам Аксенова.

После всестороннего обсуждения бомбить решили не с пикирования, а с горизонтального полета, на чем настаивал сам Полбин. Для удара с пикирования звено должно было набрать высоту минимум 1200—1300 метров, выполнив соответствующий заход на цель. Такой маневр позволял зенитчикам вести прицельный огонь. Да и истребители могли оказаться поблизости.

— Внезапность и меткость — вот ваше оружие,— сказал Полбин, провожая звено Аксенова в полет.

До цели бомбардировщики шли на предельно малой высоте, держась над руслами рек, лощинами и низинами, стараясь оставаться незамеченными. При подходе к Пруту звено перестроилось в правый пеленг и, сделав горку, сбросило бомбы, после чего снова перешло на бреющий полет. Для вражеских зенитчиков появление бомбардировщиков, словно вынырнувших из-под земли, было таким неожиданным, а пребывание над целью на-

столько кратковременным, что они не успели открыть огонь.

В полном составе, не имея потерь, звено вернулось на свой аэродром. Оба моста, как было установлено разведкой, оказались разрушенными.

«Вертушка»

15 июля гитлеровцы силами двух танковых и одной пехотной дивизий нанесли из района Плугов—Зборов контрудар по флангу наступающих войск 1-го Украинского фронта, стремясь выправить положение и сорвать продвижение наших частей на Львовском направлении. Более 200 танков вместе с мотопехотой пошли в контратаку. Наступление 38-й армии было приостановлено, некоторые ее части под натиском фашистов начали отходить. Командующий фронтом Маршал Советского Союза И. С. Конев направил в полосу действий 38-й армии соединения 4-й танковой армии Д. Д. Лелюшенко и артиллерийско-противотанковый резерв.

Получив донесение об изменениях в обстановке, Полбин с планшетом через плечо и со шлемофоном в руках зашел к своему заместителю по политчасти генералу Брагину.

— Опять летать собрался? — встретил его тот.— Я бы не советовал, Иван Семенович. В такие дни твое место на командном пункте. Или, как это сделал наш сосед генерал Рязанов,— на КП у танкистов.

— У меня, Филипп Иванович, предчувствие есть, что сегодня придется жарко и на земле и в небе. Вот мы и распределим силы. Рязанов в Нуще на КП третьей танковой армии, а я буду по его целеуказанию штурмовать гитлеровцев с воздуха.

— Ты, Иван Семенович, шуточками не отделывайся,— не успокаивался Брагин,— мне командующий при каждой встрече наказывает, чтобы придерживал тебя. Ты же командир корпуса. Пойми, голова садовая, корпу-са. А поступаешь часто как рядовой летчик.

Полбин, все это время стоявший, сел на стул и жестом пригласил сесть рядом Брагина.

— Черт с тобой, Филипп Иванович, потеряю несколько минут,— он мельком глянул на часы,— но ты, как политработник, должен знать, чем занимается твой ком-

кор. Не считай меня наивным мальчишкой, который только и хочет порезвиться в воздухе.

Он достал из планшета несколько листков, на которых аккуратно были начерчены схемы и сделаны математические расчеты.

— Вот смотри. Это — группа пикировщиков. Она идет на цель. Подошла, сбросила бомбы, сделала еще один заход на штурмовку. Сколько времени группа была над объектом? Всего несколько минут. А огневое воздействие длилось еще меньше. Я предлагаю иной вариант.-При подходе к цели, вернее, к пункту расхождения группа из «змейки» перестраивается в правый пеленг. Дистанция между машинами 400 метров. Она позволяет летчику свободно производить противозенитный маневр, не нарушая при этом огневого взаимодействия в группе. Подойдя к цели, я с высоты 1200 метров перехожу в пикирование, бросаю бомбы и вывожу самолет на высоте 350 метров. Мой ведомый в это время пикирует. За ним с таким же интервалом — очередная машина. Бомбы падают не одновременно, а сериями, почти беспрерывно. Представляешь?

— Представляю.— Брагин с интересом разглядывал схему, лежащую перед Полбиным.

— Я вывожу самолет из пикирования вот здесь,— Иван Семенович показал точку на схеме.— Пе-2, замыкающий колонну, находится вот на этом месте,— палец комкора скользит по бумаге.— Я следую за ним и становлюсь как бы уже не ведущим, а ведомым у ведомого последней пятерки. За мной следуют все остальные. Получается замкнутый круг. Один из пехотных генералов под Москвой назвал это «каруселью», а летчики окрестили «вертушкой».

— Вертушка, пожалуй, точнее.

— Дело не в названии, а в сути. При бомбометании с замкнутого круга значительно увеличивается время пребывания бомбардировщиков над целью. Достигается длительное воздействие на противника. Возрастает точность бомбометания и эффективность использования бортового оружия. Это то, что нам нужно.

— Теперь, Иван Семенович, сдаюсь, — Брагин шутливо поднял вверх руки. — А я все ломал голову, над чем наш комкор вечерами колдует.

Полбин разложил на столе схемы.

— Вот вариант замкнутого круга с одного направле-

ния, вот — тот же круг с разных направлений. Здесь расчеты для одной пятерки. Здесь — для трех. А на этих чертежах показано положение истребителей прикрытия.

— У тебя, я смотрю, все предусмотрено.

— Дело за небольшим. Надо проверить эти расчеты на практике, в воздухе. И я никому не могу доверить такой эксперимент. Я должен сам вести группу. Мы еще под Москвой и под Харьковом делали попытки работать с круга. Но там были только попытки. Настоящий экзамен новый способ бомбометания будет держать здесь, на подходе ко Львову. Тем более, что денек сегодня предстоит не из легких. Гитлеровцы задумали нанести из Зборова контрудар.

...Три пятерки бомбардировщиков, поднявшись с полевого аэродрома, построившись в боевой порядок «змейка», взяли курс на Зборов. Генерал Полбин, находившийся во главе группы, зорко всматривался в уплывающую под крыло местность. Все центральные дороги и проселки были в движении. Шли танки, машины тянули за собой пушки, мчались автомобили, пылила конница и пехота. Наступление длилось уже вторые сутки, и войска передвигались днем, мало заботясь о маскировке.

Линия фронта, которую Иван Семенович научился определять легко и быстро, на этот раз угадывалась с трудом. Она не была ни линией, ни даже ломаной кривой, а скорее напоминала разорванную в клочья полудугу. Вспышки разрывов и огненные трассы пулеметных очередей были видны и слева, и справа, и впереди. Кто-то вклинился в оборону противника, кому-то пришлось, наоборот, попятиться, а кто-то безуспешно штурмовал вражеские укрепления. Положение оставалось сложным.

Танковые части гитлеровцев Полбин увидел издали, когда Зборов еще не просматривался. Неуклюже переваливаясь на неровностях, черные коробки ползли прямо по бездорожью, по ржаному полю, густо исполосованному гусеницами, по опушке леса. Довернувшись влево, комкор оглянулся. Все Пе-2, растянувшись длинной пунктирной линией, точно выдерживали положенную дистанцию. Обрадованный, что все идет по плану, Полбин ввел машину в крутое пике. Скорость быстро росла, высота уменьшалась, танк, взятый за цель, на глазах увеличивался в размерах:

— Сброс!

Нажав кнопку, Полбин плавно взял штурвал на себя. На этот раз он даже не интересовался, с какой точностью упали бомбы. Переведя машину в набор высоты, комкор начал строить почти такую же «коробочку», какую обычно делают курсанты для захода на посадку. После разворота слева ему открылась четкая картина бомбового удара. Пе-2 один за другим ныряли вниз, выбирая цели, обрушивая на них свой груз. Танки расползлись в стороны, как растревоженные муравьи. Но очередные самолеты находили их всюду. Разрывы столбами вставали по всему полю, на опушке леса и на лесных проселках.

Рядом с бомбардировщиками, охраняя их, бороздили воздух звенья истребителей. Другая группа, которую возглавлял капитан Гуляев, держалась выше, готовая отразить нападение противника. Все точно выполняли план, разработанный Полбиным.

Заняв свое место в общем строю, командир корпуса замкнул круг. «Вертушка» начала действовать. Шли минуты, самолетная карусель вращалась над смешавшимися колоннами танков, бомбы вспарывали землю, взламывали броню, зажигали вражеские машины, косили осколками разбегавшихся гитлеровцев. По восемь заходов на цели сделали Пе-2, израсходовав до конца не только бомбы, но и патроны.

О результатах налета судить можно было уже в воздухе, когда Иван Семенович услышал по радио голос командующего фронтом Маршала Советского Союза И. С. Конева: «Спасибо, Полбин, за работу. Хорошо действовали».

А вскоре он прислал командиру корпуса с нарочным пакет. Раскрыв опечатанный пакет, комкор прочитал показания взятого в плен офицера 1-й танковой дивизии противника. «15 июля между 14 и 15 часами, — сообщал тот, — после второго массированного удара бомбардировщиков 1-я танковая дивизия потеряла приблизительно 75 процентов техники. До 60 танков сгорело в лесу, еще не сделав ни одного выстрела с того момента, как они вышли с завода. 113-й мотополк, приданный дивизии, разбит. От него осталось 60 человек, которые были сведены в одну роту, 30 человек из них в первом же бою сдались в плен».

И уже позже, когда Львов был в наших руках, Полбин прочитал запись, сделанную в истории 2-й воздуш-

ной армии. «15 июля 1944 года,— говорилось в боевой летописи,— группа Пе-2, возглавляемая И. С. Полбиным, применила новый метод бомбометания с пикирования, так называемый «замкнутый круг».

«Колтувский коридор»

После подведения итогов боевой работы Полбин пригласил к себе политработников и секретарей партийных организаций:

— Пролетая над полем боя, я видел, как пехота шла в атаку со Знаменем полка. У них, кстати сказать, часто так делается, когда предстоит тяжелый бой. Надо и нам использовать этот опыт. Передайте командирам мой приказ. С раннего утра, до первого вылета, на аэродромах должны быть организованы митинги. С выносом Знамени. Разъясните людям задачи, призовите действовать решительно и смело. А после митингов поставьте гвардейские Знамена на самом видном месте. Чтобы перед стартом их видели все члены экипажей. Пусть алые стяги осеняют гвардейцев на подвиги.

В ночь на 16 июля передовые отряды 3-й гвардейской танковой армии совместно с 15-м стрелковым корпусом завершили прорыв тактической зоны вражеской обороны и вышли в район севернее Золочева. Образовалась узкая полоса прорыва шириной 4—6, а длиной 16—18 километров, сразу же получившая название «Колтувского коридора».

Ранним утром Полбину было передано личное приказание командующего фронтом: «В прорыв вводится 3-я танковая армия, вслед за нею — 4-я. Они пойдут по узкому «Колтувскому коридору». Надо подавить огневые средства противника по обеим сторонам коридора».

Изучив карту, на которую были аккуратно нанесены свежие данные, Иван Семенович пригласил Качева:

— Посмотри, Феофан Иванович, внимательно. Ты видел что-нибудь похожее в учебниках? Такого еще не было, чтобы в узкую щель втискивалось две танковые армии. Как тигру в пасть.

— Да, замысел смелый. Если он удастся, тигру очень легко будет перехватить дыхание,— Качев провел рукой полудугу западнее Львова.— Но пасть может и захлопнуться.

— А мы на что? — Иван Семенович оживился. — Передайте во все полки приказ сделать все, что только можно. Поднимать в воздух до единого самолета. На дозаправку и подвеску бомб — минимум времени. Чтобы вокруг «Колтувского коридора» образовался еще один — огненный коридор.

Целую неделю корпус практически находился в воздухе. Не было передышек, перерывов на обед, не было даже обычных постановок задач и разборов полетов. Все делалось на аэродроме, у самолетов, оперативно и решительно. Сам Полбин чутьем опытного командира угадывал, где ему надлежит находиться в тот или иной момент. Ставя командирам задачу, Полбин не только определял количество самолетов, которое необходимо поднять в воздух, способ бомбометания, он чаще всего сам назначал ведущих групп.

— Думаю, Федор Иванович, лучше Гусенко этого никто не сделает, — говорил он командиру дивизии гвардии полковнику Добышу. — Ставьте ему задачу.

Эскадрилья Героя Советского Союза гвардии капитана Павла Гусенко была у Ивана Семеновича на особом счету. Он назвал ее снайперской, хорошо знал многих летчиков и штурманов, часто на разборах полетов хвалил Михаила Райкова, Юрия Житкова, Сергея Богданова, Федора Шаповалова, Василия Кузнецова и Николая Гапеёнка.

Как-то во время отдыха Полбин услышал в исполнении эскадрильского хора песню:

То не гром среди туч громыхает
Над землею весенней порой,—
Эскадрилья бесстрашных взлетает,
Их повел сам Гусенко-герой...

Один из политработников, видимо не впервые слышавший эту песню, нахмурился:

— Не нравится мне это, товарищ генерал. Ну понятно, когда поют про Щорса, про Буденного. Люди заслуженные. А тут рядовой комэск...

— Почему же рядовой? Командир вообще не должен быть рядовым. А Гусенко — мастер своего дела, мастер бомбовых ударов. Кстати, кто автор этой песни?

— Слова написал летчик Богданов, а музыку подобрал штурман Житков.

— Значит, любят подчиненные своего «угнетенного», — засмеялся Полбин.

Гусенко, отпустивший пышные рыжеватые усы, напоминал деревенского парубка. И говорил он с нескрываемым украинским акцентом, нажимая на две буквы: «щ» и «о». По характеру он был мягок, но до определенного предела. Если требовалось, проявлял необходимую строгость. Его уважали и побаивались.

Родом Гусенко был из Днепропетровска. Там всю войну провела в оккупации его семья. Почти два года Павел не получал от родных никаких вестей. И Полбин, понимая состояние комэска, сразу же, как только наши войска освободили Днепропетровск, разрешил Гусенко слетать туда на По-2. Вернулся из этого полета командир эскадрильи в хорошем настроении. Ему удалось отыскать семью, все родные чудом остались живы.

А «угнетенным» его назвали в шутку незадолго до наступления на Львов. Было это так. Кто-то из механиков подобрал на аэродроме листовку, подброшенную бандеровцами. В ней говорилось о том, что «москали» якобы угнетают украинцев. Повертев в руках фальшивку, механик пошел к командиру эскадрильи. Гусенко только что вернулся с задания и обсуждал с экипажами результаты полета.

— Товарищ гвардии капитан, я нашел на аэродроме листовку, — доложил ему сержант.

— Что еще за листовка? — не понял Гусенко.

— Бандеровцы пишут о том, что вы у нас угнетенный.

Несколько минут все молчали, осмысливая сказанное, а потом раздался дружный хохот. Летчики и штурманы буквально хватались за животы, такими нелепыми и смешными были утверждения авторов листовки.

— Ничего себе — угнетенный! — воскликнул один из летчиков, и взрыв хохота повторился с новой силой.

И Полбин, когда ему рассказали об этом случае, от души посмеялся, а потом серьезно сказал:

— Дубовая у них пропаганда. Такие листовки работают против самих же бандеровцев. Мы как-то уже и не задумываемся, кто Гусенко по национальности. Знаем, что толковый летчик, хороший командир, ценим его и продвигаем по службе...

За время, пока действовал «Колтувский коридор», эскадрилья Гусенко сделала несколько вылетов и самостоятельно, и в составе полка, по-снайперски выполняя поставленные задачи. И когда Полбин прилетел в

штаб к Добышу, он увидел там подготовленную политработником «молнию», посвященную эскадрилье Гусенко. «Каждую бомбу — в цель!» — говорилось в заголовке.

— Вот это мой стиль! — улыбнулся Иван Семенович.

Выслушав доклад командира дивизии, он подошел к карте и, обведя карандашом солидный участок неподалеку от населенного пункта Броды, сказал:

— «Колтувский коридор», Федор Иванович, свою роль сыграл. Пасть тигра разорвана. В итоге образовался «котел», в котором оказалось не менее восьми вражеских дивизий. Они пытаются вырваться из ловушки мощными контратаками. Командующий приказал ударить с воздуха. Вот здесь, в Белом Камне, у них большое скопление войск и техники. Там идет переправа через Западный Буг.

Действовать было решено двумя группами. Три пятерки повел сам Полбин, две другие — гвардии полковник Добыш. На маршруте, как всегда, шли в колонне пятерок, в пункте расхождения, намеченном заранее, перестроились в правый пеленг и продолжали путь «змейкой», выполняя противозенитный маневр.

В первом заходе объектом бомбометания стали танки и автомашины, подходившие к Белому Камню с севера. Замыкая круг, Полбин приказал вторым заходом атаковать скопление техники на окраине населенного пункта. Цель каждый экипаж выбрал себе самостоятельно. Гвардии старший лейтенант Плотников сделал атаку по зенитной батарее. Гвардии младший лейтенант Буторин прямым попаданием разрушил переправу через Западный Буг. Всего Пе-2 сделали по пять заходов с пикирования, израсходовав при этом и бомбы, и большую часть боекомплекта пулеметов.

Более 20 минут бомбардировщики висели над Белым Камнем, держа гитлеровцев под непрерывным огневым воздействием. И за все это время ни один вражеский истребитель не прорвался к группе, не смог расстроить «вертушку». Группа была прикрыта согласно разработанному Полбиным плану. На маршруте истребители шли парами с боков и сзади, держа превышение над строем бомбардировщиков 300—400 метров. Выйдя на цель, шестерка истребителей осталась барражировать на высоте 1500 метров, звено держалось ниже, охраняя «петляковых» на выводе из пикирования, остальные три

пары пикировали вместе с Пе-2, выполняя роль непосредственного охранения.

Бомбометанием и огнем бортового оружия было уничтожено 180 автомашин, 9 танков, несколько десятков полевых орудий, зенитная батарея, 40 повозок, была разрушена переправа и убито немало немецких солдат и офицеров. Плененный в этот день обер-лейтенант из штаба 13-го армейского корпуса рассказывал: «Я бессилен выразить то состояние, в котором мы находились у переправы во время налета. Солдаты были окончательно деморализованы и даже спустя три часа после налета их нельзя было выгнать из щелей и воронок. Батальон, в котором я был, потерял убитыми и ранеными 190 человек».

...После этого полета командир корпуса, оставшись с гвардии полковником Добышем, сказал ему:

— Есть у меня, Федор Иванович, предложение готовить снайперов. Недалек день, когда мы начнем бомбить объекты на территории Германии. А там, сам знаешь, бетонные укрепления как грибы. Осколками и взрывной волной их не проймешь. Нужны только прямые попадания. Вот я и предлагаю выделить в каждом полку эскадрилью снайперов, разработать для них специальную программу подготовки и выполнять ее — кровь из носа.

— По-моему, мысль очень верная.

— У тебя самая подходящая для этого дела эскадрилья Гусенко?

— Так точно.

— Вот и начнем с нее. Подумай, поговори с летчиками и штурманами, обобщи их предложения. Время торопит.

Снайперы

К подготовке снайперов вместе с эскадрильей Гусенко приступили еще две эскадрильи также Героев Советского Союза гвардии майора Решидова и гвардии капитана Белявина. Никаких скидок на опыт, на боевые заслуги не делалось. Экзамены были строгими, будто летчики, штурманы и стрелки-радисты поступали в академию или училище.

Совершили несколько поездок на те места, где еще недавно шли бои, чтобы убедиться, какое большое зна-

чение для успеха наступающих частей имеют удары по укреплениям и огневым точкам противника с воздуха. Там, уже не на макетах и схемах, а в натуре хорошо рассмотрели, что представляют собой вражеские дот и дзот, как выглядят вблизи блиндаж и закопанный в землю танк.

Гвардии подполковник Игнатьев, имевший высокую теоретическую и практическую подготовку, прочитал лекции по технике пилотирования Пе-2, обобщил опыт выполнения бомбометания с углом пикирования 60 и 70 градусов.

Закончив занятия на земле, экипажи приступили к специальным тренировкам в воздухе. В первых полетах отрабатывали бомбометание по кругу диаметром 30, а потом — 10 метров. На задание ходили парами, но пикирование и сброс бомб осуществляли одиночно. Как правило, делали по четыре захода, но в первом и третьем только прицеливались, а бомбы бросали во втором и четвертом. Работали тут же, рядом с аэродромом, чтобы все остальные экипажи могли наблюдать за действиями товарищей.

Прошло не так уж много времени, и в корпусе появились не только экипажи снайперов, но и целые снайперские эскадрильи. То, что казалось невозможным и никак не получалось при подсчетах на бумаге, было осуществлено на практике. Бомбардировщики с первого захода попадали в круг пятиметрового диаметра.

— Надо, Филипп Иванович, сделать так, чтобы самолеты снайперов отличались от других. Какой-то знак на бортах рисовать.

— А надо ли, Иван Семенович? — Брагин вопросительно посмотрел на Полбина. — Я и вашего льва не одобряю.

Самолет командира корпуса сразу бросался в глаза. Через весь фюзеляж шла молниеобразная красная стрела, а на борту красовалась голова льва.

— Зачем это вам? — не раз спрашивал Брагин. — Свои вас и так за три версты по почерку угадывают, а гитлеровцам не обязательно знать, на какой машине генерал летит.

— Ну, тут мы с тобой, Филипп Иванович, во мнениях не сойдемся. Летчик, как рыцарь, должен иметь символ собственной гордости. Вот у истребителей хорошая традиция — рисовать на борту звезды по количеству

сбитых самолетов врага. Покрышкин не боится, что гитлеровцы издали увидят: вон, мол, ас советский летит. Наоборот, он хочет, чтобы те видели, с кем имеют дело. И у нас должно быть что-то похожее.

— С тобой, Иван Семенович, спорить нельзя. Ты буквально обезоруживаешь меня.

— Наоборот, я хочу вооружить тебя, зажечь своей идеей. Призови на помощь политработников, комсомолию, художников. Подумайте, как нам выделить снайперов. Но спешить не будем. Отмечать начнем тех, кто отличится не в учебном, а в боевом полете.

...При подготовке к Висло-Одерской операции командование фронтом решило провести авиационное тактическое учение для отработки массированных ударов с воздуха по оборонительным сооружениям противника. На освобожденной от гитлеровцев территории, густо усеянной различного рода железобетонными укрытиями и хорошо защищенными огневыми точками, были дополнительно построены многочисленные объекты и укрепления, подобные тем, которые имелись в самой Германии.

Первыми над полигоном появились пикирующие бомбардировщики генерала И. С. Полбина. Встав в круг, они в течение получаса обрушивали на землю бомбы, выворачивая из земли огромные бревна, раскалывая, как орехи, бетонные колпаки. После бомбардировщиков в работу вступили штурмовики генерала В. Г. Рязанова. Появляясь над полем боя, они поливали свинцом «вскрытые» полбинцами цели, наносили удары по вновь обнаруженным целям. С воздуха бомбардировщиков и штурмовиков охраняли истребители генерала А. В. Утина.

Маршал Советского Союза И. С. Конев, присутствовавший на учении, обращаясь к генералу Красовскому, руководившему учением, посоветовал:

— Надо, Степан Акимович, всячески поощрять снайперское движение. Пусть и на этом учении лучшие из лучших покажут свое мастерство.

Для демонстрации возможностей бомбового и штурмового удара было выделено два наиболее опытных экипажа. Бомбардировщик вел генерал Полбин. На истребителе летел полковник А. И. Покрышкин, в третий раз получивший накануне звание Героя Советского Союза. На полигоне, где выполнялись показные полеты, собралось немало летчиков и техников с расположенного по-

близости аэродрома. Всем хотелось увидеть необычное состязание.

Целью для Полбина была зенитная установка, Покрышкину предстояло вести огонь по обыкновенной бочке, наполненной смолой. Многие с сомнением пожимали плечами:

— Попасть с одного захода в бочку — все равно что муравью в глаз. Да и зенитка ненамного больше бочки.

— Вот будет номер, если наши отцы-командиры промахнутся.

— Навряд ли. Такие мастера любую цель разнесут в щепки.

Наконец на горизонте появился одиночный Пе-2. Выполнив заход, он встал на боевой курс и плавно вошел в крутое пикирование. Все наблюдавшие замерли. Вот бомбардировщик сблизился с землей, от него отделились бомбы, а через мгновение на месте, где стояла зенитка, вверх взметнулось пламя взрыва. Удар оказался точным. Экипаж Полбина с первого захода уничтожил цель.

Следом за бомбардировщиком над полигоном появился истребитель. На высокой скорости Покрышкин вышел в точку открытия огня, и в тот же миг, прочертив в воздухе огненный след, пули впились в тело бочки. Смола вспыхнула.

Сразу же после учения к Полбину подошел начальник фронтовой разведки:

— Мы порой получаем данные от наших людей о том, что в таком-то городе в таком-то кинотеатре состоится совещание гитлеровского командования или ужин в ресторане. Если мы представим вам подробный план города, ваши снайперы смогут уничтожить эту цель?

— На то они и снайперы, — улыбнулся Иван Семенович.

Прерванный маршрут

Зайдя в кабинет к Полбину, генерал Качев застал его за чтением письма:

— Из дома, Иван Семенович? — спросил он после обычного рукопожатия.

— Почти из дома, Феофан Иванович, из моего полка, от Жолудева.

— Что-нибудь случилось? — Качев по выражению лица увидел, что комкор озадачен.

— Даже не знаю, как реагировать. То ли сожалеть, то ли радоваться. — Полбин отложил письмо. — Когда мы приступили к подготовке снайперов, я написал Жолудеву, что при его желании могу хлопотать о переводе в мой корпус. Командир он опытный, летчик очень хороший. Я тебе рассказывал про Морозовск.

— И что же ответил Жолудев?

— Пишет, рад, мол, такому предложению, готов служить под моим командованием и идея подготовки снайперов ему нравится. Но оставить полк и свою эскадрилью не в силах. Он ведь с первого дня войны в одном коллективе.

— Да, твой ведомый оказался в сложной ситуации.

— И я тоже. Хотелось заполучить такого, как Жолудев, командира. Жаль, что не согласился. И в то же время на душе радостно. Значит, полк мой, как и прежде, остается дружной семьей. И в Жолудеве я не ошибся: главными для него остаются вопросы службы.

— Этим ты умеешь заражать людей,— улыбнулся Качев, — и сам покоя не знаешь, и другим не даешь. Сегодня-то какие планы?

— Думаю слетать на «Бостоне». Я с этой машиной познакомился еще под Москвой, когда командовал полком. Хотели нас на «Бостон» посадить, но я отбрыкался. Всем хорош бомбардировщик, но жидковата конструкция, пикировать нельзя. Да и с горизонта бомбить неудобно. Кабина просторная, всякой всячины много, а вот обзор никуда не годится. Летчик сидит полуслепой.

— Знаю я о вашей рационализации. Инженер Симоненко все уши прожужжал.

— Пришлось убрать лишние перегородки, расширить боковой обзор. Сегодня посмотрю, что получилось.

— Так уже поздновато.

— А мы ночью. Не зря ведь полк на «Бостонах» считается ночным.

— Далеко не ходи, — посоветовал Качев.

У Полбина его предупреждение вызвало улыбку:

— Будут спрашивать из штаба армии, отвечай, что летаю в районе аэродрома.

...Самолет, подготовленный к полету, дышал теплом только что прогретых моторов. Топливо было заправлено под завязку, бомбы подвешены. Штурман проложил на карте прямую линию, которая упиралась своим кон-

цом в кружочек, нарисованный в самом центре участка, названного сандомирским плацдармом.

— Товарищ генерал, самолет к боевому вылету подготовлен, — доложил инженер.

— Как рационализация наша, не подведет?

— Не должна.

— Попробуем на деле. Если толк будет, придется на всех машинах заморскую блоху ковать.

Сразу же после взлета «Бостон» взял курс на запад. Полбин, сидевший за штурвалом, с удовольствием отмечал, что возможность наблюдения из кабины за землей стала значительно лучше. Он мысленно брал то один, то другой ориентир, обозначавшийся впереди, за цель и, выдерживая все параметры, необходимые для бомбометания, следил за выбранным объектом до того момента, когда надо было бы сбрасывать бомбы. Оставалось проверить свои выводы при непосредственной атаке на вражеской территории, в условиях интенсивного зенитного огня. На измененном остеклении кабины могли появиться слишком яркие блики, мешающие обзору.

Размышления комкора прервал резкий и властный голос в наушниках:

— Ноль первый! Я — «Земля». Вам — разворот на курс 90. Повторяю. Вам — разворот на 180.

— Не понял, «Земля». Мне еще десять минут до цели.

— Ноль первому — немедленно возвращаться на аэродром! — настойчиво повторила «Земля».

Полбин по голосу узнал Качева и сразу же круто заложил машину в левый разворот. Уж если сам начальник штаба корпуса вступил в связь, значит, произошло что-то важное. В душе нарастала тревога.

Волновался и Качев. Не прошло и 20 минут после взлета Полбина, на командный пункт корпуса позвонил дежурный по штабу армии:

— С каким заданием ваш самолет идет с курсом 270 градусов?

— Генерал Полбин выполняет задание в районе аэродрома,— ответил Качев.

Ровно через пять минут после этого звонка раздался второй. Говорил сам командующий генерал С. А. Красовский:

— Качев, немедленно дайте команду Полбину вер-

нуться на аэродром. Немедленно. После посадки пусть доложит лично мне.

И вот Полбин, тяжело дыша, разгоряченный быстрой ходьбой, влетел на командный пункт:

— В чем дело, Феофан Иванович? Что за фокусы? Я же предупреждал, я просил...

— Успокойся, Иван Семенович. Это не моя инициатива. Я выполнял приказ командующего. Кстати, ты ему должен сейчас же позвонить.

Полбин бросил на стол шлемофон и, расстроенный, сел рядом с телефоном. Он знал, что опять придется выслушивать от Красовского замечания за самовольный вылет, снова надо оправдываться, доказывать необходимость самому подняться в воздух. Но доказывать ничего не пришлось. Командующий был лаконичен и по-военному строг.

— Маршал Конев приказал мне под личную ответственность следить, чтобы ты без крайней необходимости не рисковал собой. С сегодняшнего дня на задание будешь вылетать только с моего разрешения. Все.

И положил трубку. Полбин тяжело вздохнул и сказал с сожалением:

— Еще бы минут 5—10, и мы угостили бы фрицев, до Вислы уже рукой подать было. — Подождав, когда волнение уляжется, он добавил: — А «Бостон» все-таки надо усовершенствовать. Доработка небольшая, а качество бомбометания возрастет. И потерь у нас будет меньше...

То, что летать приходилось в основном с аэродрома на аэродром, а не на боевые задания, угнетало Полбина, и он старался больше загружать себя организаторской работой. Получив очередное задание, он сам намечал состав группы, лично руководил подготовкой к вылету, напутствовал экипажи, уходящие в огненные рейды.

20 сентября разведчик, возвратившийся из района Прешова, сообщил, что на железнодорожной станции скопилось несколько воинских эшелонов противника. Нужно было нанести мощный и быстрый удар по этому важному транспортному узлу. Но Полбин, тщательно изучая карту с нанесенными на нее вражескими огневыми точками, не спешил принимать решение.

— Не нравится мне это колечко,— говорил он командиру дивизии Добышу, указывая на зенитные установки, расположенные вокруг станции.

— Да, пройти будет трудно, — согласился тот.

— Трудно, но надо. Кому думаешь поручить задачу?

— Гусенко.

— Правильно. И надо, Федор Иванович, настроить людей. Им придется идти в огонь.

На митинге перед вылетом Павел Гусенко, нажимая на «о», сказал, обращаясь к товарищам:

— Много в Прешове зениток. Очень много. Но у гвардейцев есть девиз: не сходить с боевого курса, каким бы плотным ни был огонь.

Задача, поставленная бомбардировщикам, была выполнена полностью. Но на аэродром не вернулся командир эскадрильи Герой Советского Союза Павел Яковлевич Гусенко. Зенитный снаряд попал в командирскую машину, и она факелом вспыхнула в небе.

— Прощайте, дорогие... — услышали подчиненные по радио его последние слова.

Гибель Гусенко Полбин пережил особенно остро.

— Какой был командир, какой человек, — говорил он Качеву. — И ведь была у меня мысль самому повести группу.

— Ну это ты зря, Иван Семенович. — Один целый корпус ты не заменишь. А война без жертв не бывает. Потери были и будут.

— Были, Феофан Иванович, я под Сталинградом в одном полете чуть ли не половину полка оставил. Но ведь это было где и когда? А сейчас до Берлина рукой подать. Гусенко, может, нескольких месяцев до дня победы не дожил...

Вскоре после этого разговора в штаб корпуса прибыл командующий для вручения наград. Прикрепив к мундиру генерала Полбина орден Богдана Хмельницкого I степени, Красовский напомнил:

— У тебя, Иван Семенович, теперь две полководческие награды. Не забывай об этом. Именно полководческие. От слов — водить полки. Чтобы мне больше не приходилось возвращать тебя, когда ты в одиночку уходишь за линию фронта.

— Понял, товарищ командующий.

— А если понял, чего же тогда в глазах у тебя бесенята бегают? Смотри, Полбин, если подобное повторится, не посмотрю на твои полководческие ордена, всыплю по первое число.

Полбин понимал, что Красовский говорит серьезно,

хотя и старается свое предупреждение облечь в шутливую форму. Он и сам силился всячески гасить в себе жажду полета, но ничего поделать с собой не мог. Созданный для авиации, он душой и сердцем рвался в небо.

Письма 1944 года

Они жили на разных концах планеты. Он шел с войной дорогами Польши, семья жила в Чите. Тысячи километров и сотни дней разлуки. Все это слышится в письмах. Тоска по дому борется в душе Полбина с чувством ответственности, и побеждает каждый раз долг.

28 января. «Рад за вас, дорогие мои, что у вас дела идут пока сносно, что вы живы, здоровы и живете надеждами на нашу скорую победу. Эта надежда крепка и незыблема у всего нашего народа и проносится на знаменах наших доблестных войск.

Крепитесь, ждите победу. Красная Армия ее добудет! Тем будет радостней наша с вами встреча».

12 марта. «Здравствуй, милая Маня! Сегодня получил от тебя очередную семейную весточку, выражение чувств, желаний. И снова рад читать, что вы, дорогие мои, живете сносно и без глубокой нужды. Это меня радует и мою работу делает более желанной.

Манек, ты продолжаешь обижаться на меня за редкие письма к тебе. Конечно, каждый день я не пишу, и это не в моей натуре, а в наличии времени. Но пишу я вам, дорогая, столько, что ты сама и дети достаточно подробно знаете и в нужное время и о всех событиях, связанных со мной, с моей фронтовой жизнью. И все хорошее в этом до вас доходит, и я живу вместе с вами теми же желаниями и надеждами, как и вы со мной. Мы только отделены расстоянием...

Скоро взять вас на запад, как ты пишешь, нет возможности. Первое — потому, что квартиру, имевшуюся в Москве, передали семье погибшего Героя Советского Союза. А везти, не подготовив места, такую приличную (большую) семью просто неразумно...

Мне бы хотелось безумно попасть к вам хотя бы на 2—3 дня. Но вырваться с фронта такому командиру почти невозможно потому, что нет ни дня без боевых действий. А если удастся, то мне нужна будет площадка

размером 1200 метров на 60 метров — это ограниченные размеры...

Сам я жив и здоров. Получил очередную правительственную награду — орден Суворова II степени. Шлю вам вырезку из газеты «Правда» за 24.II. Крепко целую тебя, Манек, много, много, раз».

26 апреля. «Здравствуй, дорогая Маня! Здравствуйте, мои дорогие Витя, Людочка и Галочка! Здравствуйте, мама! Всем вам шлю искренний, сердечный привет и крепко, крепко целую!

Маня, получил твое письмо, посланное в марте из Кежмы (авиа) и фотокарточку детей. Несказанно рад, сердечно благодарен за письмо, весточку и фото малышей. Ведь для меня фото от вас — небывалое явление, очень редкий случай. Ведь в моей памяти сохранился каждый из вас в том виде, как вы провожали меня на фронт три долгих года тому назад. И эти три года значительно изменили каждого из вас, и особенно детей. Они растут и растут неудержимо. И это я особенно резко увидел на этой скромной фотокарточке. Ведь на моем фото Галочка еще кудлатая, лежит она на подушке черноволосая, с упрямым, недетским взглядом. А на этом фото она уже большая, рослая девочка, очень хорошо, не по годам, свободно себя держит... А Витя, Людочка стали такими взрослыми. Но Виктор стал худой на лицо. Людочка так и осталась кругленькой. А в общем, молодцы, замечательное потомство. Оно бодрит и радует жизнь! Не один раз память о детях, их славный, милый образ воодушевляли их отца на славные боевые ратные дела! Значительные трудности уже пройдены. Дело идет к развязке, а за ней и долгожданная встреча с вами, мои любимые и дорогие!»

15 мая. «...Высылаю также вещи, без которых я сейчас обойдусь. Шинель, костюм, сапоги. Они тебе окажутся нужными для себя или ребят. Шинель еще новая, но она мне уже не идет: сшита не по форме. Мне теперь нужно будет шить другую. Из сапог переделаешь себе или ребятам, тебе на месте виднее. Если, Маня, ты ощущаешь большую нужду в обуви, то используй и мои новые сапоги хромовые (джимми). Они, может быть, подойдут тебе без переделки...

Я сам пока жив и здоров. Продолжаю работать на старом месте — командиром авиационного корпуса в действующей армии. Дела, по оценке начальства, идут

неплохо, часто лучше, чем у других, хотя более старых, генералов (еще с довоенным генеральским стажем). И общие дела на фронтах идут хорошо. Думаем, что это лето, осень должны быть последними военными! К этому стремимся и ведем всю свою работу по разгрому проклятого врага...

Маня, ты спрашиваешь мое мнение относительно твоего переезда всей семьей на запад. Мне бы очень хотелось иметь вас поближе, чтобы была возможность хоть редко, но все же видеть вас. Ведь уже 3 года! Необходимость встречи велика! Окончательное решение этого вопроса предоставляю тебе, Маня. Тебе лучше видны условия жизни — наличие продуктов питания, их цены и все остальное на твоем сейчас месте — в районе Простихино... Я тебе скажу одно — таких условий, какие ты с семьей имеешь сейчас, с переездом на запад не будет. Тут жизнь трудней, дороже, а в некоторых случаях — очень тяжела. На себе это не всегда приходится испытывать, потому что получаешь питание в установленной норме. Но из докладов моих подчиненных офицеров, семьи которых проживают в Волжской полосе, на юге, в больших городах и тем более на территории, ранее занятой немцами, я знаю, что условия здесь очень трудные. Я исхожу из того, что сейчас материально моя семья живет не так уж плохо: не голодает и с голоду не имеет потерь членов семьи. А это для меня, для моей службы очень важно. Я более или менее спокоен за вас, дорогие мои, зная, что вы не сидите на последнем куске хлеба. В наши суровые дни войны этот вопрос, Маня, основной, центральный. Если три года были тяжелыми, но себя оправдывают — семья сбережена,— то 4-й год не является исключением... Я советую еще этот год пробыть на месте, коль заехали туда, но не испытывать нужды и горя. А там будет видно! К этому времени 45-го года будет безусловная ясность с исходом войны. Вот мое мнение».

22 июня. «Дорогой мой сын Витя! Здравствуй. Обнимаю и крепко, крепко целую. 21.6.44 г. Витя, получил первое твое письмо, которое ты написал 25.3.44 г. и в конце его нарисовал самолет-бомбовоз. Я бесконечно был рад этому короткому, но для меня дорогому посланию! Благодарю, Витя, и еще раз целую в знак отеческой благодарности.

Витя, читая твое письмо, я вспоминал свое детство,

тяжелые условия жизни и учебы! И тем более я радовался твоему письму, потому что ты, Витя, первый из малышей нашей семьи начал постигать начало наук, общей грамотности. И наконец, меня радуют твои успехи в учебе. Но не надо, Витя, зазнаваться. Не надо успокаиваться достигнутым! Старайся еще лучше учиться, добейся по всем предметам только хороших и отличных оценок. Настойчиво и с желанием занимайся по всей программе школьных занятий. Стремись каждую свободную минуту использовать для чтения детской художественной литературы. Прививай себе вкус к ней, вкус к книгам.

Витя, этот год вы будете жить еще на старом месте. Это потому, что еще война не кончена. Наше, т. е. мое, место не определено. Ехать некуда, квартиры у нас на западе нет. Набирайся сил, милый, и продолжай учебу. Помнишь, я тебе обещал часы, если ты окончишь семилетку отлично? Это обещание, Витя, я выполню, если и ты тоже выполнишь. Ты мне каждый раз пиши, как у тебя идут дела, учеба! С кем ты дружишь из ребят, что за товарищи?

Витя, целуй за меня Людочку, Галочку, маму и бабу Полину. Передай всем им большой, большой привет от меня с фронта».

3 июля. «Манечка! Если имеешь возможность, прошу переслать с Масюком десяток носовых платков, бритвенную и зубную пасту. Только посылку такого объема, как в прошлом году, с Масюком не присылай. Ему неудобно было отказаться, но очень тяжело пришлось в дороге с таким багажом. Лучше, Манек, ты Масюка проводи в обратный путь, обеспечив чем можно из продуктов... И я тебя прошу дать ему возможность искупаться в бане, смени ему белье — дай из моего.

Сегодня получил письмо и фото от Федора Котляра. Он участвует в Отечественной войне с самого начала. Сейчас тоже генерал, командует дивизией. Шлет привет».

15 сентября. Польша. «Здравствуй, милая Маня! Сегодня получил от тебя письмо. Рад и сердечно благодарю. Рад за вас всех, что вы продолжаете трудиться, жить и создавать к этому условия, хотя это и нелегко. Но ты пойми, дорогая, что это-то и создает мне уверенность в работе. Веря в тебя, я спокойней занимаюсь вопросами службы на фронте...

Я очень рад, что наша Людочка начала ходить в школу, начала заниматься уже полезным и необходимым делом! Приветствую ее, желаю Людочке успеха в первом учебном году! Маня, а ты пиши о их успехах (Вити и Людочки)...

Шлю вам свое фото. Но на нем нет еще последнего ордена. Привет от Масюка, Корешкова, Веткина (он у меня работает). Крепко целую».

27 сентября. «Крепитесь надеждой, что этот год является последним, отделяющим нас друг от друга. Перетерпели много, малое можно преодолеть.

Я жив и здоров. Но дела еще окончательные впереди, обозначившуюся победу надо организовать и довести до конца.

Получил награду за Львовскую операцию — орден Богдана Хмельницкого I степени. Сфотографировался в полном «иконостасе» и шлю вам четыре фотографии. Смотрите, вникайте и не пытайтесь делать поспешных выводов, что в дни Отечественной войны я прозябал и прожил без пользы для Родины!»

6 ноября. Польша. «Здравствуй, дорогая Маня! Получил твое письмо от 11.X и от Вити от 9.X. Очень рад и благодарен, что не забываете. От Тоси получил 4.XI.44 г. и узнал, что она вышла замуж в Чите за инженер-капитана...

Я жив, здоров. Вступаю в очередную военную зиму. Думаю, что она будет, безусловно, последней, а поэтому и срок разлуки сокращается!»

Во имя победы

Сорок пятый год Полбин встретил в твердой уверенности, что до победы остались считанные недели. Висло-Одерская операция, развернувшаяся на территории Польши, создавала выгодные условия для нанесения завершающего удара по Берлину. В лексиконе экипажей, готовившихся к полетам, появились новые названия. Пе-2 ходили бомбить Ченстохов, Шидловен, Мехув, громили переправы противника на реках Нида и Пилица.

Жирная красная стрела, аккуратно нанесенная на карту, упиралась своим острием в город Бреславль. Глядя на нее, Иван Семенович прикладывал линейку, высчитывая расстояние от линии фронта до этого города, до

Одера, до Берлина. Качев, стоявший рядом, с интересом следил за работой комкора, изредка уточняя цифры. По всему было видно, что сам он не раз и не два проделал такие измерения.

— А что, Феофан Иванович, если нам перебазировать два полка вот сюда, — Полбин указал точку на карте.

— Куда, куда? — сразу же всполошился Качев.— Да ты что, Иван Семенович? Здесь же рядом линия фронта.

— Вот и хорошо.

— Что хорошо? — не понял начальник штаба.

— Фронт рядом, цели под рукой. Можно делать не по 3—4, а по 5—6 вылетов. И топлива меньше надо.

— Но помилуй, Иван Семенович. Такого еще не было, чтобы бомбардировщики стояли чуть ли не впереди истребителей. По инструкции не положено.

— И потом здесь, — Полбин, будто не расслышав Качева, указал снова на выбранную им точку, — полоса с бетонным покрытием. Можно не опасаться дождя.

— Разбита небось бетонка.

— Починим...

Девиз «Все во имя победы» всегда был для Полбина главным вопросом жизни, а в эти дни, когда война близилась к концу, он с какой-то отрешенностью от всего остального занимался боевой работой. Каждый день комкор требовал точного доклада, сколько в каждом полку сделано вылетов, что уничтожено, какие экипажи действовали наиболее успешно. Вот и на этот раз, увлеченный идеей перебазировать бомбардировщики ближе к району боев, он взволнованно потирал руки, довольный своим решением:

— Это же будет такая помощь наступающим. Мы фашистам не дадим дыхнуть. Будем бить их без перерыва.

— Чем? — спросил вдруг Качев.

— Как чем? — не понял Полбин.

— У нас и сейчас не хватает бомб, а если начнем делать по 5—6 вылетов на каждый экипаж?

Полбин задумался. С подвозом бомб с началом Висло-Одерской операции было туго. Тыловики не успевали наладить транспортные связи с одним аэродромом, самолеты перелетали на другой, приходилось менять коммуникации. К тому же для разрушения мощных укреплений требовались бомбы большого калибра, а их и грузить и транспортировать было сложнее.

— Надо что-то придумать, — Иван Семенович нахмурил лоб.— Шевелите снабженцев.

— Шевелим, да они и сами не знают отдыха. А если мы оседлаем аэродром под носом у противника, то вообще поставим их в труднейшее положение. Хотя вряд ли командующий разрешит нам этот эксперимент.

Комкор и сам понимал, что будет трудно выпросить у начальства «добро» на перебазирование. Но у него были веские аргументы.

Неустойчивая погода то со снегом, то с дождем часто делала непригодными для взлета грунтовые полосы. Да и возможность увеличить количество и интенсивность боевых вылетов в условиях наступления играла немалую роль. О нехватке бомб во время этих разговоров лучше было умолчать.

Доводы Полбина подействовали. Для начала, правда, ему разрешили посадить на прифронтовой аэродром небольшую группу бомбардировщиков. Но и это обрадовало комкора. Сразу же, как только первая группа бомбардировщиков совершила перелет, он на своей «эмке» выехал в новый гарнизон.

Бывший вражеский аэродром, где сели Пе-2, хотя и был основательно разрушен, но представлял собой внушительное сооружение. Огромные металлические ангары с крупно написанными по-немецки словами «Курить запрещено», просторное поле, одетое в бетон, множество каменных построек — все говорило о том, что строился аэродром основательно и надолго.

Осматривая окрестности, Полбин обратил внимание на аккуратно уложенные в штабеля немецкие бомбы. Гитлеровцы намеревались использовать их, но убегали так быстро, что не успели даже взорвать боеприпасы. Походив вокруг штабелей и потрогав руками холодный металл, командир корпуса подозвал к себе инженера по вооружению:

— Нельзя ли вернуть фашистам то, что они забыли? — кивком головы показал на бомбы.

— В принципе можно, но взрывателей нет.

— Наши не подходят?

— Гнезда велики.

— А если сделать металлические кольца, вставить их, а в них взрыватели?

— Так ведь этих колец надо не один десяток, а сотни. Из чего их делать и где?

— Вот это более конкретный разговор. Возьмите машину, поезжайте на окраину города, — Полбин указал рукой на темневшие вдали корпуса, — там, кажется, у гитлеровцев был завод. Посмотрите на месте, что можно приспособить под обжимные кольца...

Когда Иван Семенович уехал, инженер, обмеряя гнезда на корпусах бомб, с улыбкой говорил пожилому солдату, охранявшему склад:

— Наш генерал, если бы не война, наверняка стал бы изобретателем или рационализатором. Он, на что ни глянет, обязательно какую-нибудь идею выдвинет. По его предложению мы стали загружать моторные гондолы на Пе-2 осколочными бомбами. Вот так же пришел, походил вокруг самолета. А чего, говорит, мы воздух возим? А нельзя ли использовать пустоту? И ведь получилось.

На бывшем гитлеровском заводе, как и предполагал Полбин, оказался солидный запас алюминиевых шайб. Правда, были они великоваты, но помогли решить проблему. В полевых авиационно-ремонтных мастерских, куда по указанию комкора добавили людей и токарных станков, закипела работа по обточке шайб до нужных размеров. Прямо из-под станков их привозили на аэродром, еще горячими вставляли в корпуса бомб — и взрыватели были на месте.

Выслушав доклад инженера, Полбин улыбнулся:

— Значит, говоришь, неплохие бомбы? А взрыватели наши не подведут. Тогда вешайте первую партию к моему самолету. Не люблю, когда на аэродроме чужие вещи валяются.

Но из полета вернулся не столько обрадованным, сколько удрученным:

— Вот неудача, никогда со мной такого не было. А знаешь, штурман, почему? У тысячекилограммовых бомб иная баллистика. Их нельзя бросать, как пятисотки. Надо делать расчеты.

Немецкие фугасные бомбы весом в тонну были крайне необходимы бомбардировщикам. Только с их помощью они могли взламывать мощные железобетонные укрепления противника. Понимая это, Полбин сделал все необходимое, чтобы оставленный гитлеровцами склад не остался ржаветь на аэродроме.

— Ты, Иван Семенович, прямо волшебник, — сказал ему Качев, когда вслед за первой группой ближе к фрон-

ту перебазировался полк бомбардировщиков. — И начальство убедил, и бомбы нашел.

— Иначе не могу, Феофан Иванович! — Полбин улыбался, довольный своей работой.— Время-то какое. До Берлина рукой подать. Во имя победы сейчас ничего жалеть нельзя.

И Качев, глядя на комкора, подумал, что этот человек в любую минуту не задумываясь отдаст свою жизнь, если это будет необходимо для того, чтобы уничтожить побольше врагов.

Последний полет

На аэродром в городе Бриг, где разместились бомбардировщики 81-го полка, Полбин прибыл в полдень. Специалисты были заняты работой, осматривали только что вернувшиеся с задания самолеты, заправляли их топливом, заряжали оружие, подвешивали бомбы. Увидев самолет комкора, люди на минуту отрывались от дел, приветливо улыбались. Кое-кто поспешил к зданию командного пункта, куда подруливал Пе-2 с нарисованным на борту львом. У многих механиков, хорошо знавших генерала, были к нему неотложные дела.

Но Полбин, торопливо поприветствовав встречавших, заспешил в столовую, где обедали летные экипажи. И, хотя по уставу во время приема пищи не положено приветствовать старших, при появлении комкора все дружно встали, выражая тем самым особую любовь к комкору. .

— Садитесь, товарищи. — Полбин прошел к столу в середине зала и, видя, что люди продолжают стоять, добавил: — Что же вы стоите?

— Поздравляем с днем рождения, товарищ гвардии генерал! — выкрикнул кто-то, и все сразу загалдели, потянулись к Полбину.

По всему было видно, что генерал не был подготовлен к такой встрече. Или, занятый делами, забыл о том, что ему исполнилось ровно 40 лет, а скорее всего, комкору было не до поздравлений. Задача, которую он прибыл поставить полку, отличалась особой сложностью. Вот почему, быстро прервав поздравления, он попросил всех сесть на свои места:

— За внимание спасибо. Жаль, что я не могу отве-

тить взаимностью. Вынужден прервать ваш обед. Второе доедите после полета. А сейчас прошу всех достать карты.

В одну минуту столы были освобождены от тарелок и приборов, летчики и штурманы зашуршали бумагой, доставая из планшетов свернутые гармошкой полетные карты.

— Найдите ближе к восточной окраине Бреславля зеленый квадратик. Это парк. Наши войска вышли непосредственно к нему. Но местность простреливается. Западнее парка все дома напичканы огневыми средствами. Отсюда бьют и пушки и пулеметы. Задача — нанести мощный бомбовый удар по этим домам. Надо выкурить оттуда немцев, завалить их намертво.

Штурманы обводили карандашами объекты, указанные генералом, записывали его указания, где начинать разворот на боевой курс, с какой высоты вводить машины в пикирование, на какой начинать вывод.

— Ведущим группы пойду я, — закончил постановку задачи Полбин. — Моим заместителем будет гвардии капитан Плотников.

Когда летные экипажи, торопливо пряча карты за плексиглас планшетов, вышли из столовой, самолеты были уже готовы к очередному вылету. Первым на рулежную дорожку вырулил генерал Полбин. Он и здесь, на земле, по-особому управлял машиной. Она не ревела надсадно моторами, не скрипела тормозами, а уверенно снималась со стоянки, плавно разворачивалась и, будто невесомая, легко уходила в небо, незаметно отрываясь от взлетной полосы. Механики, да и летчики, остающиеся на аэродроме, всегда с интересом наблюдали за машиной комкора. На этот раз зрителей было особенно много: на задание уходила большая группа, и вел ее лично генерал Полбин.

— Эх и взлет! — восторженно воскликнул механик Теофил Кишко. — Наш комкор, прямо как бог, от шарика отрывается.

— А кто тебе, Филя, мешает летчиком стать? Поступай в училище, тогда в Советском Союзе будет два бога, — пошутил механик соседней машины.

— Таланта нет, — серьезно ответил на шутку Кишко, — чтобы так летать, как Полбин, училища мало, даже академии не хватит. Тут особый дар нужен. Я помню, мы под Сонжорами стояли. Погода была отврати-

тельная. Метель. Видимость не больше ста метров. И вдруг слышим, самолет гудит моторами, вроде наш, по голосу «пешку» узнали. Заходит она как ни в чем не бывало, садится, рулит. От удивления мы даже рты пораскрывали. А это, оказывается, Полбин прилетел.

— И человек он отличный, — вступил в разговор еще один механик, вытирая руки промасленной тряпкой, — понимает, что к чему. Когда надо взгреет, а где можно — простит. Я как-то в штабе дневалил. Перед этим как раз мы ночью летали. Ну спать, конечно, хочу зверски. Сижу у тумбочки, голова, как переспевшая груша, так и падает на плечо. А Полбин в своем кабинете что-то писал, время уже к полночи приближалось. В общем, не заметил я, как уснул. Очнулся, смотрю рядом записка лежит: «Я на радиостанции. Звонить туда. Полбин». «Ну, все во мне оборвалось. Попадет, думаю, по самую заглушку. Огляделся, рядом дежурный. «Не дрейфь, — говорит, — Полбин сам вызвал меня, просил постоять у тумбочки, пока ты дрыхнешь. Жалко, сказал, будить, человек всю ночь на полетах был».

На северо-западе, куда ушли самолеты, все время слышалась канонада, до самого Брига доходила земная дрожь. Чувствуя по времени, что экипажи скоро должны вернуться, механики все чаще вглядывались в горизонт. Вот наконец вдали показались силуэты «пешек», и люди по утвердившейся на войне привычке начали торопливо считать их: «Раз, два, три...» Получилось, что одной машины нет. Снова в несколько голосов начали тревожный счет: «Раз, два, три...» Одной «пешки» не хватало. Теперь уже все не столько считали самолеты, сколько с замиранием сердца старались угадать, чей экипаж не вернулся на аэродром.

Первым приземлился Плотников. Не было Полбина. Но у всех, кто находился на аэродроме, еще жила надежда, что командир по каким-то причинам поменял во время полета место в строю. Но что бы там ни произошло, волновало главное: самолета со стрелой через фюзеляж не было. И уже по тому, как заруливали летчики, как прятали от встречавших лица, было видно, что случилось несчастье.

Гвардии капитан Плотников, обычно торопливый и улыбчивый, медленно поднялся из кабины, и люди, окружившие его самолет, увидели на глазах комэски слезы.

— Комкор... генерал Полбин... погиб, — с трудом произнес он, снимая шлемофон.

Боясь глянуть друг на друга, вытирая украдкой щеки, мужчины плакали.

— Он пикировал на цель, — пояснил, чуть справившись с волнением, Плотников, — я шел за ним. Уже перед самым выводом в самолет комкора попал зенитный снаряд. Машина вспыхнула и врезалась в землю.

— Как же так? Как же так? — растерянно повторял механик командирской машины.

— В бою погиб наш генерал. Как герой, — ответил ему Плотников и, обращаясь ко всем, громко скомандовал: — Быстро готовить машины. Мы отомстим за командира.

Считанные минуты понадобились специалистам, чтобы заправить самолеты, подвесить бомбы и подготовить оружие. Место ведущего в группе занял командир дивизии Федор Добыш. Он снова повел пикировщиков на Бреславль.

А на старте в это время появился траурный плакат. Под фотографией Полбина, взятой в черную рамку, было написано: «В 13 часов 30 минут под Бреславлем погиб Герой Советского Союза гвардии генерал-майор авиации Иван Семенович Полбин. Снаряд вражеской зенитной артиллерии попал в носовую часть кабины при выходе самолета из пикирования на высоте 500—600 метров. Самолет взорвался в воздухе.

Вечная слава Герою, отдавшему свою смелую, прекрасную жизнь за честь и независимость социалистической Родины!

Отомстим за смерть любимого командира, удвоим и утроим удары по врагу! Вперед, к окончательной победе над фашизмом!»

* * *

В «Истории Великой Отечественной войны» можно прочитать такую запись: «11 февраля генерал Полбин повел группу самолетов Пе-2 на боевое задание с целью уничтожить сильный узел сопротивления противника на окраине Бреславля. Объект был прикрыт многослойным огнем вражеской зенитной артиллерии. Несмотря на это, Полбин ввел самолет в пикирование, стремясь как можно точнее поразить врага. Это был его 158-й боевой вылет. Фашистские зенитки сосредоточили огонь всех орудий

на головном самолете. От прямого попадания снаряда самолет загорелся и врезался в землю. Отважный летчик погиб».

И еще один документ, который в семье Ивана Семеновича Полбина хранится как самая дорогая реликвия:

«Уважаемая Мария Николаевна!

По сообщению военного командования, Ваш муж Герой Советского Союза гвардии генерал-майор авиации Полбин И. С. в боях за Советскую Родину погиб смертью храбрых.

За геройский подвиг, совершенный Вашим мужем Иваном Семеновичем Полбиным в борьбе с немецкими захватчиками, Президиум Верховного Совета СССР Указом от 6 апреля 1945 года наградил его второй медалью «Золотая Звезда».

Посылаю Вам Грамоту Президиума Верховного Совета СССР о награждении Вашего мужа второй медалью «Золотая Звезда» для хранения как память о муже дважды Герое, подвиги которого никогда не забудутся нашим народом.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. Калинин».

ЭПИЛОГ

Фамилия легендарного командира дважды Героя Советского Союза Ивана Семеновича Полбина стала их символом. Они называли себя полбинцами в годы войны. С его именем связывали свои победы. Полбинскими окрестили и знаменитую «вертушку», и бомбометание с пикирования. Они любили своего «батю», и даже время не охладило их чувств. Прошло 35 лет, но и сейчас бывшие летчики, штурманы, техники и механики, ставшие ветеранами, убеленные сединами, как прежде, гордятся, что они полбинцы, и свято берегут память о своем командире.

По улице Полбина, что расположена в Люблинском районе Москвы, в музей Полбина шли ветераны войны Герои Советского Союза генерал-полковник авиации Ф. Добыш, генерал-лейтенант авиации Л. Жолудев, полковники А. Хвостунов, И. Копейкин. Вместе с ними была маленькая седая женщина с добрым лицом и удивительно спокойными глазами — Мария Николаевна Полбина, жена Ивана Семеновича. Музей, куда они шли, необычный. Он создан на добровольных началах учениками и преподавателями школы № 846. За четыре года пионерами и комсомольцами собраны сотни экспонатов: личные вещи героя, его фронтовые письма, фотографии, газеты и журналы, в которых печатались его статьи, книги, рассказывающие о нем.

Экскурсовод, а ими назначаются лучшие из лучших учеников, переходя от стенда к стенду, обстоятельно и подробно рассказывал о жизни Полбина. Гости слушали с интересом: так хорошо ребята изучили биографию легендарного летчика, так много знают о его детских годах, о его боевом пути, о подвигах, совершенных им. И бывшие сослуживцы, бывшие друзья Полбина были уже не только посетителями музея, не просто слушали повесть о человеке легендарной судьбы. Они снова видели его живым, каким знали его, добрым, решительным и строгим. Они опять шли рядом с ним дорогами войны, дорогами его героической жизни...

— Ребятки, дорогие вы наши,— говорит, волнуясь, Леонид Васильевич Жолудев, бывший ведомый Полбина,— какие вы молодцы, что так бережно храните память о нашем командире.

— Так ведь и мы — полбинцы,— с гордостью отвечает один из учеников.

Мы — полбинцы. Трудно передать, как взволновали эти слова боевых друзей и товарищей Ивана Семеновича. Их внуки, как и они сами, с уважением и гордостью носят имя их командира. Полбинцы! Этот символ уже не принадлежит только им, он стал синонимом мужества, отваги, верности воинскому долгу, он передается, словно эстафета, от поколения к поколению.

На Ленинском проспекте в Москве есть квартира, которую можно назвать и музеем Полбина и штабом полбинцев. Мария Николаевна все послевоенные годы настойчиво, по крупицам, собирает документы, фотографии мужа, воспоминания тех, кто служил вместе с Иваном Семеновичем. От нее эти материалы расходятся по всей стране. И не только по нашей стране. К Марии Николаевне приезжают гости из разных городов Советского Союза, из Польши, Венгрии. Она встречает всех радушно, просит пройти в большую комнату, где висят на стене портреты Полбина, а на столе и в шкафах лежат альбомы с его фотографиями и письмами, в отдельных папках собраны газетные вырезки со статьями и очерками о нем.

— Это Ванина комната,— говорит Мария Николаевна.

Официально она живет одна, но никогда не чувствует себя одинокой. Часто приезжает в гости дочь Галина (Иван Семенович называл ее Галчонком). Галя окончила авиационный институт, пошла по стопам отца. Она ведь с детства наслышана о небе и о самолетах.

Виктор бывает у матери редко, хотя живет и работает в Москве. Он летчик, командир экипажа пассажирского самолета Ан-24. Времени свободного у него мало, летать приходится часто, а готовиться к каждому полету приходится много.

Люда пошла по стопам матери. Окончив медицинский институт, заведует клинической лабораторией.

— Ванин наказ я выполнила,— улыбается Мария Николаевна,— детей вырастила, воспитала, вывела, как говорится, в люди. Теперь вот хлопочу с внуками.

В подтверждение ее слов из соседней комнаты появились совсем крошечные Галины близнецы — мальчик и девочка.

Не раз Мария Николаевна вместе с другими ветеранами Великой Отечественной войны выезжала в Ульяновск, на родину мужа. Волжане помнят своего земляка, В селе Полбино установлен бюст Героя. В Ульяновске его именем названа улица. В одной из школ города создан музей, где собраны многочисленные экспонаты, рассказывающие о жизни и боевом пути знаменитого летчика.

— Иван Семенович очень любил детей, — вспоминает Мария Николаевна, — в каждом письме он обязательно спрашивал о ребятах, обращался к ним, советовал хорошо учиться, наказывал дорожить именем пионера, любить Родину. Война особенно потрясла его тем, что осиротила многих детей; на освобожденной от врага территории он встречал их голодных и оборванных, потерявших родителей.

Словно в ответ на эту любовь, Полбин стал одним из любимых героев мальчишек. Его именем названы десятки пионерских дружин во многих городах и селах. У памятников, поставленных ему в Полбино, в Москве и Ульяновске, во время праздников пионеры становятся в почетный караул. Письма, открытки и телеграммы от школьников часто приходят по адресу: Москва, Ленинский проспект, дом 32, квартира 290.

Вот письмо, присланное Марии Николаевне из польского города Вроцлава, где в сорок пятом погиб Полбин: «Члены школьного кружка польско-советской дружбы, носящего имя Полбина, проделали в этом году большую работу. По нашему предложению во Вроцлаве, в районе Козанова, одна из улиц названа именем И. С. Полбина...»

А не так давно из Варшавы в Москву приезжала целая делегация. Были в ее составе журналисты и скульптор. Они сообщили, что решено поставить во Вроцлаве, где погиб Полбин, памятник. Долго они беседовали с Марией Николаевной, спрашивали, каким был Иван Семенович в жизни, как улыбался, ходил, говорил, о чем мечтал? С волнением читали гости те письма, которые Полбин написал на польской земле, незадолго до своей гибели. Эти письма помогут им создать образ мужественного летчика, коммуниста-интернационалиста,

отдавшего жизнь за освобождение Польши от фашизма.

Люди народной Польши помнят о подвиге летчика. Там, в далеком Вроцлаве, тоже есть полбинцы, как есть они в Москве, в Ульяновске, во многих других городах. Тысячи юношей и девушек становятся патриотами-интернационалистами, воспитывают в себе готовность к защите социалистического Отечества.

Телеграмма из Венгрии: «11 февраля дружина имени Полбина выстроилась на линейку. К бюсту И. С. Полбина выставлен почетный караул, возложены цветы». Этот бюст установлен в городке, где живут советские воины, несущие службу за рубежом родной страны. Неподалеку сверкает бетоном летное поле, взмывают вверх реактивные истребители. Идет боевая учеба. И нетрудно догадаться, о чем думает в эти минуты мальчишка, который замер по стойке «смирно» в почетном карауле. Он мечтает о небе, он хочет быть похожим на прославленного летчика.

«Здравствуйте, уважаемая Мария Николаевна! Пишут вам ученики 3 б класса школы № 14 Белгорода. Наш класс решил носить имя вашего мужа. Мы даем слово, что будем хорошо учиться, ничем не запятнаем эту высокую честь. Класс наш небольшой, 39 человек, скоро нас примут в пионеры...»

Письма, письма... Их много. Они идут со всех концов земли. От друзей Полбина, от ветеранов войны, от студентов, от школьников, от призывников, готовящихся к службе в армии: «Командуя авиационным корпусом, Иван Семенович Полбин освобождал наш маленький город Зборов от фашистов, вел воздушные бои с гитлеровскими стервятниками в небе Зборова. Мы гордимся его храбростью и хотим стать такими, каким был Иван Семенович...»

Ни одно письмо не остается без ответа. Мария Николаевна рассказывает об Иване Семеновиче, о его характере, о привычках, о том, как он любил летать, с каким старанием осваивал новые самолеты, как радовался, если его подчиненные отличались на учениях или в бою. От себя она дает ребятам советы лучше учиться, помогать старшим, не чураться никакой работы. Ведь именно трудолюбие помогло Ивану Семеновичу в трудные годы разрухи и гражданской войны стать кормильцем в большой семье, окончить школу и поступить в летное училище. Благодаря настойчивости и старанию

он всегда был лучшим летчиком, а его полк, а потом и соединения под его командованием, как правило, завоевывали первые места в боевой подготовке, часто отличались в боях.

А вот письмо от воинов: «Дорогая Мария Николаевна! Командование, политический отдел и весь личный состав Оренбургского высшего военно-авиационного училища летчиков имени И. С. Полбина горячо поздравляет вас с Днем Победы. Имя Ивана Семеновича Полбина, талантливого авиационного командира, дважды Героя Советского Союза, генерал-майора, широко известно в нашей стране. Мы гордимся тем, что училище носит его имя, и бережно храним материалы о нем и его документы, постоянно рассказываем молодым воинам, многочисленным делегациям о его замечательной жизни. Девиз «Летать по-полбински» получил широкое распространение среди всего летного состава. Курсанты прилагают все усилия, чтобы быть достойными продолжателями боевых традиций старшего поколения».

Имя Полбина не во власти времени. Оно с каждым годом звучит все громче.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

Глава первая. ИСТОКИ 7

Мать и отец 7
Батрачество 10
На станции Выра 12
Школа второй ступени 14
В Майне 16
Осечка 19
В богунском полку 20
Теоретический курс 23
Первый самостоятельный 27
Инструктор 31
Поворот в судьбе 34
Встреча с Чкаловым 37

Глава вторая. МУЖЕСТВО 41
На реке Халхин-Гол 41
Начало войны 46
Полк особого назначения 52
Бомбы ложатся в цель 54
Письма 1941 года 59
Тяжелые потери 60
Аварийная посадка 65
Необычный перелет 69
Фронтовые будни 73
Пикировщики 79
Письма 1942 года 86

Глава третья. ДОЛГ ВЕДУЩЕГО 90
В Гумраке 90
Разгадка тайны 93
Со второго захода 96
Дорогой ценой 98
Новая должность 105
В свою стихию 106
Крепкий орешек 110
Личный пример 114
Бочка на Пе-2 118

В интересах пехоты 123
Над Днепром 128
Комбинированный бой 132
Удар по Знаменке 135
Письма 1943 года 138

Глава четвертая. РЫЦАРЬ НЕБА 143
Степень риска 143
«Вертушка» 148
«Колтувский коридор» 152
Снайперы 156
Прерванный маршрут 159
Письма 1944 года 164
Во имя победы 168
Последний полет 172
Эпилог 177

Иван Михайлович Дынин

ГЕНЕРАЛ ПОЛБИН

Редактор В. В. Масян
Художник В. А. Храпун
Художественный редактор А. Г. Коновалов
Технический редактор Л. В. Андронова
Корректор Н. Н. Попова

ИБ № 614

Сдано в набор 14.05.1980 г. Подписано в печать 6.01.1981 г. НГ54073. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Бумага типографская № 3. Усл. печ. л. 9,66+0,84 вклейки. Уч.-изд. л. 9,634+0,656 л. вклейки. Тираж 10 000. Заказ 1705. Цена 50 коп.
Приволжское книжное издательство. Саратов, пл. Революции, 15.
Производственное объединение «Полиграфист» Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Саратовского облисполкома. Саратов, пр. Кирова, 27.

50 к.

Саратов
Приволжское
книжное
издательство
1981

ИВАН ДЕНИН